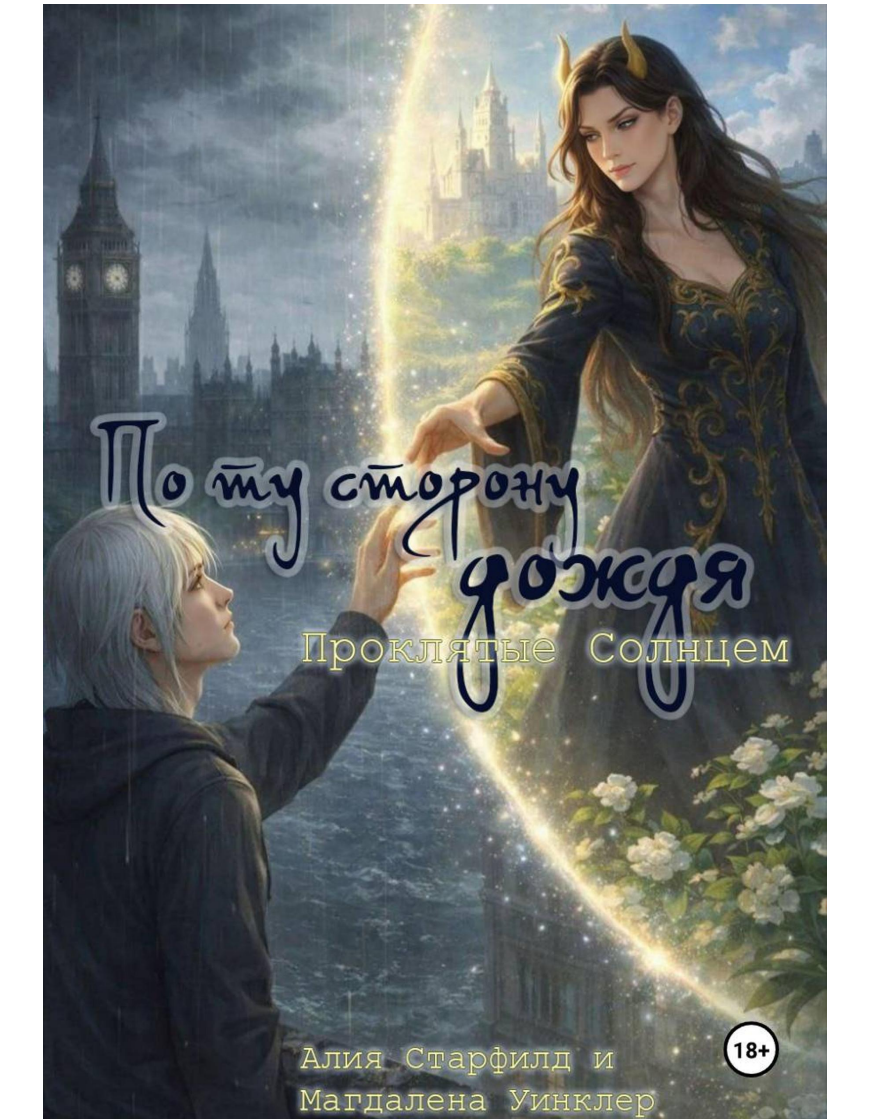

The background of the cover is a detailed illustration. On the right, a woman with long brown hair and small golden horns, wearing a dark blue dress with gold embroidery, reaches out her hand. On the left, a young man with short white hair, wearing a dark hoodie, looks up at her and reaches out his hand. A bright, golden beam of light connects their hands, sparkling with magical energy. In the background, a cityscape is visible under a cloudy sky, featuring a large clock tower on the left and a castle with multiple spires in the center. White roses are in the bottom right corner.

По ту сторону дождя

Проклятые Солнцем

Алия Старфилд и
Магдалена Уинклер

18+

**Алия Старфилд
Магдалена Уинклер
Проклятые Солнцем.
По ту сторону дождя**

<https://litres.ru/73903703>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, в котором постоянно идут дожди, не было и малейшей причины для улыбки. Одиночество, хоровод тараканов в квартире, пустая банка из-под газировки в холодильнике и чувство, что он давно уже стал лишним в собственной жизни. Таков мир Эдварда Бредберри. Пока в его антикварную лавку не заходит женщина с золотыми рогами — маг, наследница великого рода, уставшая от своего мира не меньше, чем он от своего. В один вечер Лондон остаётся позади, а Эдвард оказывается в мире, где магия реальна, луна сияет голубым светом, а сказки живут наяву. Мир исполняет желания. Дарит золото. Дарит семью. Дарит смысл. Вот только сказки не любят тех, кто попадает в них случайно. И если каждое желание может быть исполнено, то готов ли ты заплатить за него, когда сам не знаешь, чего хочешь на самом деле?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Единственная надежда и новая забота	28
Глава 2. Эльфийка из любимой книги	77
Глава 3. У всего есть последствия	131
Глава 4. Воспоминание о грешном жаре, часть 1	181
Конец ознакомительного фрагмента.	229

Магдалена Уинклер, Алия Старфилд Проклятые Солнцем. По ту сторону дождя

Пролог

Осень на улице казалась бесконечной, будто бы других времён года больше не существовало, будто бы ледяной дождь целиком и полностью завладел этим миром. Он шёл каждый день. Дурацкий зонтик с рисунками разноцветных котов уже давно перестал справляться со своей миссией, а холодный ветер то и дело выгибал его в обратную сторону.

Эдвард замирает на месте, когда это происходит опять. Снова! Что за день такой ужасный, чёрт подери. Не день — вся жизнь.

Приходится потратить время на то, чтобы вернуть зонтик в привычное ему положение, а времени ведь совсем мало — пара скоро начнётся. Эдвард ненавидел опаздывать, но что поделаешь, если сегодня всё было против него: и задержавшийся автобус, и пробки на дорогах, и этот, чёрт подери, зонтик. Мокро и зябко. Парень невольно вздрагивает, когда

одна из капель попадает куда-то за шиворот. Хочется бросить этот зонтик прямо тут, развернуться и просто вернуться домой. Там хотя бы тепло.

Эдвард тяжело вздыхает: вообще-то у него нет такого варианта. Он выпрямляется и в быстром темпе продолжает свой путь до университета. Ненавистная специальность, выбранная из безысходности, скучные задания и нудные преподаватели. Кажется, в детстве он мечтал о чём-то совершенно другом. Кажется, сейчас это уже не имеет никакого смысла.

— Мистер Бредберри, не желаете ли показать, как следовало правильно выполнить это задание? — с едкой усмешкой спрашивает преподаватель с длинными седыми усами.

Парень раздражённо фыркает: он уж точно не желает ничего показать.

На самом деле, в этой аудитории никто не хочет выступить, поэтому седовласый мужчина и решил пройтись по списку. Задание слишком сложное, а погода за окном такая серая, мутная — в общем, никакого вдохновения.

Эдвард оглядывается по сторонам, замечая, как некоторые студенты с облегчением вздыхают — их не спросили сегодня, а некоторые с легкой насмешкой смотрят на парня. Наблюдать за чужими страданиями всегда интересно.

Звенит звонок, и Бредберри с облегчением вздыхает.

Обошлось. Эта казнь отложились ещё на пару дней.

— Что ж, вам повезло, — недовольно фыркает преподаватель. — Придётся спросить вас в следующий раз, мистер Бредберри.

В том, что в следующий раз старый маразматик вспомнит о своём обещании, Эдвард сильно сомневался.

Парень наскоро запихал в сумку тетрадь и ручку (как будто бы он что-то писал на паре) и последовал в сторону выхода из аудитории. Хотелось как можно скорее исчезнуть из ненавистных стен. До дома, конечно, ещё очень далеко. Как минимум, целый рабочий день.

Но в магазинчике на краю городка хотя бы не было такого количества глупых навязчивых людей, как в этом университете. Покупатели были либо очень богатыми людьми, которые ценили своё время, либо настоящими любителями искусства, которых иногда было даже весьма интересно слушать. Хоть какое-то разнообразие.

По улицам опять приходится шлёпать под дождём, разбрызгивать старыми кедами лужи. Лишь бы потом не умереть от пневмонии.

Старый антикварный магазинчик выделяется из остальных домов на улице, он совсем другой, немного непримечательный, словно даже скрытный, но, по мнению Эдварда, очень красивый. Кирпичное маленькое здание с кованной крышей, дверь резная из тёмного дерева, за ней словно скрывается что-то сказочное, может, даже магическое. Впрочем,

так ведь оно и было. Мирок из удивительных старинных вещей, внутри каждого — целая история, у некоторых простая, у некоторых — загадочная и даже немного пугающая. Парню нравилось представлять, кому могло принадлежать то или иное украшение, резная шкатулка. Тело, конечно, оставалось в бренном хмуром мире, но разум будто бы перемещался в другую вселенную. Куда более красочную.

Эдвард осторожно приоткрывает дверь, чувствуя из помещения тепло. Звенит медный колокольчик, висящий над потолком, и парень улыбается первый раз за день.

— Ох, Эдди, ты как раз вовремя, — улыбается невысокий старичок в длинном чёрном плаще — хозяин магазинчика.

— Добрый день, мистер Мартин, — здоровается Бредберри, стаскивая с себя намокшую куртку.

— Дождь нынче на улице разбушевался, да, мальчик? — тихо смеётся мужчина.

— Это точно, — усмехается парень.

— Поправь сегодня, пожалуйста, полочку с журналами. Какой-то там полый беспорядок, — ахает мистер Мартин, трясая головой.

— Конечно, — кивает головой Эдвард, плюхаясь на стул, оббитый бархатом, за столиком с кассой и наблюдая за тем, как хозяин магазина мечется из стороны в сторону, явно собираясь на очень важную встречу. — Неужели на свидание собрались? — хмыкает парень.

— Не смейся, мальчик, — мистер Мартин смущается, и

Эдвард тихо смеётся. — Посмотрю на тебя я, когда приспи-чит тебе влюбиться, — ворчит мужчина.

— Ну уж нет, — Эдвард складывает руки на груди и откидывается на спинку стула.

— Заболтал ты меня, — трясёт головой старичок. — Опаздываю из-за тебя уже, — он стаскивает с вешалки шляпу и надевает на голову. — Удачной смены, мальчик!

— Хорошего вечера, мистер Мартин, — смеётся Бредберри в ответ.

Когда колокольчик снова звенит, парень расслабленно вздыхает. Пожалуй, несмотря ни на что, в одиночестве находиться ему нравилось больше всего. Эдвард поднимается с места и потягивается, думая, с чего стоит начать. Журналы, конечно, преданно ждут, но это так скучно.

Покупателей в это время обычно совсем мало, и Бредберри подходит к большому шкафу, выуживая оттуда коробочку с брошками. На некоторых гравировки и надписи, и рассматривать их куда интереснее.

Весенняя пора была в самом разгаре, отчего в саду одного из богатых домов города уже пышно цвели всевозможные растения, создавая вокруг строений атмосферу лёгкости и умиротворения. По территории и террасам неспешно ходили слуги и представители знатного рода Алгениб, которому,

собственно, и принадлежал этот дом. Некоторые из них вели неспешные разговоры о планах на грядущий день, делились новостями с города или из своей личной жизни.

Весь дом был окутан спокойствием, и казалось, что это спокойствие нерушимо, и каждый, кто находится в этом доме, старается его укреплять. Но вся эта хрупкая атмосфера вмиг нарушилась, когда из своих покоев вышла герцогиня Венсия Алгениб.

Каждый слуга знал, если она гордо и уверенно вышагивала по коридорам, то жди беды: в ближайшие минуты тихие коридоры наполнятся шумом.

— Фелициан! — женщина с силой распахнула тяжелые двери самых больших покоев во дворце. — Ты опять отверг мои реформы? Нам нужны школы для бедных! — с порога начала говорить она, обращаясь к взрослому мужчине, который сидел за массивным столом, держа золотой свиток в руках, и явно не обращал внимания на восклицания сестры.

— Скажи спасибо, что ты вообще допущена к королевскому совету. Ты все ещё там только в память о нашем отце, — произнес наконец-то мужчина, взмахнув рукой и прерывая речь женщины. — Выйди из моих покоев и, если хочешь поговорить, приди с мирным духом, а не с этими глупыми возгласами, словно ты ещё совсем девчонка.

— Нет, я не уйду, брат! Я пришла, чтобы добиться своего, и я добьюсь! Я и так долго терплю твоё неуважение.

— Я сказал: молчать! — громко произнес мужчина, хлоп-

нув по столу руками и поднимаясь со своего места. На его лице читалось искреннее раздражение. — Лучше бы ты занималась своими прямыми обязанностями, а твои бедняки никуда не денутся. А теперь уходи, — мужчина указал на дверь.

— Смотри, чтобы твоё отношение к своему же народу потом не сыграло бы против тебя. Твоя власть уже слабее, чем власть нашего отца, — резко развернувшись, Венсия отправилась прочь из покоев своего брата.

Она еще только идя к брату понимала, что скорее всего ее слова не захотят даже слушать, но не попытаться не могла. Это понимание смягчало провал да и тем более сегодня у женщины были планы гораздо приятнее споров.

Сегодня был день Весенней луны: день, в который луна не покидает небосвод утром, деля небо с солнцем, а ночью сияет необычайно красивым голубоватым светом. В этот день магия, которая в этом мире не являлась чем-то крайне необычным, становилась в несколько раз сильнее у каждого, кто ей обладает. Поэтому многие маги стремятся именно в этот праздник выполнить свои сложнейшие задумки, и Венсия как раз была одной из таких магов.

Отойдя от покоев брата, женщина поспешила покинуть дворец, направившись в сторону одного из городских садов, где за большими густо цветущими кустами в самом конце сада у нее было излюбленное тайное место, о котором знала только она, ведь оно было надежно скрыто от посторонних

глаз защитной магией.

Все было сделано ради того, чтобы ни одна живая душа не увидела того, что собиралась сделать женщина — а именно открыть проход в другой, параллельный мир.

Ежегодно в день Весенней луны она давала себе шанс хотя бы на пару часов сбежать из своего мира туда, где ей не нужно доказывать свою значимость.

Собравшись с силами и начертив в воздухе нужный символ, произнеся заклинание, женщина сосредоточила всю свою магию перед собой, и вскоре воздух перед ней пошел волнами, создавая своеобразный проход.

Пройдя через него, она оказалась в небольшом переулке. Оглядевшись и закрыв за собой проход, Венсия наконец-то смогла вздохнуть полной грудью, а на ее лице впервые за день появилась улыбка.

Первым делом после перехода в другой мир Венсия занималась сокрытием своего истинного облика. Золотые рога, традиционные одежды и золотые украшения в темных волосах — все это скрывалось наложенным на них заклинанием, превращаясь в привычные этому миру кроссовки, джинсы и толстовку.

И так могущественная наследница великого рода магов становилась «обычным человеком».

Весь день, несмотря на дождь и холод, женщина провела гуляя по новому для нее городу, чувствуя себя действительно свободной в этом мире. Порой в ее голову даже закрады-

валась мысль остаться здесь навсегда, но она отталкивала ее от себя как можно дальше, понимая, что это будет иметь не лучшие последствия.

Когда время уже подходило к вечеру, Венсия с тяжестью на сердце отправилась в сторону того самого переулка, чтобы вновь открыть проход, но уже с целью на еще один год вернуться в свой мир. Но перед этим она всё-таки решила сперва заглянуть в магазинчик, который, судя по витрине, был посвящён старинным вещам и находился в относительной близости к нужному переулку. Да и как можно вернуться в свой скучный мир без подарка отсюда?

Перед входом в магазин она щелчком пальцев избавилась от влаги на одежде и волосах, чтобы не вызвать лишних вопросов. Зайдя во внутрь, она не заметила продавца, сразу же начав рассматривать представленные к продаже вещи. Взгляд Венсии привлекла книжная полка, и она сразу же поспешила к ней, не заметив того, что рядом с ней стояло старинное зеркало. Взяв в руки одну из книг, она аккуратно начала перелистывать страницы, всматриваясь в текст.

Казалось бы не происходило ничего необычного, но при этом атмосфера в магазине будто бы начала меняться от присутствия в нем женщины.

Наверное, копаться в старинных украшениях Эдвард любил особенно сильно.

Сам в своей обычной жизни Бредберри выглядел вполне себе обыденно: тёмные тона, иногда немного серого, совсем редко — белый, полное соответствие полосам в череде событий своей жизни. Ему не нравилось наряжаться, не нравилось торчать у зеркала, часами подбирая “идеальное” сочетание одежды, не нравилось носить украшения — они казались тяжёлыми и обычно ещё и мешали. Да и вообще вся эта суматоха вокруг внешнего вида казалась ему полным бредом, сколько же времени на это тратится? К тому же люди почему-то решили, что это нормально — оценивать человека по его одежде, по цвету волос, по тому, по количеству серёжек в ухе.

Но старинные украшения... да уж, им Эдвард был готов простить всё.

Быть может, Бредберри и правда был склонен к романтизации всего, что попало в современный мир из прошлого. Но ведь он работает в антикварном магазине — для него это должно быть естественно. Исключительное мастерство, скрытое в крошечных брошках, восхищало его. Страшно представить было, как долго ювелир изготавливал украшение, сколько собственной души и любви к своему делу вложил в каждый отдельный шедевр. Ещё Эдварду нравилось, что в некоторых кулонах можно было найти черно-белые фотографии молодых юношей и девушек, выгравированные имена чьих-то любимых, изображения счастливых семей. Некоторые украшения по заказу джентльмена изго-

тавливались индивидуально для особенной леди — в знак признательности, симпатии или искренней любви. Это казалось очаровательным.

Вообще-то, Эдвард не какой-то там сопливый романтик, нет. Он потратил очень много времени, чтобы доказать одноклассникам собственную скупость и чёрствость, а может быть, даже угрюмость. И Бредберри действительно таким был. Какие-то там романы, фильмы о любви, сопливые парочки вызывали исключительно раздражение, но, опять же, любви, происходящей в прошлом, Эдвард был готов всё простить. Это было что-то совершенно иное — будто бы из другого мира.

Колокольчик, висящий над дверью, снова зазвенел, и Бредберри недовольно закатил глаза: кто и зачем решил по дождю такому до антикварного магазина дойти? Станный досуг в такую погоду, да ещё и в будний вечер после работы.

Эдвард недовольно поднялся с пола, где уже успел удобно расположиться вместе с брошками, собирая попутно украшения обратно в коробочку. Иногда возникало жгучее желание повесить на дверь табличку «закрыто» и запереться в магазинчике вместе со всей этой антикварной ерундой, но приходилось постоянно себе напоминать, что парень вообще-то работает здесь, а не просто приятно проводит время.

Иногда, к большому сожалению, было необходимо обслуживать клиентов, хотя у антикварного магазина был большой плюс — здесь их было куда меньше, чем в супермаркете.

— Добрый день, приветствую вас в антикварном магазине «Винтаж», — пробормотал Эдвард, как когда-то учил его мистер Мартин — старичок хотел, чтобы в его лавочке царил атмосфера загадки, но вместе с тем и вежливости и учтивости.

Конечно, сейчас хозяина рядом не было, но за всё это время Бредберри проникся к нему искренним уважением, поэтому исполнял эти негласные правила и в его отсутствии, хотя и считал их странными, особенно учитывая тот факт, что сами посетители редко отличались вежливостью.

— Вас интересует что-то конкретное?

Эдвард чуть удивлённо приподнял светлые брови. Он многих людей видел среди числа клиентов, и обычно это были люди, одетые в дорогие вещи: костюмы с запонками, пальто с золотыми пуговицами, элегантные платья.

Антикварные вещи не были дешёвым удовольствием, учитывая их богатую историю, редкость и происхождение — чаще всего за ними охотились коллекционеры, а обычные люди заглядывали сюда гораздо реже. К слову, и сам мистер Мартин не был бедным, но, в отличие от многих, он сумел сохранить доброту и тепло в сердце, некоторые другие — нет.

Что же касается сегодняшней посетительницы... она выглядела весьма обычно. Просто женщина в обычной одежде, которую носят многие, тёмные волосы, собранные в хвост.

Эдвард чуть прищурился, пытаясь разглядеть подвох, но,

скорее всего, посетительница была просто одной из тех любопытных людей, которым нравилось с умным видом бродить среди стеллажей и полок, разглядывать разные предметы, а потом уходить, так ничего и не купив. К слову, Бредберри всё-таки было важно, чтобы в его смену совершались покупки. Но ставить крест на женщине сразу он не спешил: Эдвард не мог знать наверняка.

— У нас есть старинные рукодельные украшения, элементы одежды, мебель: зеркала, шкафы, статуэтки. Вас что-то конкретное интересует? — чуть взволнованно спросил Бредберри, вежливо улыбнувшись.

Эдвард забегал глазами по округе, пытаясь вспомнить, что ещё интересного и необычного может предложить клиентке. Взглядом он невольно зацепился за большое зеркало. Кажется, такие зеркала ранее изготавливали из серебра, якобы именно из-за именно поэтому в них не отражались вампиры.

Бредберри нахмурился, заметив в зеркале что-то странное. Он перевёл взгляд на женщине, потом снова на ее отражение в зеркале.

Они определённо отличались друг от друга.

Это... это было слишком странно и, честно говоря, вряд ли Эдвард мог сталкиваться с таким раньше. Отражение в зеркале на голове имело маленькие золотые рожки, и, конечно же, парень списал бы все на эти новомодные странности, однако, чёрт возьми, на самой посетительнице, настоящей, этих рожек не было.

Он растерянно ахнул и сделал небольшой шагочек назад, ухватившись рукой за один из стеллажей. А если эта женщина... демон какой-нибудь? Что за бред? Демонов не существует. Наверное. Их не должно существовать, хотя, признаться, мысль о существовании сверхъестественного щеко-тала что-то изнутри.

Чёрт, какой же это всё бред. Может, Бредберри перетру-дился? Но странное отражение в зеркале не пропадало, и сердце в груди билось слишком часто. Возможно, от стра-ха. А возможно, от любопытства и предвкушения чего-то необычного. Бредберри нацепил улыбку на губах и выпря-мился, стараясь не показывать своей растерянности. Демон она, вампир или оборотень — Эдвард обязан ее обслужить. Более того, если это существо действительно... отличалось от людей, то, быть может, ее не стоит злить?..

— Здравствуйте, и спасибо за предложения, но меня ин-тересует пока только эта книга, — спокойным тоном произ-несла Венсия, поворачиваясь к продавцу и указывая на то-мик в руках.

Во взгляде мелькнула легкая задумчивость, словно жен-щина не могла на что-то решиться, но спустя пару мгновений внутренних терзаний она всё-таки добавила.

— Хотя если вам не в тягость будет показать мне украше-ния, которые у вас есть, я бы и на них взглянула, — мягко улыбаясь, она сделала пару шагов к юноше.

Эдвард слегка прищурился, заметив в руках посетитель-

ницы старинную книгу. На губах появилась едва заметная улыбка, но Бредберри тут же изо всех сил попытался её подавить. Читающие люди были редкостью в принципе, а в антикварный магазинчик за какой-нибудь разваливающейся книженцией уж явно заглядывали реже, чем в библиотеку. Эдварду же книги эти нравились: пожелтевшие странички, надписи и рисунки рядом с текстом, устаревшие словечки, запах пыли и сырости, трещащие корешки, которые уже несколько раз пытались восстановить. Будучи крайне недовольным своей жизнью Бредберри любил «путешествовать» в выдуманные истории и потому вид читающих людей всегда радовал.

Но, стоп, тут совершенно другая ситуация. Вдруг эта демон/инопланетянин/монстр (или кем она там ещё может быть) с помощью книги пытается узнать больше о людях, чтобы потом использовать это знание ради своих каких-то корыстных целей? Эдвард слишком переволновался. Вдруг женщина просто одна из этих странных людей, что устраивают розыгрыши и выкладывают их в интернет? Мысли о подобном разочаровывали, и Бредберри поймал себя на том, что хочет, чтобы незнакомка оказалась кем-то... не относящимся к людям.

Может, Эдвард просто уснул, увлѣкшись брошками?

— Да-да, у нас прекрасная коллекция украшений, — пытаюсь казаться спокойным, отозвался Бредберри, крепче сжимая в руках шкатулку, которую сам недавно разгляды-

вал, после чего полез в рядом стоящий шкаф за другими творениями, которые мог показать незнакомке.

В конце концов, если существо действительно является существом, а не человеком, то на плечи Эдварда возложена огромная ответственность: доказать ей, что люди не такие уж и уроды (хотя ладно, пускай для начала это кто-нибудь докажет самому Эдварду), что им есть чем гордиться. Бред-берри осторожно снял коробочку с сетом украшений одной самой настоящей графини, несколько колец с гравировкой, браслеты из разноцветных камешков.

— А хотя нет, всё-таки я, пожалуй, возьму только эту книгу... оформите побыстрее покупку... я просто дико опаздываю, — неожиданно произнесла женщина, спешно протягивая книгу юноше и с опаской поглядывая куда-то за его спину.

Эдвард резко обернулся и заметил, как из двери, ведущей в помещение только для сотрудников (там была кухня), вышагивала пушистая рыжая кошка — Маркиза. Любимица хозяина магазинчика. Она всегда отличалась немного свое нравным характером, однако обычно это выражалось лишь недовольной мордочкой и искренним негодованием, если до её ухоженной шерстки решил кто-то коснуться. Маркиза никогда ни на кого не бросалась, а уж тем более на чужих людей, коих предпочитала избегать. Обычно Эдвард вообще её за смену видел всего пару раз, когда по просьбе мистера Мартина насыпал корм в розовую миску.

Сейчас же Маркиза вела себя крайне странно. Она с вызовом смотрела на незнакомую женщину, словно та была псом (может, она оборотень?), готовая вот-вот выпрыгнуть вперёд и постоять за свою территорию, готовая бороться не на жизнь, а на смерть. Эдвард заметил, как тут же занервничала посетительница из-за поведения кошки. Когда-то давно Бредберри слышал, что коты могут видеть демонов и призраков. Тогда, конечно, это показалось бредом, но сейчас... Незнакомка, искренне испугавшись, видимо решила сбежать, пока на нее не свалился гнев самой Маркизы, но у кошки были другие планы. Она не была готова так просто отпустить свою жертву.

Когда Маркиза подошла к незнакомке слишком быстро, уже явно продумавшая в мелочах своё нападение, Бредберри быстро положил все набранные украшения на один из стеллажей, и ринулся вперёд, чтобы поднять несносную кошку на руки. Маркиза была недовольна, она царапалась и брыкалась, явно желая выпрыгнуть и навалить своему врагу. Эдвард шипел тоже, потому что удерживать кошку в руках было не самым приятным занятием, учитывая наличие когтей.

— Ах ты дурацкая кошка! Я всё расскажу твоему хозяину!

Маркиза, недовольная отсутствием свободы, впиалась зубами в руку Бредберри, после чего попыталась вырваться и броситься вперёд, но Эдвард успел среагировать, снова поймав её. Он быстро подошёл к входу на кухню, отправил туда

Маркизу и тут же запер крепко за ней дверь, чтобы превратившаяся в чудовище кошка точно не выбралась (хотя сдержит ли это её?)

— Простите, пожалуйста, — пробормотал Эдвард, любясь кровавыми следами от зубов кошки на руке. — Обычно она себя так не ведёт, но, знаете, кошки очень своенравны. Эта особенно. Чёрт знает, что ей не понравилось.

«Быть может то, что вы не человек», — продолжил фразу голос в голове.

— Точно не хотите взглянуть на украшения? В этот раз, клянусь вам, никакое рыжее лохматое чудовище не помешает, — уже более весело переспросил Бредберри.

— Спасибо за то, что спасли от кошки, — женщина мягко, но с долей грусти улыбнулась глядя на юношу, было заметно, что она сама не отошла ещё от шока после встречи с кошкой, но ее явно волновало что-то помимо бунтующего животного. — Я была бы рада взглянуть на украшения, но, увы, теперь я не смогу взять даже книгу... Простите за доставленные неудобства, я бы правда с радостью осталась, но увы, — тяжело вздохнув, она подошла к книжной полке и поставила книгу на место. По ней было видно, насколько она не хотела этого делать, но, несмотря на это, вернув книгу на место, незнакомка направилась к выходу из магазинчика.

Эдвард немного разочарованно вздыхает. В конце концов, да, ему важны продажи, и то, что только что подрался с этой обезумевшей Маркизой просто так, не может не огор-

чать. Украшения стоят дороже, но сейчас Бредберри понимает, что даже книжка была бы уже большим успехом. Но нет. Инопланетянка или кто она там решает ретироваться. Может, ее разочаровал этот земной мир? Может, решила, что тут все сумасшедшие? Особенно одна прекрасная рыжая кошка. Эдвард ничего не знал об этой странной незнакомке, но любопытство распирало, благо, мозгов хватало, чтобы удержаться от прямых расспросов.

Возможно, у него вообще случились галлюцинации из-за большой нагрузки. Да и важно ли это теперь? Незнакомка сейчас исчезнет раз и навсегда, пропадет и из жизни Бредберри, и, возможно, вообще из этого мира. И Эдвард никогда больше ее не увидит, так и останется в своём сером мире, в котором почти каждый день идёт дождь, без ответов на вопросы.

Парень прикусил губу от обиды, не найдя нужных слов, чтобы отозваться на растерянные слова посетительницы. Незнакомка словно сожалеет о том, что ее нужно уйти, но, быть может, она просто хорошая актриса, быть может, ей просто стало неловко из-за того, что зашла в магазинчик просто так, может, чтобы спрятаться от дождя, ничего не купила, в то время как Эдвард храбро спас ее от ужасного создания — от одной огромной пушистой рыжей кошки. Может быть. И Бредберри уже почти зол.

Он рассеянно наблюдает за уходящей женщиной, которая то ли действительно очень хорошая актриса, то ли правда

уходить на самом деле не хочет. Потом, правда, незнакомка, вдруг останавливается, и в душе Бредберри поселяется надежда на то, что хотя бы дурацкую книжку эта инопланетянка возьмёт с собой, но вместо обсуждения покупки девушка подходит слишком близко, буквально нарушает личное пространство.

— Золотце, прошу, не говори лишних слов... позволь, — она мягко взяла руку юноши, на которой красовалась кровавые укусы после бойни с кошкой, и так же мягко и аккуратно накрыла эти укусы своей ладонью. — Коль я у тебя ничего не купила, позволь хоть укусы уберу... это проще созидания, — усмехнувшись, она тихо выдохнула.

Руки у незнакомки очень мягкие и гладкие, пальцы очень тонкие и аккуратные, и Эдвард слегка трясет головой, пытается выгнать странные мысли из головы, но его щеки предательски краснеют. А потом из-под чужих красивых пальцев появляется золотистое свечение. У Эдварда глаза невольно лезут на лоб: он такое только в фильмах видеть мог. Золотое свечение распространяется на рану, и становится немного щекотно, а потом следы укусов непокорной кошки начинают заживать так, словно кто-то очень сильно ускорил процесс регенерации. И тут даже думать не нужно, кто именно это сделал. Эдвард переводит восторженный взгляд на незнакомку: ему не показалось. Перед ним, вероятно, стоял совсем не человек. Нечто иное, запредельное, способное обладать магией. Слов не находится, чтобы как-то прокомменти-

ровать происходящее, и у Эдварда явно сегодня что-то случилось с разумом. Ему, впрочем, всё равно на то, что существо это загадочное может и угрозу какую-то представлять и ему, и миру. Всё это слишком... красиво и необычно. Настолько, что сердце в груди биться от восторга чуть быстрее начинает.

Мир Бредберри скучный, серый и очень дождливый. Здесь у него проблемы с учёбой, нехватка денег, домашнее задание, нервные срывы из-за сессии в ненавистном университете. Здесь он одинокий и брошенный, как котёнок, вышвырнутый на улицу во время дождя. Приходится самому выполнять из лужи, самому искать еду, обеспечивать себя, выплывать, пытаться найти выход, а главное — мотивацию. Мотивация не бесконечна, и Эдвард давно начал ощущать то, насколько бесконечно устал. От всего. От жизни.

Эта незнакомка — что-то неизведанное, непонятное, но такое совершенно другое. Лишенное серых красок, горечи от неудач и рутины. Она как надежда на то, что в этом плоском мире есть что-то помимо дождя. В этом мире точно есть что-то помимо дождя?

— Еще раз прости и прощай, золотце, — вновь улыбнулась незнакомка, подмигивая, после чего отпустила руку юноши и буквально убежала прочь, оставляя юношу.

Милое прозвище ласкает слух, но юноша слегка трясет головой, стараясь не акцентировать на этом внимания. Эдвард наблюдает за тем, как женщина исчезает из магазинчи-

ка, а затем, не раздумывая, уверенно поднимает связку ключей со стола, выходит на улицу, наплевав на дождь и позабыв про куртку, запирает дверь и, заметив вдалеке знакомую тёмную макушку, шлёпает следом, пытаясь при этом казаться более-менее незаметным. Вряд ли незнакомка ожидает преследования, да и Эдвард идет достаточно осторожно, перебегая от деревьев до выступающих домиков.

Любопытство — порок, но порок, которым наделена большая часть человечества. Бредберри банально нечего терять. Ему не за что держаться, и парень давно уже перестал бояться смерти. Что его ждёт впереди? Отчисление? Одиночество? Бродяжничество? Алкоголизм? Чёрт его знает. А тут, оказывается, всё это время во вселенной существовало что-то ещё. Что-то неизведанное миру, человеку. Что-то волшебное. Эдвард устал. Он просто устал, он просто хочет убедиться в том, что эта жизнь стоит того, чтобы её жить.

Незнакомка останавливается в небольшом переулке — в том, где совсем нет людей, в том, где они и бывают-то достаточно редко. Парень прячется за толстым деревцем и осторожно наблюдает за ее действиями. Сейчас случится магия? Она снова что-нибудь наколдует? У Эдварда внутри всё дрожит от восторга. Он себя чувствует совсем маленьким ребёнком. Хотя был ли вообще парень когда-нибудь ребёнком?

Прибежав в знакомый переулок, Венсия тяжело вздохнула, взмахнула руками, разрушая маскировку, и осталась в привычных для себя одеяниях: с обилием украшений и золотыми рогами на голове. Оказавшись в родном облике, женщина с облегчением вздохнула, всё-таки поддержка маскировки забирала у нее не мало сил, а сейчас как будто бы камень с плеч упал. Но хоть она и чувствовала едва заметное облегчение, чувство непонятной тревоги ее не покидало. Она обернулась назад, внимательно всматриваясь в окружающее пространство. Дождь как назло начал усиливаться, будто бы нагнетая обстановку вокруг Алгениб.

Собравшись с мыслями, она уже подняла руку для того, чтобы начертить нужный символ и вернуться домой, но она не смогла сделать это сразу же. Она не хотела уходить из этого мира. Мысли в голове вновь стали навязывать идею остаться, всё-таки в ее родном мире единственное, что ей важно — это коллекция романов, которую она прячет в своей спальне. Скрипя сердцем, Венсия всё-таки рисует рукой перечеркнутый круг, и воздух перед ней начинает идти волнами. Портал открыт, и обратного пути нет.

Оказавшись в родном мире, женщина, тяжело вздохнув, поспешила как можно скорее покинуть то место, куда ее вынес портал, нельзя привлекать лишнего внимания. Но спустя несколько минут непрерывной ходьбы, когда она уже оказалась в толпе счастливых существ, празднующих Весеннюю луну, она остановилась, горько вздыхая. Вокруг шуме-

ла жизнь, а герцогиня желала лишь одного: чтобы в ее серой жизни хоть что-то поменялось в лучшую сторону до следующего путешествия в иной, счастливый мир.

Задумавшись о желании перемен, Венсия подняла голову, взглянув на огромную луну на небе. В мыслях пронеслось воспоминание из детства, как она с матушкой загадывала желания на Весеннюю луну.

— Луна... пошли мне счастливые перемены. Пожалуйста...

Глава 1. Единственная надежда и новая забота

На глазах начинает происходить нечто совершенно странное. Незнакомка взмахивает рукой и изменяется во внешнем виде. Теперь рога на её голове становятся видимыми не только в отражении старого серебряного зеркала, но и невооружённому глазу. Обычная одежда, которую носят люди ежедневно, вдруг превращается в белое одеяние с вышивкой в виде золотых цветов; в волосах поблёскивают жемчужинки, уши и грудная клетка украшены золотом. Она выглядит так странно на фоне старых домов с обветшалой крышей и стершейся с кирпичей краской, она выглядит так странно под занавесом из холодных капель дождя.

Эдвард едва слышно вздыхает и делает небольшой шаг назад. Он определённо не должен сейчас здесь находиться. Завтра в университет, магазинчик стоит без продавца. Вдруг Маркиза что-то снова сотворила? Вдруг покупатель с толстым кошельком хотел заглянуть внутрь, но передумал из-за запертой двери? Бредберри должен вернуться обратно. В свою мучительно скучную и очень одинокую жизнь, которую он ненавидит всем сердцем.

Это ошибка, он совершает ошибку. Эта женщина не человек, она может представлять собой угрозу. Но разве у Эдварда

да есть что терять? Учёба? Пары в университете с каждым днём даются всё тяжелее. Работа? Да уж, много кто мечтает всю жизнь проработать продавцом. Семья? Бредберри сжимает пальцы в кулаки. У него нет семьи.

У него ничего нет. Только больной разум, который теперь в незнакомцах с улицы начинает видеть каких-то сверхъестественных существ. В это трудно поверить, это не поддаётся логике, но Эдвард видит это собственными глазами. Он видит странную женщину в странной одежде со странными рожками, которая вырисовывает руками круг, видит как месте рисунка появляется свечение. Видит, как незнакомка запрыгивает в это свечение и исчезает. Что это? Ловушка? Что за ней будет? Смерть? А может что-то другое?

Сердце в груди Эдварда бешено стучит. Если бы какой-нибудь прохожий с улицы прямо сейчас подошёл к нему и спросил, хочет ли парень покинуть этот мир, Бредберри бы без раздумий согласился. Он думал о смерти, но никак не мог решиться — страшно. Да и боль всё ещё не казалась чем-то приятным.

Он выползает из своего укрытия и некоторое время рассматривает свечение. Что это за странная магия? Откуда вообще в этом тусклом ужасном мире взялась магия? Здесь ведь есть только дождь, этот бесконечный холодный дождь. Но разум человека так ограничен, он почти ничего не знает, так мало всего ему кажется понятным. Вдруг действительно есть что-то большее, что-то более прекрасное? Вдруг у Эд-

варда появился шанс найти это что-то прекрасное? Вдруг у него появился шанс найти смысл жизни?

Ему нечего терять. Бредберри зажмуривается и делает шаг вперёд — прямо в странное свечение.

Возникшее ощущение кажется странным. Как будто бы резко кислорода в лёгких становится слишком много. Он жмурится сильнее, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Страшно и воодушевляюще. Буквально через секунду Эдвард ощущает удар от падения, вскрикивая от неожиданности. Он разлепляет глаза и тут же закрывает их: света слишком много.

Через время Эдвард снова пытается открыть глаза и понимает, что лежит на мощённой камнем дорожке в почти таком же переулке, но в то же время — совершенно другом. Бредберри поднимается на ноги, отряхивает штаны и понимает, что странное свечение исчезло. По коже бежит холодок: домой он уже не попадёт? Да и к черту этот город с вечно идущим дождём.

Это свечение было порталом? Эдвард прикрывает рот рукой и ахает. Нужно узнать, нужно всё узнать. Он неуверенно выходит из переулка и оказывается на широкой улице, украшенной разноцветными фонарями, переливающимися гирляндами. На улице, очевидно, ночь, но света всего равно слишком много — все такой яркое, блестящее, переливающееся. Он замирает на месте и восторженно оглядывается по сторонам.

Вокруг ходят люди и не совсем люди: у некоторых, как у той незнакомки, тоже есть рога, у некоторых иной яркий цвет кожи, у некоторых — заострённые длинные уши. Они все в ярких вычурных костюмах, увешанные украшениями. Эдвард стоит на месте и не может перестать любоваться. Красиво, это чертовски красиво!

Он неуверенно идет вперёд, разглядывая лавочки в виде разноцветных палаток, украшенных тележек по краям улицы. Эдвард застывает возле продавца с длинными ушами, который громко рассказывает что-то про свой товар. Бредберри не понимает ни слова, но восторженно любуется пирожными вычурной формы (если это пирожные, конечно, но, видимо, действительно что-то сладкое).

Они разной формы, выглядят как маленькие произведения искусства — даже есть не хочется. Когда людей у прилавка становится слишком много, Эдвард отходит в сторонку и замечает следующую лавочку. Тут продают камни. Возле прилавка стоят уже не дети, а взрослые, они внимательно рассматривают товар. Бредберри строит умный вид и рассматривает вместе с ними, пока один из странных людей не начинает разговаривать с Эдвардом. Парень ничего не понимает, поэтому лишь мотает головой и старается как можно скорее смешаться с толпой.

Мимо бегут счастливые дети, играя в догонялки, Эдвард тихо смеется, чуть не валясь с ног. Он вспоминает детство. Такое далекое, почти чужое. Когда-то он тоже играл в дого-

нялки со своей сестрой. На душе становится тоскливо, но это приятная тоска. Эдвард очень давно не вспоминал о своей семье.

На небе звёзды собираются в хороводы, а в самом центре — огромная, просто гигантская Луна. Бредберри невольно ахает, любуясь неопикуемой красотой. Происходящее похоже на сказочный сон. Может, он задремал в магазинчике за кассой? Вероятно, так и есть. Но ничего. Звон колокольчика обязательно разбудит, если придёт новый посетитель. Парень просто хочет насладиться этим волшебством.

Он делает несколько шагов назад, продолжая любоваться небом, и резко врзается во что-то спиной. Эдвард разворачивается и сталкивается взглядом с какой-то разодедой дамочкой. Она что-то возмущённо говорит ему, Бредберри лишь растерянно разводит руками — она начинает кричать, очень громко, почти ультразвуком. Эдвард снова пятится, снова в кого-то врзается, а затем разворачивается и бежит, продолжая выслушивать крики вслед.

Только сейчас он замечает пристальные взгляды людей на себе. Сон становится странным, и Бредберри щипает себя за руку: не помогает. Это не сон. Осознание больно бьёт по лицу. Он оказался в чужом мире без средств существования, не зная местного языка, не зная вообще ничего! И чем эта жизнь лучше его предыдущей? Да уж лучше вернуться домой, ходить в университет этот ненавистный, чем стать бомжом в чужом мире.

Он снова в кого-то врежется, снова слышит ругань в свой адрес, и теперь Эдвард хочет лишь спрятаться где-нибудь в одиночестве. Он бежит так долго и останавливается лишь когда лёгкие начинают болеть. Вокруг темно, ни души, лишь свет огромной Луны.

Эдвард садится на мощённую камнем дорожку и прижимает колени к груди. Он обречен. Он не знает, что делать. Если честно, у него вообще нет никаких вариантов. Но, быть может, умереть в этом прекрасном мире — это гораздо лучше, чем умереть в мире, где постоянно идёт дождь?

Может быть, дело не в мирах, в которых находится Эдвард, а в нём самом? Может, ему просто нигде нет места? В родном городе парень буквально пытается запрятаться от своих мыслей и чувств, зарываясь с головой в бесконечной и бесполезной в своей бесконечности учёбе и в работе. Всё, лишь бы не сталкиваться со своим одиночеством и с жестокой реальностью.

Хотя, конечно, если на секунду отвлечься от бесконечных сессий и нехватки денег, то можно увидеть реальную картинку: Эдвард учится просто для того, чтобы получить хоть какое-то образование, работает просто для того, чтобы оплатить съёмную квартиру, он не видит своей жизни дальше после окончания университета, потому что никогда не хотел стать журналистом. Потому что он хочет стать никем.

В этом мире ничего не станет лучше, даже если это сон, даже если это не сон — не важно, впрочем. Здесь Эдвард

тоже чужой, не такой чужой, как в родном мире, но всё же. Незнакомый язык, люди с острыми ушами и хвостами, яркие одеяния. На первый взгляд тут живут счастливые существа, которые умеют наслаждаться жизнью, которые пышно празднуют, носят красочные наряды и радуются этой своей огромной Луне.

Это буквально сказка, волшебство, а в сказке нет места для кого-то вроде Эдварда. Парень с самого детства любил сказки. Он помнил, как их читала раньше мама, помнил, как вместе с сестрой пытался даже воссоздать сказочные сюжеты в импровизированном кукольном театре. Помнил смех родителей. Помнил, как обнимался с сестрой после успешных «выступлений».

Глаза начинает щипать, но Эдвард стискивает челюсти. Он ни разу не заплакал после того, как умерли родители, не заплачет и сейчас.

Ночь хоть и существенно отличалась от ночи в родном мире, она всё равно приносила за собой холод. Эдвард прижал ноги к груди и обнял их руками, пытаясь согреться. Вряд ли выйдет, но можно хотя бы попытаться.

Ох уж эта чертова безнадёга: именно она вынудила глупого парня нырнуть в тот портал за той странной незнакомкой. Конечно, Эдвард всё ещё не мог поверить в то, что оказался здесь, всё казалось таким запутанным, и парень всё ещё ждал, когда, наконец, проснётся.

Хотя он ведь не проснётся, это ведь реальность! Или всё-

таки нет? Может, он в коме? Парень стиснул зубы: как им всем повезло. Украшают главные улицы, торгуют лепешками, пока обычные человечешки с обычной Земли вынуждены терпеть этот бесконечный дождь.

— Эй! Посмотри на меня, что случилось? А главное, что ты тут делаешь?!

Эдвард резко вздрогнул, когда услышал чужой смутно знакомый голос. Он задрал голову и сконфуженно ахнул, заметив свою «проводницу» в этот прекрасный мир. Ну конечно же она недовольна тем, что жалкий человечек посмел влезть в чужой портал.

Портал чёрт, как это нелепо звучит — словно Эдвард оказался в каком-то фильме для детей. Он растерянно забегал глазами, переводя взгляд с женщины на стоящие рядом домики, на Луну, на дорожку, а потом обратно на незнакомку, пытаюсь придумать, что сказать.

Эдвард не любил выглядеть глупо, а сейчас возможно, женщина вообще сейчас разозлится и превратит Бредберри в лягушку — или как там с врагами справлялись колдуны? Хотя, быть может, у лягушек жизнь в два раза лучше, чем у людей, и бояться нечего. Прыгнул под клюв цапле — и дело с концом.

Она присела на корточки напротив юноши и, чуть наклонив голову в бок, в ожидании смотрела на него. Через какое-то время становится прохладно, и Эдвард понимает, что его одежда немного мокрая и неприятная, сырая, в конце

концов, в его мире ведь шёл этот дебильный ледяной дождь, несмотря на то, что здесь непогоды не было.

Пока парень носился туда-сюда, он не успел заметить прохлады, он был взволновал из-за многих других вещей, но теперь все чувства притупились, всё вокруг сузилось до одной маленькой точки в этом чёртовом переулке.

— То есть вам можно путешествовать в мой мир, а мне в ваш — нельзя? — недовольным голосом выдал первое, что пришло в голову, Эдвард, и тут же дал себе мысленно пощёчину. Идиот.

Женщина просто застала его врасплох — вот и всё! Бред-берри растерялся! Он ненавидел, когда его находили в моменты слабости, в моменты душевного спада. Никто на свете не должен знать, если Эдварду плохо, грустно или одиноко, если он растерян и не знает, что делать дальше. Никто на всём этом чёртовом свете.

— Да, мальчик, мне можно путешествовать в ваш мир, хотя бы потому, что я знаю как вернуться назад и не прыгаю в первые попавшееся проходы между измерениями. Неужели тебе вообще не было страшно проходить через него? Я читала, что у вас людей есть инстинкт или рефлекс — не важно — который ответственен за самосохранение, но по-видимому у тебя он не развит, — хоть в её словах и слышалось лёгкое разложение, их нельзя было назвать злыми.

Тяжело вздохнув, женщина поправила волосы, которые от бега немного растрепались, а пара прядок даже зацепилась

за серьги в ушах.

Эдвард рассеянно хлопает глазами. Он, как минимум, ожидал грубости в ответ, ожидал, что прямо сейчас его возьмут за шкуру и выкинут из этого мира, или, чтобы не возиться лишний раз, запихнут в какое-нибудь местное подобие тюрьмы, но незнакомка зачем-то проявляет удивительную сдержанность. У Бредберри глубоко-глубоко в душе что-то ёкает, но он пытается отмахнуться от этого. Кто ж виноват в том, что Эдвард не привык к понимаю и доброте.

Конечно, женщина права. Во всем права. Это неразумно: прыгать в чёрт знает откуда взявшееся свечение, даже не зная, к чему это приведёт. Эдварду тяжело высказать кому-то вслух весь поток своих ужасных разъедающих мыслей, потому что у него так много проблем, так много тараканов, кому вообще, в конце концов, нужно это всё знать? Да и вряд ли эта женщина сможет понять Эдварда. Удивительно ещё, что они разговаривают на одном языке. Так что как объяснить незнакомке, почему и зачем он прыгнул в портал, Бредберри не мог. Всё слишком сложно.

Эдвард невольно усмехается, когда слышит про то, что у него не развит инстинкт самосохранения. Может быть, в этом и есть корень всех проблем Бредберри? Не в университете, не в работе, не в смерти родителей, не в сестре, а просто в том, что родился бракованным — без инстинкта самосохранения? Эд едва заметно давит усмешку. Плохое место и плохое время он выбрал для того, чтобы разойтись в исте-

рике из-за странной формулировки, высказанной человеком из другого мира.

Эта женщина, возможно, его единственная надежда. В этом неизвестном месте этот человек (если она человек, конечно) — единственное знакомое, что-то немного понятное. Эдвард сжал пальцы в кулаки. Ему нужно пересилить себя и хотя бы попытаться быть немного дружелюбным. Возможно, от неё сейчас зависит всё.

— Простите, простите, вы просто меня напугали, — поспешно произнес Бредберри. — Я не хотел грубить. Простите. Просто мне так хотелось узнать, что вы такое ну знаете, жизнь человека — она такая скучная а тут вы и рана моя, — он поднял руку, рассматривая место, куда его укусила Маркиза. — Любопытство до добра не доводит, да? Я не думал, что всё так получится Где я? Кто вы? Инопланетянка? Это другой мир? Другая планета? Почему у них уши, а у вас рога? Простите слишком много вопросов, да? Простите, — Эдвард смущённо зарылся пальцами в волосы, пытаясь спрятать лицо от чужого пристального взгляда. — Если захотите превратить меня в лягушку, то я пойму.

— Зачем ты извиняешься передо мной? Не нужно этого, тут скорее я должна извиниться, что привлекла твой интерес к себе. Боги, впервые за сотни лет решилась кому-то в том мире помочь и на тебе, и вот — увела за собой мальчика, — она тяжело вздохнула, чуть дернув плечом от того, что со стороны выхода из переуллка подул прохладный ночной

ветер.

От ощущения холода она невольно взглянула на одежду юноши, понимая, что, скорее всего, не одной ей стало холодно. Женщина без капли стеснения коснулась плеча юноши и, понимая, что вещи на нем сырые, цокнула языком.

— Так, моя забота, вопросы — это, конечно, хорошо, но давай ты мне половину из них задашь, когда будешь в сухой одежде и под крышей без риска, что кто-то нас прервёт. А и да я ни во что тебя не превращу, наоборот хочу помочь, — мягко улыбнулась она, коснувшись руки юноши, словно намекая на то, чтобы тот убрал их от лица — Но всё-таки, чтобы ты хотя бы имел представлени, кто тебя хочет спасти, представлюсь, — вздохнув она поднялась на ноги и, глядя на сидящего на земле юношу, усмехнулась.

В груди снова что-то ёкает, когда женщина говорит, что Эдварду не нужно извиняться и что они обязательно во всём разберутся, когда окажутся в теплом и сухом месте и когда на Бредберри будет сухая одежда. Эдвард не может поверить в то, что незнакомка не злится, ведь наверняка Эд одним своим появлением мог доставить слишком много проблем, если уже их, собственно, не доставил. Наверняка бы кто-нибудь другой на ее месте очень разозлился, может, даже захотел бы убить Бредберри. Да что уж там: если бы у самого Эда появился какой-нибудь раздражающий фактор — например, ничего не понимающий стажёр, — то Бредберри вряд ли бы с ним церемонился. Сам Эд в сложившейся ситуации тоже

был похож на стажёра — сидел себе, хлопал глазами, как дурак, не понимал, как должен себя вести, пытался спрятаться.

Возможно, Эдварду не стоит доверять этой женщине. Возможно, она его обманом сейчас завлечет в какие-нибудь неприятности. Бредберри испуганно вздрогнул: он ни разу ещё не допускал мысль о том, что незнакомка могла специально не закрыть портал, чтобы воспользоваться любопытством какого-нибудь человечка и потом использовать его в своих жестоких целях. Звучало, конечно, как какая-то теория заговора, но теперь Эдвард почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он чуть прищурился и уставился на женщину, а затем тяжело вздохнул. Милая мордашка, красивые длинные волосы, а вместе с тем — ощущение великодушия и тепла, витающее в воздухе. Бредберри резко отворачивается. Ничего хорошего в том, чтобы разглядывать женщин, не было.

— Меня зовут Венсия Алгениб, я из рода полулюдей, что, собственно, является ответом на твой вопрос о моих рогах. Моя раса не несёт вреда людям, поэтому можешь быть спокоен насчет того, что лично я тебе вреда не принесу, но всё-таки я спрошу тебя.. примешь ли ты мою помощь? — серьёзно взглянул на юношу, сказала женщина, при этом протягивая тому руку, чтобы помочь подняться на ноги.

Венсия. Вот как зовут. Странное имя, но, вероятно, прекрасно подходит для той, кто называет себя получеловеком.

— Получеловек?.. — рассеянно бормочет Эдвард, снова

посмотрев на Венсию, чтобы как следует разглядеть её рога. Он их и раньше заметил, но только сейчас выдалась такая прекрасная возможность разглядеть их лучше. — Вполне себе милые рожки, — пробормотал Бредберри, а затем сдавленно ойкнул, осознав, что сказал это вслух. Он отвернулся и покраснел. Эдвард ничего не мог поделать с тем, что не умел общаться с людьми вне работы. Особенно с женщинами. Особенно с женщинами, которые предлагали ему свою помощь. — Меня зовут Эдвард Бредберри, приятно познакомиться. Слушайте, мне мне нужна ваша помощь, да, я ведь ну я тут никто, да? Но неужели вам правда хочется возиться с каким-то там человеком?

Эдвард сосредоточенно прикусил губу, поднимаясь на ноги, чтобы теперь примерно быть на одном уровне с Венсией. Хотя вообще-то даже так женщина была выше. Почему-то щеки юноши снова обдало алым пламенем. Рассматривать её всё ещё казалось Бредберри чем-то очень неловким, хотя и очень хотелось — всё-таки кто-то совершенно незнакомый, другой.

— Я понимаю, что вы можете чувствовать ответственность и, может, даже вину, это ведь ваш портал, кажется, был. Но я могу и сам справиться, да.

Нет, конечно, Эдвард вряд ли смог бы справиться сам, учитывая то, что буквально через пару минут нахождения в этом мире Бредберри оказался в этом переулке сидящим буквально на дороге. Но просто так взять и принять помощь

кого-то другого ну уж нет. Эдвард привык справляться со всем сам. Всегда. Рядом никого не было после смерти родителей, рядом никого не было, когда парень разрывался, пытаюсь совмещать работу и учёбу. Возможно, упертость Эдварда доведёт его до могилы (в сложившихся обстоятельствах точно), но обременять кого-то лишними заботами парню тоже не хотелось. Венсия была слишком очаровательной для того, чтобы связываться с кем-то вроде Бредберри.

— Сколько же ты, Эдвард, вопросов задаёшь хотя это логично, будь я на твоём месте, я бы тоже ими задавалась, — она посмотрела в глаза юноше, как будто бы пытаясь что-то в них рассмотреть, а после окинула его взглядом полностью.

Эдвард недовольно фыркнул: конечно, он будет задавать вопросы. Для начала, его, как минимум, преследует совершенно нормальное в данной ситуации любопытство — люди, черт возьми, удивляются каждой новой огромной рыбешке, найденной в солёном океане, причем чем больше и опаснее эта рыбешка, тем лучше (хотя на самом деле лучше бы они вообще не трогали океан, чтобы случайно не пробудить из его глубин какое-нибудь древнее зло), а Эдвард обнаружил сначала самую настоящую колдунью, которая, как оказалось, может создавать искрящиеся трещинки в мирах, через которые, как оказалось, можно попасть в место, где на головах существ, похожих на людей, растут рожки.

Интересно, если Венсия получеловек, то кем же она является во второй половине?

Эдвард потряс светлыми волосами, пытаясь выгнать странные мысли. Нужно сосредоточиться. Хотя если окажется, что это всего лишь сон, то зачем сосредотачиваться вообще? Станный сон в жанре фэнтези. Фэнтези тоже делится на поджанры: дарк-фэнтези, средневековое фэнтези, любовное фэнтези. Интересно, в какое именно попал Эдвард? Ну уж явно не в любовное. Он тихо усмехнулся про себя. Лучше уж в дарк-фэнтези, сейчас Венсия переместит их в свой дом, и начнется кровь-кишки-хардкор.

Ладно уж, Венсия не была похожа на кого-то, кто сможет убить Эдварда. Во всяком случае, если бы новая знакомка хотела этого, она убила бы его сразу, не стала бы залечивать рану от укуса Маркизы.

Чёрт, Маркиза. Как она там? Наверняка содрала обои или учудила какую-нибудь глупость. Эда точно уволят. Хотя... есть ли смысл волноваться об этом теперь?

Бредберри дернулся: он только-только начинал осознавать, где оказался, и сердце вновь наполнилось какой-то необъяснимой радостью. Плевать он хотел и на работу, и на арендодателя, и на преподав. Здесь Эдварду, несмотря ни на что, уже нравилось гораздо больше.

Он хитро прищурился, снова принявшись разглядывать Венсию.

— Так, ты пониже меня, это здорово облегчит мне работу. Сразу скажу, что в мои покои мы попадём с помощью заклинания телепортации, так что приготовься к тому, что ощу-

щения могут быть похожи на быстрое падение. А насчет твоих вопросов, — она сделала шаг ближе, при этом не сводя взгляда с Эдварда. С её губ пропала улыбка, а выражение лица стало более серьёзным, отчего Алгениб в целом стала выглядеть еще более статно и величественно. — Да, мне действительно хочется тебе помочь. И ты не просто человек, ты новый человек для этого мира, и я не хочу, чтобы ты по итогу превратился во что-то похожее на людей и существ, живущих тут это сложно объяснить, но со временем ты все поймёшь сам. Итак, раз ты принимаешь мою помощь, то прошу в мои покои.

— Не бойтесь, рога и уши у меня точно не вырастут, — ляпает Эдвард, чтобы не выдавать своего смущения. Ну а что? Таким, как местные жители, Бредберри точно не станет, а женщина на его слова лишь усмехнулась.

— Я не уверена, что все будет аккуратно, так как у меня осталось очень мало сил, но могу точно сказать, что в случае чего я тебя поймаю так что не бойся и держись крепче!

А потом Венсия берет все в свои руки, и глупые попытки избежать чужой помощи не заканчиваются успехом, в руках этой странной тетеньки с рожками появляется золотое свечение в виде шара — очередной портал, только его маленькая версия?

Эдвард рассеянно хлопает глазами, зачарованно разглядывая творящуюся магию (он никогда к этому не привыкнет). После слов держись крепче, после которых, по сути,

Эдвард должен был схватиться за Венсию, чужие руки опускаются на талию Бредберри. Внутри все замирает, и Эдвард жмурится.

Прикосновения — это что-то слишком интимное, что-то слишком... странное, и Бредберри не из тех, кого можно называть тактильным человеком, но оттого-то каждое прикосновение для него является особенным. И связано с кем-то особенным.

Все хорошо. Нужно просто дышать.

Это вынужденное обстоятельство, чтобы попасть в комнату Венсии. А ещё к нему никогда в жизни не прикасались настоящие женщины!

Тихо. Нужно вести себя так, словно все в порядке, словно ничего не случилось.

Чёрт возьми, Эдвард, тебе двадцать один, хватит вести себя как маленький ребёнок!

Бредберри послушно хватается за плечо Венсии, хоть и его пальцы вдруг почему-то начинают дрожать. Лишь бы не заметила. Лишь бы не заметила.

Света внезапно стало так много, что Эд ощутил это и сквозь закрытые глаза. Он едва слышно ахнул, сжав плечо Венсии сильнее (возможно, слишком сильно), когда внезапно возникло это странное ощущение падения. Но Алгениб была спокойна, значит, так и должно быть.

Когда все закончилось, Эдвард слишком шумно выдохнул, а затем ойкнул, когда заметил, что изо всех сил вцепил-

ся в Венсию. О тут же отпустил её, сделав несколько небольших шажочков в сторону.

Помещение, в котором они оказались, было немного пустовым. Вся мебель была выполнена из темного дерева и украшена золотыми узорами. В комнате было лишь пара кресел, небольшой столик у одного из них и письменный стол под окном. Одна из стен была полностью занавешена золотыми шторами, а у других стояло множество книжных шкафов, заваленных толстыми книгами и свитками. Не просто так Венсия в антикварном магазинчике так прицепилась к той книжке в старинной обложке. Алгениб так сильно отличалась от всех тех людей, которых знал Эдвард (неудивительно, она ведь не совсем человек).

— Ну что ж, чувствуй себя как дома. Это мои покои прости, что тут такой беспорядок, я сегодня была не в лучшем настроении. Но это неважно, сейчас важно привести тебя в порядок, — она улыбнулась, глядя на юношу, а потом лёгким движением собрала волосы в пучок.

На противоположной занавешенной стене было окно, под которым и стоял письменный стол, заваленный кучей бумаг. Если пристально рассматривать комнату, можно было увидеть много свитков, бумаг, книг и чертежей, валявшихся в разных углах.

— Так вам нравится читать? — широко улыбнувшись, спросил Бредберри. — Чёрт, знаете, ну, мне нужно было взять с собой ту книгу, — задумчиво произнес Эдвард.

— Большинство из этих книг и свитков — переписи, справочники, экономические перечни и исторические писания, и священные книги довольно скучные. Но да, Эдвард, мне очень нравится читать. Возможно, в будущем даже покажу тебе мою коллекцию, так скажем, развлекательных книг, которую я собрала за свои годы.

Парень понимающе кивает: вряд ли какие-то там учебники и священные писания действительно могли оказаться чем-то интересным. Эдвард даже лекции иногда себя заставить прочитать не мог, особенно перед приближающейся сессией, а Венсии наверняка приходится разбираться во всех этих книгах. Она выглядит как женщина из знатного рода (хотя, конечно, Бредберри понятия не имел об иерархии в этом мире и мог лишь догадываться), а за образованием таких обычно очень следят. Хотя что значит «обычно»?

— Коллекция книг звучит очень заманчиво, — улыбается Бредберри, снова слегка краснея.

Никто ещё никогда не хотел ему показать личную коллекцию книг, а Эдвард считал читающих людей гораздо лучше не читающих. Боже, когда-то в детстве он вообще думал о том, что его вторая половинка обязательно будет книжным червем. Сейчас от этих мыслей Эд мог лишь скривиться: дети тупые, он не исключение.

— У мистера Марвина тоже огромная коллекция книг — ну, из прошлых веков. Я прочитал каждую, и, если хотите, то даже, ну, эм могу пересказать вам некоторые? Ту, кото-

рая вам понравилась, например, — промямлил Эдвард, глядя себе под ноги.

До чего он вообще докатился? Стоит тут в чужом доме в чужом мире и пытается отблагодарить чужого человека (получеловека!) рассказами о любимых книгах своего (бывшего) работодателя. Общение с людьми давалось Бредберри очень тяжело, а уж тем более с женщинами. Но Венсия была слишком милой, гостеприимной, а ещё это был единственный человек (получеловек!), которого Бредберри здесь знал.

— Забудьте, — буркнул себе под нос парень. Ему показалось, что это предложение из собственных уст прозвучало слишком глупо и неловко. Эд уже и так всю демонстрировал свою неловкость и глупость, хотя о его реальном характере вообще никто не должен был знать.

— Я была бы рада послушать пересказы некоторых книг из магазина, где ты работал. Всё-таки литература вашего мира мне безумно нравится у нее есть какая-то особенность, которая делает ее интересной.

Венсия поддержала идею с пересказом историй, и Эдвард воодушевленно поднял на неё глаза. Во-первых, он боялся, что идею сейчас назовут глупой, а его самого — странным; во-вторых, Бредберри не привык к тому, что его слушали. Сначала ты избегаешь новых знакомств, грубишь одноклассникам, посылаешь всех, кто хочет с тобой подружиться, а потом понимаешь, что остался в полном одиночестве, твои собеседники — тараканы и одна почти завядшая фиалка.

ка. А ещё иногда рыжая кошка Маркиза.

Эдвард не жалел того, что распугал от себя всех людей, но Венсия... да, Бредберри снова наступает на те же грабли. Если Алгениб из другого мира, то, может, она не такая, как люди с Земли?

— Л-ладненько, — замялся Эд. — Устрою вам как-нибудь вечер литературы.

Венсия принялась стаскивать со своих волос жемчужинки. Длинные темные локоны, обретшие свободу, распускались и текли вниз, словно горные ключи. Эдвард отметил, что наблюдение за этим имело успокаивающий эффект.

— Итак, нужно найти тебе сухую одежду и обувь, а также немаловажный вопрос: ты голоден? — женщина поставила руки на бока, при этом вновь окинув комнату взглядом.

Вопрос про голод поставил в тупик. Честно говоря, парень не помнил, когда последний раз ел. Даже если он и ел сегодня, то было это явно еще в его мире (как странно звучит-то — Эд поморщился), а в этом мире парень находится уже достаточно долго.

— Эм. А что, ну, вы едите вообще? — замялся Бредберри.

— Не переживай, ничего ужасного мы в пищу не употребляем. Точнее, большинство рас не употребляют в целом, рацион полулюдей особо не отличается от рациона людей. И даже больше скажу, еда в наших мирах относительно похожа. Овощи, фрукты, мясо и рыба — все это отличается только названиями и внешним видом, — она взглянула в окно,

немного вздохнув. На улице была уже ночь. — Но с учётом того, что уже ночь, думаю, с кухни нам максимум принесут фрукты и какие-нибудь закуски с праздника.

— Большинство рас не употребляют? — нахмурил брови Эдвард. А вдруг та тётка, в которую Бредберри сегодня случайно врезался, предпочитает на ужин человечину? По коже побежали мурашки. — Ну, я был бы не против попробовать ваши местные фрукты, — неуверенно отозвался парень.

— Да, большинство рас не употребляет в пищу пусть это будет называться мясом других рас или себе подобных, но в отдалённых от центра регионах, можно встретить и тех, кто не прочь съесть какого-нибудь заблудившегося эльфа, человека или получеловека. Но последнее время их стали отлавливать, так что вряд ли тебе посчастливится встретить кого-нибудь такого, — она забралась на стол и пожала плечами.

Вот тебе и первые недостатки этого чудесного мирка, если, конечно, не брать во внимание ту мерзкую тётку на празднике (наверняка ведь потом ещё окажется, что она важная шишка!)

Эдвард взволнованно прикусил губу: опасность номер один — тюрьма, опасность номер два — оказаться обедом в желудке какого-нибудь местного существа. Являлись ли такие существа разумными? Или это просто подобию животных с Земли, которые очень сильно хотят выжить? Эдвард даже не мог сказать, какой вариант пугал его сильнее.

Конечно, и на Земле были безумные люди, коих и людьми-

то называть не хотелось — они тоже были не против употребить в пищу человечинку. Весьма заманчивое блюдо ведь, но Эдварду стало не по себе. Впрочем, не настолько не по себе, чтобы не поразмышлять о том, как выглядят эти существа.

Он даже поймал себя на мысли о том, что хотел бы на них поглазеть, может, даже в естественной среде обитания. Эдвард смог приручить тараканов, а они, быть может, были даже и пострашнее, чем местные каннибалы.

Ну и да, возможно, но только возможно, что у Эда не было тормозов. Он запрыгнул в портал и оказался в чужом мире среди всякого непонятного и незнакомого, и сейчас начинал чувствовать, как по крови распространяется превосходство. Кто ещё из людей мог решиться на такое? Кому ещё могло настолько повезти?

— Правда думаете, что я боюсь человекопоедателей? Я прыгнул в странное свечение и оказался в чужом мире — я, блин, ничего не боюсь, — усмехнулся Эдвард. Ладно, он просто рисовался. Это лучше и проще, чем признать свою мягкость и неловкость. Бредберри считал свой характер отвратительным как раз из-за того, что отвратительным в привычном смысле он был лишь снаружи, а внутри все еще оставался одиноким ребёнком. Но это никому нельзя знать.

Женщина направилась к своему письменному столу. Её походка была неровной, а когда она подошла к столу, то тяжело вздохнула, взяв в руки чистый свиток, перевязанный золотой лентой. Посмотрев на свиток пару мгновений,

она подбросила его в воздух, и бумага буквально загорелась неярким золотым пламенем, а через пару мгновений исчезла. Повернувшись к юноше, Венсия слабо и как будто бы виновато улыбнулась.

— Ты извини, что я сейчас в таком виде перед тобой. За сегодня я потратила слишком много магических сил. А еще с помощью этого свитка я сейчас попросила мою слугу принести тебе сухую одежду, — Венсия вновь улыбнулась, опираясь рукой о стол.

Бредберри только сейчас заметил состояние Венсии. Она кажется уставшей и измученной? А вдруг она промокла под дождём и заболела? Хотя свойственны ли были болезни для колдунов? Наверняка они могли щелчком пальцев и согреть себя, и исцелить.

К слову, а как работает вообще эта сила? Говорят, что за всё нужно платить — нужно ли платить за использование магии? Есть ли у них мана, как в компьютерных игрушках? Быть может, Венсия израсходовала свой дневной запас волшебной силы, и теперь из-за этого чувствовала недомогание? Эдвард растерялся. Он чувствовал себя виноватым, ведь часть магии Алгениб потратила на него самого. Если бы Венсия просто простыла, то у Эдварда, по крайней мере, имелись бы на этот случай хотя бы малейшие представления о том, как помочь, но в данной ситуации черт, он был совершенно бесполезен.

— А как скоро ваши волшебные силы восстановятся? —

Эдвард слегка поморщился: фраза прозвучала так, словно он в долбанном мультике про фей для маленьких детей. — В смысле, как долго вы будете чувствовать недомогание? Могу я вам чем-то помочь? — Бредберри сосредоточенно нахмурился. — И ну, у вас не будет проблем из-за меня? Всё-таки вы сейчас позвали своих слуг, все дела, они наверняка что-то заподозрят.

Вопросов, конечно, в голове была уйма, но Эдвард, несмотря на свой отвратительный характер, всё-таки был человеком и не хотел лишний раз мучить и так уже изрядно уставшую Венсию (к слову, во многом это была именно его вина).

Он присел на стул, закинув ногу на ногу, и снова уставился на Алгениб. Интересно, по местным стандартам она считается красавицей? Караулят ли её местные парни по углам? Эдвард покраснел и отвернулся: почему в голову лезут такие странные мысли?

— Завтра к утру уже буду полна сил. Главное, больше не колдовать, и тогда все будет хорошо. И да, увы, ты никак не сможешь мне в этом помочь. У каждого свой запас сил и свое время на восстановление. Мне, как понимаешь, повезло, а есть и те, кто неделями в себя приходит, — она усмехнулась, взглянув куда-то за окно. — И проблем быть не должно, — продолжила отвечать женщина на вопросы. — Если все будет идти по плану, который я продумала, все должно быть спокойно. А насчет слуг не волнуйся. Мои личные слуги вер-

ны мне до глубины души, а также не пересекаются с другими слугами без моего приказа. Поэтому в них я уверена, и ты будь, — женщина мягко улыбнулась, но взгляд её остался серьёзным.

Система с разделением слуг была удобной, и Эд искренне надеялся, что все действительно так, как говорит Венсия — их не тронут. Каково это вообще, когда у тебя есть слуги? Швырнул какой-то свиток дурацкий — и тебе уже еду подали. Швырнул снова — костюм принесли. Как много обязанностей лежит на плечах слуг? Из истории своего мира Эд знал, что к слугам не всегда относились хорошо. Интересно, уважают ли этих хотя бы немного больше?

Из её покоев вид открывался на родовой сад, в котором пышно цвели деревья и кустарники.

— Класс, — кивнул Бредберри, с облегчением вздохнув. Силы Венсии восстановятся. С ней все будет хорошо. Эд не обрек её на смерть. — На месте тех колдунов, которые потом очень долго восстанавливаются, я бы предпочёл вообще не колдовать. Хотя... это чем-то похоже на похмелье, — он нахмурился. — Людям плохо, но они все равно пьют. Наверное, тут также. Людям плохо, но они все равно колдуют. Это же какая власть в твоих руках, — он мечтательно вздохнул.

— Хм, никогда не думала с такой стороны, но да, думаю это более чем можно сравнить с похмельем. А насчет власти, поверь, это не так. В нашем мире магия довольно распространена, но при этом владеть ею могут не все, — женщи-

на чуть вздохнула, вновь взглянув в окно. — Поэтому магия несёт скорее не власть, а ответственность. Если твои силы выше среднего уровня, то и общество требует от тебя гораздо больше, чем от существа, которое может максимум отослать свиток или приготовить еду при помощи заклинания. Хотя во всем есть свои нюансы и способы избежать ответственности или, наоборот, навлечь ее на себя слишком много, — она чуть усмехнулась, взглянув на юношу. — Со временем ты увидишь существ, обладающих магией разного уровня, и сможешь сам решить, дает она власть или же что-то другое. А также сам попробуешь поработать с магией, — она весело усмехнулась, красивым жестом поправив волосы, и хитро взглянула на Эдварда. — Да, как ты уже понял, я хочу попробовать научить тебя колдовать.

— Ого, будете учить меня магии? — нервно усмехнулся Эдвард.

Она ничего не ответила, лишь загадочно улыбнулась. Вдруг перед Венсией появилось какое-то пламя, и в руки ей упал сверток — одежда, видимо. Эдвард слегка волнуется, ему немного страшно. Он из своих огромных толстовок, за которыми даже нельзя разглядеть очертания тела, не вылезал уже очень давнгл. А тут что-то такое незнакомое, непонятное.

— Как думаете, как я буду смотреться в местных шмотках? — тихо посмеялся Эдвард. Ему тяжело себя представить в такой одежде, но что уж поделаешь. Сам привык ходить в однотонных кедах, джинсах и толстовках.

— Я думаю, в нашей традиционной одежде ты будешь выглядеть просто превосходно, хоть она и отличается от той, что ты привык носить в своем мире, — усмехнулась Венсия, хитро взглянув на юношу. — Нужно будет тебе еще украшения подобрать, чтобы был похож на существо из этого мира. Кстати, в твоём мире меня постоянно удивляло, что у вас украшения словно совсем не распространены, — она хотела было сказать что-то еще, но в этот момент перед ней появилось небольшое розовое пламя, из которого выпал свиток, также перевязанный розовой лентой. Чуть вздохнув и развернув свиток, женщина быстро пробежала по нему глазами и, довольно улыбнувшись, кинула бумагу на стол. — Итак, наш ужин прибудет в мои покои через пятнадцать минут. Кстати, нужно потом попробовать тебя обучить заcharовывать свитки, чтобы в случае чего ты мог связаться со мной.

Эдвард рассеянно захлопал глазами, когда услышал слово "украшения". У старшей сестры их было много: разнообразные заколки, бусы, серьги, какое-то время она даже таскалась с пирсингом в брови. У Эда же никогда не было желания нацепить на себя какую-нибудь брошку. Он хотел казаться незаметным, хотел буквально сливаться с окружающей средой, чтобы его не видели, не узнавали, чтобы его, черт подери, не трогали.

Украшения привлекали внимание, особенно на мужчинах.

— В моем мире в прошлом люди очень любили украше-

ния, но носили их обычно люди знатных кровей. В основном, чтобы показать свой статус. Сейчас тоже носят, конечно, но не в таком объеме. Женщины носят украшения чаще, — пожал плечами Эд, надеясь, что Венсия больше не вспомнит свое предложение нацепить на Бредберри какие-нибудь цацки. — Людям важнее, чтобы одежда была удобной, а не красивой. Расскажите мне завтра о том, какие у вас традиции? Ну и в целом про ваш мир. Ну, если, конечно, вы не захотите выгнать меня к чёртовой матери через несколько минут. У меня очень дурной характер — просто предупреждаю, — Эдвард хитро ухмыльнулся.

— Конечно, — Алгениб мягко улыбнулась, а затем запнулась и добавила: — Тебя же не будет смущать, что мы будем жить в одной комнате? Просто сам понимаешь, пока выделить тебе отдельные покои я не смогу, — она снова улыбнулась.

Эдвард снова залился краской. Венсия не сказала ничего неожиданного, но... Эдвард из-за своей повышенной стеснительности даже от общаги отказался, лишь бы не жить с кем-то рядом. Сейчас деваться было некуда, и Бредберри чувствовал себя слишком неловко. В общаге комнату делишь хотя бы с парнями. Сегодняшний день определенно издевался над всеми принципами Эдварда.

— Не будет, конечно, — буркнул Бредберри. — Меня вообще трудно смутить.

Венсия едва заметно усмехнулась.

— И не волнуйся, милый Эдвард, я готова делать ставки на то, что мой характер определённо так же сложен как. Будь уверен, вряд ли ты сможешь сделать или сказать что-то такое, чтобы я захотела тебя выгнать. Скорее даже я вызову в тебе какие-нибудь смешанные чувства, всё-таки немало существ говорили, что я невыносима, — она вновь пожала плечами, хитро взглянув на юношу.

Эд удивленно переводит взгляд на Венсию. Что ж, так было даже интереснее, но парню было тяжело представить эту милую женщину в какой-нибудь ситуации, в которой она могла бы проявить сложность своего характера. Как её вообще можно было назвать невыносимой?

Вот внушительной так, стоп.

— Да уж, Венсия, вы действительно невыносимы, — покачал головой Эд, первый раз за день обратившись к женщине по имени. Имя у неё странное, и на языке оно странный привкус имеет. — Таскаете тут к себе в покои каких-то бомжей с улицы, ужас, — он наигранно вздохнул.

— Хах, ну а что поделать, если я хочу помочь, как ты выразился, бомжу, да и в целом он кажется мне интересным, — она усмехнулась, немного потянувшись.

Эдварда подавился воздухом. Что-то что-то давно ему никто подобного не говорил. Наверное, никогда. Бредберри искренне начинал беспокоиться, что он в присутствии Венсии покраснел большее количество раз, чем за всю свою жизнь. В этой женщине с тёмными длинными волосами было что-

то совершенно особенное, непонятное. Она слишком дружелюбная и слишком внимательная, а Эдвард к подобному чертовски не привык. Ему просто хочется спрятаться где-нибудь и не вылезать, чтобы опьяневшая от восторга голова остудилась.

Это просто ложная тревога. Да, конечно Эдвард привлекает внимание, потому что он из другого мира. И Эдварду интересна Венсия точно по той же причине. Ничего большего, вообще неизвестно, как долго будет длиться их общение. Главное, держать себя в руках. Венсия обаятельная, но она даже не человек — она получеловек. Обычно Эдварду нравятся цельные люди. Это просто банальный интерес.

Кажется, ему нужно было переодеться. Эд подошел к столу и тыкнул пальцем в свёрток одежды, словно пытаюсь удостовериться в том, что он не живой. Ну а кто знает этих колдунов? Бредберри нервно сглотнул и перевел взгляд на Венсию.

— Слушайте, эм, мне нужно переодеться, да? Не могли бы вы... эм... пожалуйста, — Эд покраснел и опустил глаза вниз, — отвернуться и всё такое?

Да-да, это одна из причин, по которой Бредберри отказался от общаги.

— Да, конечно, я могу отвернуться — она мягко улыбнулась и отошла к одному из книжных шкафов, при этом стоя к юноше спиной.

Эдвард принялся натягивать на себя принесённые вещи.

Рубаха и брюки — очень непривычное одеяние, да ещё и узоры какие-то вышиты, но, в целом, они были комфортными. И, быть может, она не настолько плохими, как Эдвард представлял изначально. Эдвард теперь ощущал себя очень странно, но при этом чувствовал куда большую близость к этому миру и этому народу, чем раньше.

Тем временем дверь приоткрылась, и оттуда появился поднос с едой. Буквально появился, потому что существо, которое все это принесло, Эд разглядеть не смог. На подносе находились фрукты и сладости, которые Бредберри краем глаза отметил на той ярмарке. Фрукты отличались по внешнему виду от того, что Эдвард видел раньше, поэтому он слегка прищурился, пытаясь разглядеть.

— Ты переоделся? Я могу повернуться? — спросила Венсия.

— А, да, можете, конечно, — встрепнулся Эдвард, когда услышал заданный вопрос.

— Великий золотой свет, Эдвард, ты восхитителен! — весело произнесла женщина, осмотрев юношу. — Я же говорила, что будешь выглядеть превосходно, прямо таки как представитель известного рода магов, но украшений явно не хватает, — усмехнулась она и с довольной улыбкой подошла к столу, ставя на него поднос.

Кажется, Алгениб устраивает то, как Бредберри выглядит в костюме. Эду даже делают комплимент, и парень из всех сил старается держаться достойно — он не смутился, нет, ни

в коем случае! Венсия просто убедилась в том, что теперь Эдвард хотя бы частично начинает вписываться в общество этого мира — ничего большего.

— Украшения? — хмыкает Эдвард, начиная крутиться на месте, наблюдая за тем, как легко движется одежда. — Осыпете меня золотом, а, Венсия? — он смущённо закрывает лицо руками, когда понимает, что ляпнул. Алгениб действует на него странно.

— Милая моя забота, я хоть сейчас готова осыпать тебя золотом и драгоценностями, — она хитро усмехнулась, вновь слишком близко подойдя к юноше и аккуратно закрепив на паре прядок светлых волос жемчужины, а после с довольным видом оценив свою проделку. — Тебе определённо бы пошли украшения с драгоценными камнями... блеск в украшениях немногим идет, но, думаю, тебе было бы идеально. — невинно улыбнувшись, она отошла от юноши обратно к столу, при этом даже не думая о том, что её действия могли как-нибудь не так понять.

Эдвард дёргается и переводит рассеянный взгляд в сторону Венсии. Он отчаянно пытается себя убедить в том, что это никакой не флирт — скорее способ общения, быть может, у них и вовсе так принято? В книгах среди высшего общества из прошлого очень часто можно было отметить взаимный обмен любезностями. Наверное, в среде Венсии просто принято так себя вести. Но содрогающемуся в груди сердцу это не объяснишь.

Эдвард вырос в другой среде, совсем другой. С ним так никто не разговаривал, о нём никто почти не заботился, на него никто не обращал внимания. Никто не спрашивал, каково это: учиться и одновременно работать, не тяжело ли быть студентом-журналистом. Никто не слушал жалобы на жестоких преподавателей, никто не приносил микстуру от кашля во время болезни, никто не спрашивал, почему Эдвард не высыпается. Он жил, будучи одиночкой, пытаясь убедить себя в том, что сам выбрал этот путь.

А Венсия слишком добрая. Не хочет, чтобы Бредберри было холодно в сырой одежде, делится нарядами, украшения нацепить хочет, угощает фруктами. Сердце в груди стучит быстро, и Бредберри цепляется за эти крупницы внимания, они дороже золота.

Ему стыдно от самого себя и противно — мог послать кого угодно, избегал любого общения, а сейчас тает, как шоколад, от простых тёплых слов и заботы. Он краснеет, теряется, как подросток, глаза в пол опускает, совершенно не зная, что должен отвечать на комплимент. Да, Эдвард не умеет на них реагировать! Что здесь такого? Иногда лучше просто проигнорировать, а лучше — притвориться, что пол под ногами слишком уж красивый. И вызывает куда более волнительные ощущения, чем сладкий привкус на языке из-за тёплой заботы.

Словно стараясь отвлечь самого себя от всех этих мыслей Эдвард переводит все внимание на принесенный неким су-

ществом поднос с едой.

— Ну давайте, рассказывайте. Что это такое? Я не умру, если это съем? — он слегка прищурился. Конечно, Бредберри понимал, что не умрет, но пробовать незнакомую еду и впрямь было слегка странно. — Какое оно на вкус?

— Ну что ж, начнём твоё знакомство с миром фруктов. Смотри, вот это — она указала на ягоды, темно-зеленого цвета, которые Эдварду могли напомнить малину из мира людей, — это ягоды кристальных пещер, у них нет названия, но на вкус они напоминают, что-то О! — она быстрым шагом направилась к стене, которая была полностью занавешена шторами.

Скрывшись за занавесом, Венсия пробыла там около пяти минут и вернулась с детской книжкой из мира людей в руках.

— Вот на это похоже! — сказала она, повернув к юноше книгу, открытую на развороте с множеством фруктов. Сама же женщина указывала на картинку с яблоком. — Думаю, так будет проще, если я буду сравнивать фрукты с наших миров, — Венсия неловко улыбнулась.

Следующие пару минут с помощью книги Алгениб рассказала юноше о том, что за фрукты перед ним находятся и с чем можно сравнить их вкус. Бредберри тихо прыснул в кулак. Хотя, впрочем, идея оказывается крутой, и благодаря красивым картинкам знакомых фруктов Эдвард примерно начинает представлять, чем питаются люди из этого мира и какое оно всё здесь на вкус.

— Ну что ж экскурс по популярным фруктам я тебе провела, так что, прошу, угощайся, — она улыбнулась, при этом беря один из кусочков фруктов и спокойно его откусывая, как бы показывая, что это точно можно есть.

— Сначала я, конечно, посмеялся, но вообще-то вы круто придумали, Венсия, — хмыкнул Эдвард, закидывая в рот зелёную ягоду — И правда на вкус как яблоко, — он удивлённо вскинул брови.

— Кстати, скажи мне, пожалуйста, у тебя есть неприязнь к каким-либо продуктам? — спросила женщина, прожевав фрукт. — В вашем мире это вроде бы зовут «аллергия». Если да, то скажи, пожалуйста, на какие, чтобы потом либо не включать что-то на них похожее в рацион, либо приготовить тебе эликсир от этого.

Эликсир от аллергии звучит слишком хорошо, и Бредберри растерянно хлопает глазами: почему в его мире не было ничего подобного? Ах, ну да. Там же не живут колдуны.

— У меня не совсем аллергия. Непереносимость лактозы, как и почти у половины населения Земли, — пожал плечами Эдвард. — Но у вас вряд ли есть такое же молоко, как в моем мире, так что волноваться не о чем. — Вы говорили, что в вашем мире с большой силой приходит большая ответственность — по такому правилу живете, да, получается? — он решил вернуться к недавно начатой теме. — И неужели ни разу не было в вашей истории какого-нибудь чокнутого злого колдуна, который наплевал на мнение людей и прочее

и решил подчинить весь мир себе? Просто у нас все сюжеты книг и фильмов о колдунах построены именно на этом тропе, — усмехнулся Эдвард. — Вдруг и у вас был местный Волан-де-Морт. Дядька такой без носа, — серьёзным тоном продолжил Бредберри. — О, а вдруг я стану вашим Волан-де-Мортом? — хихикнул Эд. — Ну, знаете, человек из другого мира, которому власть вскружила голову, и он решил воспользоваться дарованной силой. Заставлю колдунов себе подчиняться, буду на руки штамповать метки принадлежности, введу в учебных зданиях обязательное изучение каких-нибудь тёмных запрещённых искусств, буду пытаться людей, мучить, — Бредберри эмоционально размахивал руками, нагоняя пургу, — а потом у меня отвалятся нос и волосы. Не боитесь? — Эдвард хитро прищурился, посмотрев на Венсию.

— Знаешь я даже была бы рада, если бы ты стал таким магом, даже во всем бы помогала. Этому миру последнее время нужна хорошая встряска. Но а вообще в нашей истории есть пара тёмных пятен, но они не то чтобы были магами. Скорее, они были чем-то вроде заклинателей, пользовались не своими силами, а силами более могущественного существа, о котором до сих пор мало что известно. Я в эту тему не особо лезла, поэтому точно тебе об этом рассказать не смогу. Нужно посетить родовую библиотеку, там полно записей об этом, — она чуть пожала плечами и на пару мгновений задумалась о чем-то. — Но вообще да, большинство магов живет

по принципу «чем больше власть, тем больше ответственность», но при этом сразу предупрежу тебя: встречаются и те, кто легко идет против этого правила, поэтому в будущем относись с осторожностью к чужой магии, — она произнесла эту фразу довольно серьёзным голосом, хотя особо-то ничего не объяснила.

Возможно, Эдвард слегка перебарщивает, когда начинает представлять себя в виде злодея, который сведёт этот мир с ума. Но картинки перед глазами вырисовываются так ярко, они насыщенные, красивые, немного жуткие, и, возможно, у парня всегда была чересчур живая фантазия.

Даже в детстве после прочитанных книжек или просмотренных фильмов Эдвард придумывал новые истории под впечатлением, а потом очень часто видел во снах кошмары, из-за чего просыпался среди ночи в слезах. Но до того, чтобы самому писать книги, Бредберри не дошёл — слишком велика ответственность, да и занятие не из простых. Эдвард наверняка придуман для чего-то лёгкого, почти бесполезного.

Уж явно не для того, чтобы стать злодеем в чужом мире.
— Будете тогда моей Беллатрисой Лестрейндж, — хитро прищурившись, уведомляет Бредберри. — Она, правда, была немного чокнутая, но, знаете ли, и Волан-де-Морт был без носа. В общем, помощница его. Вместе захватим мир, и никакой мальчишка-выскачка нам не помешает, — Эдвард мечтательно смеётся.

Общение с Венсией неприлично легко складывается, особенно учитывая тот факт, что она вроде как представительница местной аристократии.

— Заклинатель для меня звучит более реально, чем если самому попытаться стать великим колдуном, — Эд тихо усмехается. — Ну-ка, моя Беллатриса, где же нам взять это самое могущественное существо, чтобы запудрить ему мозг? Поручаю вам разузнать это, — Эдвард снова тихо смеётся, хотя, если честно, в шутке всегда есть толика правды.

Заклинатели, которые околдовывали каких-то куда более могущественных существ это ведь безмерно интересно! И план хороший, если, конечно, ты на сто процентов уверен в своих силах. Нельзя исключать той возможности, что твои силы могут внезапно иссякнуть, и твой «домашний питомец» вдруг обратится против хозяина.

Впрочем, сейчас, когда Эдварду ещё очень далеко (несоизмеримо далеко) до даже банальной магии, действительно стоит слушаться Венсию и быть осторожным. По крайней мере, чтобы не доставить проблем одной знакомой колдунье.

Наверное, всё дело в ощущении вседозволенности. В родном мире Эдварда могли отчислить, уволить или ударить за неправильно сказанное слово, но здесь всё ощущалось немного нереально. Как во сне, в котором ход событий можешь изменить в любое время. Нужно научиться мыслить как-то иначе. Хотя, Впрочем зачем?

Эдвард попал в этот мир далеко не из-за любви к жиз-

ни. Не из-за любви к жизни в случае чего Бредберри просто возьмёт и потеряет свою «последнюю жизнь».

Неважно. Эдвард трясёт головой, словно пытаюсь выкинуть из неё все негативные мысли.

— Хах, Эдвард, ты не перестаёшь меня удивлять в положительном плане, — улыбалась женщина. — Я обещаю, что когда я хотя бы чуть-чуть обучу тебя нашей грамоте, ты сможешь сам изучить все записи, которые смогут подкрепить твои невероятные фантазии, — она усмехнулась, вновь поправляя волосы.

Перспектива узнать больше об этом мире радовала Эдварда. Несмотря на огромную ненависть к своему университету, домашним заданиям, зачётам и экзаменам, ради которых приходилось блуждать в тонне глупой и скучной информации, Бредберри любил узнавать новое. Ему нравилось читать книги, ему нравилась история — одна из причин, по которой выбрал именно антикварный магазинчик.

Магазинчик когда он окажется там в следующий раз? Возможно, никогда. Это неважно, теперь всё неважно — эта жизнь в прошлом, и сейчас Эдвард сможет выстроить собственноручно куда лучшую судьбу. Никакой учёбы, никаких проблем с кассой, никаких встреч с сестрой и никакого посещения кладбища в день смерти родителей. Он не станет жалеть и скучать.

Наверняка писания в этом мире существенно отличаются от всего, что мог видеть Бредберри дома. Конечно, Венсия

воспринимает их как изложения собственной истории, как некие учебники и научные книги. Для Эдварда это всё равно будет похоже на сказку, он все исторические книги воспринимает как сказочные, а уж если они будут рассказывать о магии, колдунах, заклинателях, каких-нибудь магических существах и других расах, о которых пока что парень вообще ничего не знает, то тем более летопись будет похожа больше на сказание. В общем, Эдвард уже весь пылает от нетерпения: иногда изучать новое означает жить.

Изучать местные наряды, особенности украшений, традиции в одежде тоже звучит интересно. Их одежда не кажется массивной, не кажется роскошной, но образ всё равно остаётся ярким — именно из-за украшений. Конечно, Эдвард и понятия не имеет, что в данном мире означает золото, но если бы в родном кто-то носил украшения из блестящего металла, то это явно могло указывать на его достаток. Интересно, как одевается более бедный слой населения? Венсия наверняка представительница местной аристократии, для неё камни и металлы являются чем-то совершенно обыденным. Нужно будет присмотреться к слугам.

— Заранее тебя предупрежу, после того, как ты поешь, я на пару мгновений позовую служанку забрать поднос и приготовить тебе спальное место. Она из эльфов, так что внешне она тоже немного отличается от тебя, поэтому не пугайся, — она вздохнула, при этом сложив руки на груди и окинув взглядом комнату. — Только вот куда поставить

твою кровать думаю, можно на место того шкафа, — рассуждая вслух, Венсия указала на книжный шкаф, который стоял недалеко от окна. — Тебе такое расположение будет удобно?

— Эльфы — это здорово, — улыбается Эдвард. — В фильмах они красивые. Мне будет удобно любое расположение кровати. Я ведь собирался спать в подворотне на улице, — он тихо смеётся.

Фрукты кажутся вкусными и сладкими, и Бредберри доволен. В этом мире красиво, и Эдварду нравится это сказочное путешествие. И компания Венсии ему тоже нравится. Последняя теперь кажется очень уставшей, и Эдвард ведь понятия не имеет, сколько сейчас времени. Возможно, Алгениб обычно уже спит.

В дверь постучали, и совсем скоро перед глазами предстала та самая эльфийка, видимо. Красивая девочка — прямо как из фильма или компьютерной игры. Такие совпадения вновь и вновь заставляли Эда нервничать: вдруг он просто заснул?

Совсем недавно только перечитывал потрепанную серию книг "Властелин колец", которую ещё родители подарили. Милая Арвен была для еще маленького Эдварда самой первой любовью. Вдруг из-за сильных впечатлений от чтения он увидел этот сон? Более того, Эду далеко не первый раз снились фэнтезийные сны.

Ушки заострённые, милое личико, светлые волосы — прям ходячий стереотип об эльфах. Бредберри внимательно

ее разглядывает и поверить не может в то, что наяву видит настоящего эльфа. Чудесное платье и снова украшения, как у Венсии, только другого цвета. Интересно, в цвета вложен какой-то смысл? Об этом Эдвард тоже спросит завтра.

Между эльфийкой и Венсией завязывается диалог, и Бредберри ни слова не понимает. Их язык не похож на английский, да даже ни на один европейский не похож. Эдварду кажется вежливым поздороваться, но смысл, если она ничего не поймет?

— Эдвард, это Мэй, она моя главная служанка. Она довольно сильна в магии эльфов, поэтому в будущем будет помогать тебе познакомиться с определённой частью этого мира, ну а также ее магия поможет тебе быстрее освоить некоторые науки и, возможно, наш язык, — когда она говорила на языке Эдварда, Мэй с любопытством и удивлением во взгляде смотрела на него. Всё-таки язык, на котором говорил юноша сильно отличался от того, на котором говорили в мире Венсии.

Мэй. Хорошо, что хоть имя простое — запомнить можно. Эдвард искренне рад тому, что Мэй будет помогать в обучении.

Конечно, ему нравится проводить время с Венсией, но эта девочка — настоящая эльфийка! Эдварду все в этом мире до чертиков интересно, так хочется узнать больше. Бредберри не любит общение, но он решил довериться Венсии, а Венсия, кажется, доверяет Мэй. В чем проблема? Эдвард друже-

любно машет рукой и улыбается девушке после того, как ее ему представляют.

Мэй подходит к шкафу, чертит непонятные иероглифы и, видимо, делает то, что велела ей Венсия, а потом буквально за считанные секунды несчастный шкаф превращается в кровать. Эдвард восторженно ахает и переводит взгляд на Венсию.

— Это магия замещения, один предмет принимает форму другого, если материалы, из которых они состоят, позволяют это, — объяснила Алгениб юноше.

— Круто, Венсия, это было очень круто! — восторженно бормочет Эдвард, присаживаясь на корточки перед кроватью, чтобы потрогать ее руками и рассмотреть ближе — вдруг это все-таки иллюзия какая-то? — Скажите Мэй, что это было очень круто!

Мэй, после того, как превратила шкаф в постель, забрала со стола Венсии поднос и направилась к выходу из покоев. Когда девушка уходит из комнаты, она зачем-то кланяется им обоим, и Эдвард рассеянно машет ей рукой: он же не аристократ, черт возьми. Это Венсия госпожа какая-то важная.

— Эдвард, я сказала Мэй, что ты мой близкий друг из пока ещё мало изученного государства, а это для окружающих автоматически перекладывает мой статус на тебя, так что готовься к тому, что большинство слуг будут тебе кланяться, — она вздохнула, наблюдая за юношей. — Ну что ж, вот твоя постель и готова, надеюсь тебе будет комфортно на

ней спать.

— Мне нравится быть вашим гостем из другой неизученной страны, — комментирует Эдвард, усмехнувшись. — Венсия, спасибо большое, — решается добавить Эдвард, присаживаясь на свою кровать. — Обо мне давно никто так не заботился.

— Эдвард, не нужно постоянно меня благодарить, — женщина улыбнулась, глядя на юношу. — Думаю, просто я бы хотела считать нас друзьями, а друзьям принято заботиться друг о друге.

— Друзьями? — Бредберри всё ещё были не понятны намерения Алгениб, непонятно было, что она хочет и что замышляет — если замышляет. Она была доброй по отношению к Бредберри, и ей хотелось верить. Но зачем местной аристократке дружить с глупым мальчишкой из другого мира?

— Ой, нет, не в вас дело, просто я прости ой, то есть, — Эдвард закрыл лицо руками и тихо засмеялся. — Не в вас дело, правда.

— Да, Эдвард, я бы хотела, чтобы мы общались ближе, чем существа, которых просто свел случай. Мне кажется, в определённых моментах мы схожи и могли бы неплохо ладить. Ну а также ты первый, с кем я за пару-тройку последние десятки солнц смогла нормально общаться без ощущения какого-то груза статуса или лживого подтекста, — она вновь улыбнулась, взглянув на юношу, но при этом в её улыб-

ке мелькнула лёгкая тоска, как будто бы она вспомнила что-то не очень весёлое.

Эдвард лишь растерянно хлопает глазами: он раньше и подумать не мог, что вообще друзей себе вдруг решит завести, а сейчас представительница аристократии из другого мира — колдунья, между прочим — проявляла по отношению к нему заинтересованность. Притом, что, как сама выразилась, Бредберри за долгое время стал первым существом, с которым Венсия смогла нормально общаться.

Это так странно, и так чертовски похоже на его собственную историю. На самом деле, в какой-то степени это даже пугало: быть может, судьба действительно свела их не случайно? Может, желала, чтобы оба чему-нибудь друг от друга научились? Так, пора заканчивать этот безумный поток мыслей: Эдвард не верит во всю эту чепуху с судьбой.

Хотя одна мысль все же казалась ужасно назойливой, что выгнать ее было почти невозможно: Эдвард был одинок в собственном мире, он был в нём настолько лишним, ненужным и другим, что смог сладить только с существом из другой вселенной. Эта мысль обжигала, казалась болезненной, но, с другой стороны, уж теперь Бредберри явно ощущал себя куда менее одиноким, чем за прошлые несколько лет.

Раньше иногда приходилось болтать с тараканами и глухой кошкой Маркизой, которая и отвечать-то могла лишь надменными взглядами (недаром Маркизой названа), а сейчас перед Эдом сидел живой настоящий человек (получе-

ловек), она слушала, отвечала, не указывала на странности Бредберри и даже хотела стать его другом. В груди что-то защемило, и, если раньше Эд думал, что все происходящее — сон, теперь он до отчаяния сильно боялся, что проснется утром не в кровати возле окошка, а или за кассой от звона колокольчика, или в своей квартире с обшарпанными обоями.

— Эм, ну, — Эдвард смущённо поправил волосы, — думаю, я бы тоже хотел считать вас своим другом, — он сначала отвел глаза, а затем все же набрался смелости и, мягко улыбнувшись, посмотрел на Венсию. Ему хотелось, чтобы Алгениб не сомневалась в правдивости сказанных слов.

Конечно, все это было странно, и тоненький голосок на подкорках подсознания настойчиво уведомлял о том, что нельзя быть таким наивным и глупым. Он почти ничего не знает об этом существе, более того, Венсия ещё и, по всей видимости, гораздо старше Эдварда. Она магическое существо, и у них наверняка совсем иное отношение к времени, но все равно Алгениб явно прожила гораздо больше, чем двадцатиоднолетний Эд.

Но все эти мысли хочется выкинуть из головы, задушить, сжечь. За последние несколько лет Бредберри чувствует себя куда более спокойно и расслабленно. Пускай даже Венсия потом окажется убийцей и расчленит Эдварда. Хуже, чем было раньше, не станет никогда, а за жизнь Бредберри не цепляется. Он просто хочет доверить ее Венсии и позволить

ей стать проводником в этом волшебном мире. Чтобы забыть. Чтобы забыться.

Эдвард отмечает, что завтра обязательно нужно будет поинтересоваться у Венсии о её возрасте. Или такое спрашивать у девушек неприлично?

— Вот и славно! Я рада слышать, что ты тоже хотел бы стать моим другом.

Бредберри сонно зевает. Кажется, он слишком устал за этот день. Слишком много новых эмоций и впечатлений.

— Разбудите меня, если буду долго спать. Надеюсь, завтра вы не окажетесь моим очень красивым сном, — он ложится на подушку и бормочет уже почти сквозь сон. День выдался длинным. — Добрых снов, Венсия.

— Хах, скорее всего тебе меня будить придется. Если что моя кровать за занавесом. Прекрасных тебе сновидений, моя милая забота, — она улыбнулась наблюдая за тем как быстро Эдвард заснул.

Либо кровати из этого мира обладают какими-то волшебными особенностями, либо Бредберри действительно настолько сильно устал, но засыпает он правда очень быстро. Так удобно, мягко и блаженно. Никогда не сравнится с кроватью в маленькой обшарпанной квартирке — там и матрас скрипит, и одеяло несколько раз заштопано, и сам диван, служащий кроватью, давно уже должен был оказаться на свалке.

Глава 2. Эльфийка из любимой книги

Сначала сон кажется спокойным, и Эдварда даже не смущает присутствие другого человека в комнате. После поступления он пробовал жить в общежитии, но там был сущий кошмар: соседи-мудланы, музыка на полную громкость и вечный бардак. Эд буквально убегал в общую ванную, чтобы просто переодеться в тишине. После того времени он твердо решил: лучше быть одному, чем терпеть такое.

Но Венсия ведь другая, она буквально из другого мира, и Эд свято верит в то, что существование с ней будет совсем иным.

Потом сны стали смешиваться, образовывать какую-то кашу в голове, и Эдвард стал вертеться на кровати. Беспокойство переполняло, но конкретного сюжета не было: лишь смесь всяческих переживаний.

Сон, в котором Эдвард просыпается утром в местной тюрьме; сон, в котором Венсия оказывается той самой жестокой колдуньей, о которой они говорили, и Бредберри якобы как-то может помочь осуществить её злые намерения; сон, в котором Эд прыгает в портал, но не оказывается в другом мире, а бесконечно долго поглощается никуда, ему становится плохо, его тошнит, а потом тело начинает разрываться

на куски; сон, в котором опять и опять умирают родители в тот отвратительный день. А ещё бесконечно повторяющийся сон, в котором Эдвард просыпается утром в своей постели в квартире и понимает, что первая пара начнётся через десять минут, а он совершенно не готов.

Они кажутся такими реальными, и Бредберри несколько раз за ночь переживает ужас осознания своей несчастной судьбы.

После одного из таких снов Эдвард приходит в себя окончательно, понимая, что проснулся гораздо раньше, чем обещал Венсии. Даже слишком рано, но больше переживать эти кошмары не хочется.

Он искренне счастлив, что все оказалось настоящим: и эта наколдованная кровать, и свитки, и стол, на котором сидела Алгениб, и одежда с красными узорами. Это не сон.

Наверное, скорее очень качественная галлюцинация, но у сумасшедших в руках все козыри, так что это пугает Эдварда чуть поменьше.

Венсия определённо всё ещё спит, и Эдварду приходится думать, чем себя занять. Он исследует комнату, пытаясь запомнить, где и что находится, но трогать не решается — здесь вообще-то колдунья живет. Считает украшения, валяющиеся свитки, но это быстро надоедает, и Эдвард решается взять один из свитков, чтобы попытаться его изучить.

Буквы слишком вычурные, и Эдвард не понимает ни слова. Он копошится с этим достаточно долго, а потом и это за-

нятие надоедает.

И Бредберри решается на дерзость — попытаться разбудить Венсию. За окном уже светло, даже очень светло, а Эд слишком зависит от своей новой знакомой.

Он осторожно подкрадывается к кровати, приоткрывает занавес и неуверенно замирает на месте, думая о том, стоит ли ему будить Венсию. Она, кстати, очень миленькая, когда спит: черты лица расслаблены, только тёмные брови иногда хмурятся, длинные ресницы подрагивают. Алгениб и впрямь очень красивая.

Особенно её волосы. Чёрт, её волосы — сами как украшения, они уже не требуют ничего иного.

Да и, в целом, Венсии вообще всякие там жемчуга не нужны. Она во много раз красивее любой драгоценности.

Вдруг Алгениб резко просыпается и садится в кровати, и Эдвард испуганно отпрыгивает назад, просыпаясь от своего странного транса. Он грустно краснеет, едва не падая. Глупая, глупая ситуация!

— Я не смотрел, как вы спите! — выпаливает Эдвард в своё оправдание. — Я просто хотел вас разбудить, но не мог решиться! Я просто я давно встал и не знал ну, что ну, делать. Доброе утро, кстати

Вздрогнув, Алгениб переводит еще немного сонный взгляд в сторону юноши и мягко ему улыбается.

— Хах, хорошо, Эдвард, я верю, что ты не смотрел на то, как я сплю. И да, доброе утро, — она потянулась, невольно

при этом прикрыв глаза, а после вновь окинула юношу сонным взглядом.

Эдвард всё ещё красный, как рак, ему хочется провалиться сквозь землю, но то ли полы в комнате слишком твёрдые, то ли он физически сделать это не может, потому что продолжает стоять на месте и смотреть в пол. За всю свою крайне недолгую жизнь Бредберри вообще спящих людей видел совсем мало, да и, честное слово, никогда он таким не страдал: чтобы разглядывать кого-то там, видящего сны! Да Эду вообще люди не интересны, смотреть ещё на них — вот ещё!

Венсия просто со своими рожками она с толку сбивает — вот и всё!

А ещё сбивает с толку её очаровательно милые растрёпанные волосы, такие уютные, мягкие, непослушные, отпечаток от подушки на белоснежной щеке и заспанные едва-едва разлипающиеся глаза. Это так сильно разнится с обликом той статной женщины с умным выражением лица и глубокими серыми глазами.

Вот и всё! Никаких любований, просто недоумение, замешательство и искреннее удивление.

Потягивается и зевает Эдвард тихо ахает, а потом трясёт всегда находящимися в беспорядке светлыми волосами, пытаясь таким образом вытрясти из дурной башки все лишние мысли. Он почти доказывает себе, что действительно не наблюдал за спящей Венсией, поэтому, наконец, выпрямляется и поднимает голову, изо всех сил пытаясь соорудить наи-

более серьёзную мордашку.

А затем Венсия начинает сосредоточенно расчёсывать свои запутавшиеся длинные и чертовски красивые волосы, и Эд снова проигрывает очередной спор с самим с собой. Да, возможно, в этот раз он действительно наблюдает за тем, как новая знакомая распутывает свои волосы аккуратным гребешком. Но это всё ещё не означает, что он наблюдал за ней спящей и всё ещё не означает, что Эд любит Венсию. Просто Алгениб слишком уж забавно со стороны выглядит с этими милыми крошечными мелочами.

Какое-то время она просто молчала, порой смотря на юношу. Было понятно, что Венсия о чём-то серьёзно задумалась, и серьёзность её раздумий отражалась на лице.

— Прости, пожалуйста, что так долго спала, а сейчас так выпала из реальности. Все еще не могу свыкнуться с тем, что теперь мое утро будет проходить не в одиночестве, — она мягко улыбнулась, отложила гребень и быстрыми движениями собрала волосы в лёгкую косу. — Как тебе спалось? Кровать была удобной? Если вдруг нужна будет дополнительная подушка или одеяло, смело говори, у меня этого добра полно, — она весело усмехнулась, кивнув в сторону своей кровати, заваленной подушками.

— Всё нормально, для меня делить с кем-то одно помещение тоже новшество. Ну, конечно, если не считать тараканов, — Бредберри мягко улыбается, почему-то думая о том, что Эд для Венсии — первое существо, с которым послед-

няя делит комнату, да и в принципе одно пространство. — Кровать удобная, не волнуйтесь, — он отмахивается, — Я на таком матрасе у себя дома спал — вы не представляете! — смеется парень, а потом на мгновение становится серьезней, глядя на женщину. — А рога не мешают вам расчёсываться? — задумчиво спрашивает Эдвард так, словно этот вопрос является чуть ли не самым важным.

— Рога? — невольно переспросила женщина, услышав вопрос юноши. — Нет, они вовсе не мешают. Честно, я о них даже не думаю. Для меня они обычная часть тела, о которой не думаешь каждую минуту как, допустим, нос Вообще с ними бывают проблемы, только когда я захожу в помещения с низкими дверными проемами, — она неловко улыбнулась, невольно коснувшись пальцами рогов. — Пару раз я с отцом и братом посещала ремесленные районы, а там в домах очень низкие потолки, и я постоянно билась о них рогами, отчего в какой-то момент меня просто попросили оставаться на улице, чтобы не смущать мастеров, — Венсия мягко усмехнулась, взглянув куда-то за окно.

Эдвард невольно улыбнулся, потому что в голове тут же возникла картинка Венсии, которая неловко ударяется рогами о дверной проём, забывая о них, после чего испуганно отпрыгивает, потирая эти странные штуки, растущие на голове, будто бы они могут чувствовать боль.

А, к слову, чувствует ли Венсия что-нибудь своими рогами? Можно ли их сравнить, например, с кошачьим хво-

стом, или это всё же нечто похожее на черепаший панцирь? В человеческой литературе можно было увидеть разные мнения о рогах тех же демонов: кто-то описывал их как обычные костные отростки черепа, а кто-то превращал чуть ли не в эрогенную зону.

Так что вопрос о рогах Венсии вдруг заинтересовал Эдварда особенно сильно. Те книги были лишь выдумкой, а Алгениб всё ещё отлично маскировалась под настоящую колдунью с отростками на голове, и Бредберри чуть прищурился, словно пытаясь увидеть новую знакомую насквозь.

Потом, конечно, он снова неловко опустил взгляд в пол. Мысли, лезущие в голову, иногда контролировать было почти невозможно, оттого и были они столь странными. Зачем вообще Эдварду думать о рогах Венсии, а уж тем более об их чувствительности? Какой вообще парню от этой информации будет толк?

— Венсия, — всё же очень тихо произнёс Бредберри, затем неловко прокашлялся, будто бы пытаясь сделать вид, что ничего не говорил — слишком уж странной была тема для разговора. Затем щёки Эдварда по обычаю покрылись румянцем, и он всё же выпалил: — А ваши рога обладают какой-нибудь чувствительностью или просто являются продолжением бесчувственной кости, как, например, ногти?

Выпалил эти слова Бредберри слишком уж быстро, будто бы надеялся, что Венсия ничего не поймёт, а затем неловко опустил взгляд вниз.

— Знаешь у них определённо есть какая-то чувствительность, по крайней мере сейчас, когда я их касаюсь, я ощущаю что-то похожее на лёгкую щекотку, но все равно ощущения сложно описать, — она, вздохнув, убрала руку от своих рогов.

Эдвард хитро улыбается. Звучит как практически вызов, и, честно говоря, возможно, у Бредберри к рогам Алгениб был нездоровый интерес. Но как часто он видел людей с рогами? В метро иногда ездили рогатые создания, но это было что-то вроде украшений, пирсингов и аксессуаров, которые Эду казались странными. А вот рожки Венсии были миленькими, и, как ни странно, очень шли ей, дополняли образ. Первый раз в жизни женщину Эдвард увидел без рогов, но теперь без них её представить уже было трудно — настолько они уже ощущались полноценной и совершенно правильной частью.

— Вообще подобные части тела не отличаются сильной чувствительностью. Исключение крылья, у всех крылатых они безумно чувствительны, поэтому они всегда их прячут и открывают, только когда нужно лететь, — глядя на юношу, она немного хитро улыбнулась, подавшись вперед на кресле.

— Оу, тут и крылатые создания есть? — хмурится Эдвард. — Летать, мне кажется, очень здорово, — он вздохнул. — А вы, в теории, можете? Ну, вы же волшебница, все дела. Взмахнули, там, руками, полетели, — он машет рукой, как бы изображая, как ими нужно махать, чтобы сработала магия

полета.

— Да, в нашем мире есть существа с крыльями, — кивнула женщина. — Правда, большинство из них живут ближе к горным регионам, так как там больше необходимых им ресурсов. Но и в нашем городе есть большой шанс встретить кого-нибудь с крыльями, — мягко улыбнулась Венсия. — Я даже не знаю, как тебе ответить на этот вопрос. Вообще в теории да, так как полет напрямую связан с магией ветров и воздуха, а я немного могу ей пользоваться. Но на практике скорее всего я не смогу использовать заклинания на полёт. Эти заклинания смогут использовать только те, кто родился с магией ветров или же с крыльями.

Существа с крыльями. Как же они выглядят? Из родной фэнтезийной литературы Эдвард вспоминает фей, и они были весьма миленькими, с прозрачными крылышками в красивых длинных платьях. Конечно, кто-то описывал их как весьма воинственных девушек. Слышал парень о пегасах — лошадях с крыльями, о фениксах, грифонах и гарпиях.

Интересно, какими были летающие существа в этом мире? Быть может, они предпочитали закусывать человечинкой? Не стоило раньше времени сильно обольщаться и представлять кого-то уж вдохновляющего. Все может оказаться гораздо хуже. Конечно, Эд все равно искренне надеялся, что когда-нибудь встретит крылатое существо.

Бредберри показалось, что Венсия немного расстроилась из-за вопроса про то, может ли она сама летать. Эдварду

стало немного неловко: он не хотел, чтобы его новая знакомая волшебница чувствовала себя менее волшебной, чем какие-то крылатые существа. В глазах Эдварда Венсия все равно была несравнима, она ведь первая колдунья, которую встретил Бредберри на своем пути. Она открыла этот удивительный мир, да и Эдвард прекрасно понимал, что Венсия очень сильна. Даже несмотря на то, что у неё нет крыльев.

— Знаете, неважно, умеете вы летать или нет, — махнул рукой Эдвард. — Вы все равно крутая, — парень широко улыбнулся, вложив в эту фразу всю искренность, на которую был способен.

— Спасибо, Эдвард. И знаешь, если тебе так интересны мои рога, можешь сам потрогать их, я не против этого, — она улыбнулась, как будто бы пытаясь показать, что точно не против этого действия, но если приглядеться, то в этой мягкой улыбке можно было заметить какие-то хитрые нотки.

А вот предложение прикоснуться к рожкам приводит Эдварда в восторг, конечно же, смешанный со смущением и неуверенностью. Бредберри замирает на месте и краснеет, глупо улыбаясь. Он неуверенно покачивается из стороны в сторону, будто бы не решаясь, действительно ли должен это сделать.

Вдруг Венсия опять пошутила, а Эд снова чего-то там придумал? Но, кажется, она не отрицает своих слов. Бредберри подходит чуть-чуть поближе, внимательно рассматривая красивые аккуратные рожки. Сама виновата, нечего

предлагать было. Эдвард, если что, шуток не понимает!

Эдвард не может объяснить, почему именно с Венсией ему так легко; почему к её рожкам прикоснуться хочется; почему вещи, которые раньше Бредберри казались странными, теперь начинают входить в норму.

Касания, например.

Эдвард вообще-то ненавидел прикосновения, нет ничего хуже контакта с другим человеком! Чужая кожа — холодная, теплая, мокрая, сухая или влажная; чужие пальцы и руки — крепкие, твердые, слабые; волосы — щекочущие, бесконечные; объятия — неудобные, тесные, затяжные, слишком горячие; держания за руки — мокрые, липкие, жаркие в плохом смысле; случайные касания — щекотка, мурашки, холодок по телу.

А ещё прикосновения могут стать причиной, по которой кто-нибудь сможет изучить кожу, тело и конечности самого Эдварда. Ему плохо даже от одной мысли, что кто-нибудь будет знать о нём больше положенного.

Прикосновения Венсии другие. Они не вызывают отвращения, лишь ставший привычным страх не понравиться, оттолкнуть, показаться мерзким и уродливым. Дрожь была, но она имела другой характер — более теплый, более мягкий и приятный. Не холодный. Даже прикосновения к её рогам, к чему-то чужеродному, непонятному, не вызывали отвращения. Лишь страх и волнение.

Из-за искреннего восторга какие-то хитрые нотки в глаз-

ках Венсии уходят из-под внимания Эдварда. Он прищурился и чуть привстает на носочки. Позолоченные, рельефные, направленные кверху. Не совсем маленькие, но и большими их назвать было трудно. Среди темных густых волос они выглядели очень красиво. Эдвард приподнял руку с замиранием сердца, а потом, набрав воздуха в лёгкие, осторожно прикоснулся одним пальцем, словно испугавшись.

Руку пронзило неприятное колкое чувство, которое передалось на всё тело. Оно было похоже на слабенький удар электрическим током, который бывает, когда прикасаешься к намагниченным волосам. Эдвард тихо пискнул и сразу одёрнул руку.

— Чего вы током бьётесь-то! — недовольно заключил Бредберри.

Венсия тихо ахнула, опустив взгляд в пол и прикрыв губы ладонью.

— Как? — едва слышно прошептала она.

— Вы что-то чувствовали? — поинтересовался Бредберри.

— Я я п-почти ничего не почувствовала, — неловко улыбнулась женщина, взглянув в глаза Эдварда. — Просто лёгкая щекотка, как я и п-предполагала — она вновь выдохнула и, встав со своего места, поправила волосы и вновь взглянула на юношу.

Реакция Венсии пугает. У Эдварда внутри что-то замыкает. Венсии противно? Она пытается сделать вид, что с ней

всё в порядке, но Бредберри видит странный румянец, видит растерянность на всегда спокойном лице. Может, Эдвард сделал невольно ей больно? Бредберри опускает голову и испуганно пятится назад. Он не хотел. Он все портит. Между ними только начала появляться тоненькая ниточка, связывающая их, из разговоров ни о чем, из бесед об этом мире, о магии, из слишком частого нахождения рядом, из робких прикосновений. Но Эдвард снова все сам взял и разрушил, оборвал. Он всегда так делал.

— П-простите, — почти шёпотом произнёс Бредберри. — Я сделал ч-что-то н-не т-так?

Когда переживания тоненькой плёночкой начинают обволакивать трепетное сердце, и Эдвард понимает, что нихрена это не хороший знак, он привык быть равнодушным, немного пофигистичным и отстранённым от всего этого остального мира, а сейчас дрожал, как осиновый лист, из-за того, что мог обидеть существо, с коим знаком буквально один день, Венсия вдруг меняется в лице. Смотрит с таким странным блеском в глазах, что у Бредберри сердце в груди замирает: на него, чёрт возьми, никто никогда так не смотрел! Парень мечется глазами по колдунье, по комнате, пытаясь собраться с мыслями, пытаясь не растечься странной шоколадной лужицей по полу.

— Золото мое, внимательно меня сейчас выслушай. Тебе не нужно извиняться передо мной за каждый свой вздох и действие, ты сейчас не сделал ничего плохого и ужасного.

Так за что же ты извиняешься передо мной? — она чуть наклонила голову, все еще не отводя глаз с юноши и положив свои руки ему на плечи. — Это я должна просить у тебя прощения за то, что своими эмоциями напугала тебя. Понимаешь — она тихо вздохнула, при этом убрав одну ладонь с плеча юноши и пальцами аккуратно поправив волосы Эдварда. — Я по натуре своей люблю прикосновения, но при этом ужасно не отвыкла от того, что меня могут коснуться в таком невинном контексте. За последние столетия я уже и забыла, каково это, когда тебя касаются без подтекста, а за прошедшее десятилетие и вовсе стала неприкосновенной, поэтому твоё прикосновение вызвало во мне волну смешанных эмоций. Но я смело заявляю, что эти эмоции были только положительными. Эх нужно тебе будет также гребень или щётку для волос заказать у мастера, а то волосы могут начать путаться из-за разницы воздуха в мирах, — усмехнулась женщина, убрав от юноши руки и отойдя к столу.

Она собственноручно разрывает на клочья последние попытки Эдварда не сойти с ума, когда тёплые руки ложатся на плечи, когда от этого прикосновения на душе становится слишком уютно и правильно, когда у Бредберри в груди начинает расти желание того, чтобы эти руки касались его чаще. Слова, сказанные Венсией, перемешиваются в голове, они липкие, они тянутся, они сливаются, они накладываются друг на друга, и Эдварду даже не совсем понятно, что ему хотят сказать. «Золото моё» звучит в голове, и Бредберри ни-

кто так никогда не называл. Кроме, наверное, погибшей мамы, но он не помнил. Кажется, Эдварда просят не извиняться, кажется, даже у него самого просят прощения. Да как же так? Бредберри чёрствый, скучный, глупый, немного бесячий, постоянно мрачный и угрюмый, и с ним никто никогда общаться не хотел. Его сторонятся, и он сторонится. Эдвард из тех людей, к которым не обращаются ласковыми словами, которых не обнимают, с которыми не делятся секретами и переживаниями, которых не слушают, с которыми не делят счастливые воспоминания напополам. Эдвард не из тех людей, которых любят и которые сами любить не умеют.

Но сейчас что-то сломалось, оборвалось, нарушилось. Может быть, дело в том, что Бредберри находится в другом мире? Сменился порядок вещей, изменилась судьба Эда. А может, Эдвард просто влип по самые уши и теперь пытается выдумать то, чего на самом деле нет. Разглядеть это в темной длинной косе, в серых, словно туман, глазах, в тёплых изящных руках и в мягкой улыбке.

Эдвард трясёт головой. Так нельзя. Он не должен плавиться, как мороженое на солнце, от таких глупостей. Что бы сказала сестра, если бы его сейчас увидела? Что он выглядит глупо. Боролся за одиночество столько лет, а сейчас, стоило только его покинуть, тут же потерял всякое самообладание. Эдвард тяжело вздыхает несколько раз, пытаясь выпрямиться и взять себя в руки.

— Ладненько, я учту то, что вам нравятся прикоснове-

ния, — после долгого молчания, наконец, выдавил из себя Эдвард едва-едва слышно. — Здорово иметь возможность прикасаться к кому-то неприкосновенному, — парень вымученно смеётся, пытаясь спрятать за глупыми шутками свои странные смешанные чувства. — Будьте осторожнее: могу зазнаться.

Эдвард рассеянно начинает расчёсывать пальцами волосы и поправлять их. На самом деле, плевать, конечно, Бредберри было на то, что волосы могут начать путаться. Иногда, когда у Эда не было сил вставать с кровати на протяжении нескольких дней, его волосы становились буквально похожими на паутинку. Не страшно, и не такое переживали, но Эдвард корчит сосредоточенное выражение лица, делая вид, что какие-то там волосы интересуют его гораздо сильнее, чем всё произошедшее.

Венсия начинает возиться со своими свитками, написанными на каком-то непонятном для понимания Эда языке, и Бредберри остается лишь наблюдать и молча восхищаться. Быть может, когда-нибудь он и сам сможет делать что-то подобное? Алгениб обещала, что научит, но Эд слабо верил в то, что у него самого действительно могут быть какие-то таланты к магии. Простой человек же, студент-журналист, который сессии еле-еле на «удовлетворительно» закрывал — лишь бы не отчислили. А тут целое магическое искусство! Вряд ли Эда можно назвать одаренным и талантливым учеником. Скорее надоедливым. Именно таким на-

звал парня мистер Марвин, когда Бредберри пытался устроиться на работу в антикварный магазинчик. Он буквально ходил следом за хозяином лавочки, тогда будучи ещё совсем без опыта работы.

— Итак, начнём этот непростой день, — женщина весело улыбнулась, взглянув на юношу и кивнув ему головой, как бы приглашая подойти к ней. Венсия вновь взяла пару свитков. — Это на кухню, чтобы принесли двойную порцию. Это в мою охрану, дабы передать новые нюансы. Это к посыльным, чтобы доставили необходимые тебе вещи, ну а это Мэй, чтобы она сняла твои мерки и заказала тебе пару комплектов одежды по размеру, — произнося это женщина поочерёдно подкидывала в воздух свитки, которые так же по очереди сгорали в золотом пламени. Когда все свитки растворились в воздухе, Венсия довольно усмехнулась.

— Ого, у меня будет целый гардероб? — нервно усмехнулся Эдвард. Сколько же сколько же денег на всё это уходит? Эд невольно морщится: на новые джинсы приходилось копить достаточно долго, и Бредберри совсем не привык к такой жизни. Венсия вообще не задумывалась о деньгах? Как это работало в её голове? Эдвард стыдливо опустил глаза в пол.

— Ну полагаю рано или поздно он появится. Всё-таки тебе нужно как минимум два комплекта простой одежды, комплект на случай какого-нибудь важного события и на случай холодов, если, конечно, они выпадут на время твоего при-

сутствия в этом мире — на последней фразе она вздохнула.

Два комплекта странноватой одежды из мира волшебных существ, которые Эдвард будет вынужден носить в дальнейшем — хорошо это или плохо? Их наряды были странными, и Бредберри всё ещё чувствовал себя немного некомфортно. В своих тёмных широких нарядах Эдвард чувствовал себя замаскированным: во-первых, он сливался с толпой и с тёмными зданиями, во-вторых, никто за этими безразмерными шмотками не мог разглядеть, как по-настоящему выглядел парень. Какими были его ноги? А руки? Кто знает! Сейчас же Эдвард чувствовал себя слишком открытым, очень опасаясь того, что его будут разглядывать. Возможно, у Бредберри были некоторые проблемы с самооценкой, в чём себе он никогда не признается, но всё же терпеть на себе чужие взгляды было бы чем-то отвратительным. Лучше прятаться, чем быть на виду.

Слова про то, что «период присутствия в этом мире» когда-то закончится острой иглой, попадают в самое сердце, но Эдвард лишь поджигает губы и упорно игнорирует их. Ему не хочется поднимать эту тему, не хочется ничего знать, если Венсия планирует однажды выгнать Бредберри куда-нибудь к чёртовой матери — например, в тот уродский мир, где постоянно идут дожди. Эдвард не планировал возвращаться туда по крайней мере из-за того, что его наверняка к тому времени уже отчислят из университета и выселят из квартиры. А ещё, наверное, объявят пропавшим, и даже сестра

прилетит из своей Европы, ссылаясь на волнение о младшем братике. Бредберри невольно сморщился: он не вернется. Ни за что. Никогда. Пускай даже однажды надоест Венсии, и она захочет избавиться от своего гостя, Эд всё равно не вернётся. Станет местным бродягой, но не вернётся.

— А ещё, я хотела бы предложить тебе после завтрака отправиться в библиотеку, чтобы наглядно рассказать тебе о мире, в который ты попал, как ты на это смотришь? — она взглянула на парня с лёгким ожиданием во взгляде.

А вот новость о посещении библиотеки вызывает восторг. Несмотря ни на что, Эду нравится учиться, если он науку считает действительно интересной. А тут целая библиотека, в которой описаны всяческие нюансы этого мира! Множество книг, в которых можно было утонуть с головой.

Если бы не существовало, конечно, одно маленькое «но». Эдвард не умеет читать на местном языке.

— Библиотека — это очень здорово, Венсия, но я я же ничего не пойму из того, что написано в книгах, — почти шёпотом произносит Бредберри, неловко улыбнувшись.

— Милая моя забота, не забывай, что ты в мире, где есть магия. Думаешь, нет способа быстро обучить тебя чтению на моем языке? — она вновь хитро улыбнулась, чуть наклонив голову в бок и внимательно глядя в глаза юноши. — Вообще я хотела просто показать тебе карту этого мира и города, где мы находимся, но если Мэй будет свободна, то я бы хотела попробовать с ее помощью использовать на тебе одно из

старых эльфийских заклинаний. Оно не обучит тебя языку, но ты сможешь понимать речь и простые письма. Это во многом облегчит тебе жизнь, хоть я не знаю, получится ли у нас это заклинание. Все-таки ты не из этого мира, и магия может действовать на тебя, так скажем, по-другому, — Венсия сложила руки на груди, вздохнув. — «По-другому» в том плане, что заклинание может не подействовать или же подействовать не полностью, и ты сможешь либо только читать простые тексты, либо только понимать речь. Да и сама магия эльфов довольно своеобразная, за последние лет сорок я только три раза использовала ее и то не по своей воле. Разумеется, если ты против такого вмешательства в твоё познание этого мира, мы не будем использовать это заклинание. Я понимаю, что возможно пока ты ещё не доверяешь мне и моей магии настолько, чтобы позволить такой эксперимент, — женщина вновь мягко улыбнулась и, отойдя от юноши, лёгким движением поправила ткань на своих плечах, а после аккуратно села на кресло возле стола. Перед ней в воздухе появился свиток, перевязанный зелёной лентой, открыв его и прочитав, она усмехнулась. — На завтрак будет небесная рыба и цветочный чай. Принесут через 20 минут. Долго, однако, но, поверь, это того стоит. Считай, сегодня ты попробуешь традиционный завтрак моей страны, — кинув свиток на стол, она вновь посмотрела на юношу улыбнувшись ему.

— Ох, эльфийская магия, — немного настороженно вздохнул Эдвард, помотав головой. — Надеюсь, это не очень

опасно. А то вдруг, ну, знаете, я вообще лишусь способности говорить. Что тогда делать будете без моей болтовни? — он немного нервно засмеялся, сам, на деле, действительно переживая по этому поводу.

В детстве Эдварду пришлось пережить одну небольшую операцию на себе. Он хорошо запомнил больничный запах, боль от укола и ребячий жгучий страх в сердце. Почему-то тогда маленький Эдди был уверен в том, что врач забудет в нём ножницы, скальпель или перчатку, пришьет что-нибудь не туда или мальчик и вовсе не проснётся больше никогда. Вторжения в свой организм, а уж тем более чужими руками, не могло восприниматься как что-то нормальное, привычное и спокойное, оттого Эдвард и переживал и безмерно. Почему-то эта странная эльфийская магия, направленная на то, чтобы парень научился читать на чудаковатом языке этого мира, воспринималась именно как хирургическое вмешательство. Тогда уж Эду оставалось надеяться, что Мэй действительно хороший «хирург».

Но Венсия казалась спокойной, хоть и немного серьёзной. Всё-таки магия — не шутка. Именно из-за этого ей хотелось верить, да и Эдварду нечего терять уже, если честно.

— Ладненько, хорошо, — махнул рукой Бредберри. — Тогда пообещайте, что пока Мэй будет колдовать, вы будете держать меня за ручку, — тихо хихикнул Эд. — А то, ну, знаете, я очень плохо переношу всякие такие вот вмешательства. Зубные врачи боялись лечить мне зубы, — он с гордо-

стью широко улыбнулся.

— Хах, не переживай, Эдвард, обратить эльфийскую магию вспять гораздо проще, чем привести ее в действие. Эльфы раньше были очень воинственным народом, поэтому другим расам пришлось быстро учиться снимать их чары, так что не волнуйся если что-то пойдёт не так мы с Мэй вернём всё на свои места, — она вздохнула, немного наклонив голову, при этом смотря внимательно на юношу. — И без проблем, Эдвард, я буду держать тебя за ручку, даже обнять могу, в общем, все, что ты попросишь, — Венсия усмехнулась, потянувшись в кресле, при этом прикрыв глаза.

— Надеюсь, Мэй окажется хорошей эльфийской колдуньей, — покачал головой Эдвард, стараясь не выдавать своего страха, кусающего внутренности. Вообще-то Бредберри не трус какой-то там и не слабак, и пусть Венсия тоже это знает. В её глазах Эдварду не хочется выглядеть дурно, даже не хочется показывать свои бесконечные недостатки. Бредберри про себя уже несколько раз заметил то, что пытается выглядеть лучше — вообще-то подобное ему не свойственно.

Алгениб реагирует на глупую шутку Эдварда слишком серьёзно, обещая, что будет и за ручку держать, и обнимать. Бредберри выпячивает глаза и нервно посмеивается. Сказать ему на это совершенно нечего, да и все мысли и слова в голове перемешиваются и путаются. Наверное, Венсия просто пошутила, да? Просто состроила серьёзную мину и пошутит-

ла. Никому никогда не было дела до Эдварда, Алгениб тоже нет — просто чувствует ответственность. Нужно успокоиться и сделать что-нибудь с трясущимися руками. Бредберри нацепил глупую улыбку и опустил глаза в пол. Хотя по коже невольно пробежали мурашки, когда Эд представил прохладное прикосновение красивых аристократичных рук Венсии. Признаться в этом было немного стыдно, и Бредберри просто предпочел вычеркнуть это из памяти (вышло не очень хорошо).

— Итак, пока нам еще не принесли еду, хочу выдвинуть еще одно предложение на сегодня. Как ты смотришь на то, чтобы ночью выйти в сад? Сегодня будет ясная ночь и можно будет увидеть звезды. Я люблю на них смотреть и хотела бы разделить это занятие с тобой, если ты не против,— Венсия улыбнулась.

Эдвард резко краснеет и слегка машет в стороны лохматой макушкой, и потом взволнованно кашляет.

— Да, да... да, я был бы рад... очень. Да. Звёзды — это здорово, все дела. Люблю ночь, да. Предложение принято, — он снова неловко смеется.

Услышав положительный ответ на свое предложение, Венсия радостно улыбнулась.

— Спасибо тебе, Эдвард. Я безумно рада тому, что ты поделишь со мной такие замечательные мгновения, — она хотела было еще что-то сказать, но в дверь постучали и даже толкнули, чтобы открыть, но печать, которая стояла на две-

рях еще с ночи, не давала этого сделать. женщина сразу же насторожилась и, подойдя к двери, спросила, кто же за ней находится. Ей ответил мужской голос, но после этого ответа Венсия будто бы облегчённо выдохнула и сняла печать с двери, открывая ее. В дверях стоял парень, внешне напоминающий обычного человека, в его руках был поднос, который вскоре оказался у Венсии, а тот, кто его принёс, ушёл восвояси, закрывая за собой дверь. Женщина, как и в прошлый раз поставила поднос на свой стол, сдвигая тем самым свитки.

На подносе было две тарелки с достаточно большими кусками рыбы, посыпанной какими-то травами, две чашки чая, от которого шёл лёгкий сладкий аромат, и тарелочка с нарезанными фруктами, а также рядом со всем этим лежало две пары палочек для еды.

— Я надеюсь, для тебя наши приборы будут удобны в использовании, — неловко произнесла Венсия, взглянув на юношу. — Я видела, что некоторые люди в твоём мире тоже пользуются похожими, но, если вдруг все будет совсем плохо, мы можем попробовать поискать замену. Ну а пока прошу к столу, — она вновь мягко улыбнулась, жестом пригласив Эдварда к столу.

Ну конечно. С чего он взял, что в этом мире будут есть вилками? Кажется, ими едят в азиатских странах проблема только в том, что Бредберри был совсем не из азиатской страны. Он был европейцем, европейцы едят вилкой, руками или

ложкой. Чёрт-чёрт-чёрт. Сейчас Эдвард опять опозорится.

— Эм, да-а-а, конечно, — тянет Бредберри, неловко улыбаясь и присаживаясь к столу. — Палочки, пф-ф-ф. Вообще не проблема для меня. Спасибо за еду. Приятного аппетита, Венсия.

— Хорошо, Эдвард, я рада, что палочки для тебя не проблема. Приятного аппетита, — она мягко улыбнулась, а после сама взяла в руки палочки, примерно так же, как их берут в азиатских странах мира людей, и спокойно приступила к еде, при этом порой поглядывая на юношу.

Он берёт в руки палочки и салютует одной из них Венсии. Сказать то, что Эдвард не умел есть палочками, он не мог. Алгениб и так слишком уж сильно переживала о комфорте Бредберри, ему просто-напросто было неловко попросить поискать вилку. Да и где, блин, Венсия найдёт вилку в этом странном мире?

Ничего страшного. Всегда можно сказать, что в мире людей принято есть иначе. Эдвард некоторое время крутит в руках палочки, пытаясь придумать, что с ними делать, затем кладёт их между пальцев, сжимает и пытается взять ими кусочек рыбы. Одна палочка выпадает из руки, и Эдвард тихо ругается себе под нос, а затем резко поднимает глаза на Венсию. Не хотел же позориться, ну.

— Простите, я просто растерялся. Не привык есть в чьей-то компании, — тихо пытается оправдаться Бредберри.

— Все хорошо, золото мое, я понимаю тебя. Сама обычно

ем в одиночестве, — после этой фразы Венсия вновь принялась за еду.

Затем он приступает ко второй попытке поест. Решение в голову приходит почти моментально, и Эдвард даже не успевает подумать и понять, действительно ли это хорошая идея. Он просто накалывает одной палочкой кусок рыбы, а затем подносит ко рту и начинает откусывать. Выглядит странно, и, конечно же, ни в одной азиатской стране так не едят, но Эдвард корчит уверенное выражение лица. Конечно же, он всё делает правильно. Откуда вообще Венсии знать обратное, она не человек, ага-ага. На губах женщины появилась лёгкая улыбка, а во взгляде какое-то детское любопытство.

— Очень вкусно. Что за рыба? — спрашивает Эдвард, но скорее для того, чтобы не подать вида, что только что сделал глупость.

Кажется, план с палочками работал. Ну или Венсия, добрая душа, не хотел лишний раз напоминать Бредберри то, насколько он дурачок, когда пытается казаться лучшей версией самого себя. В любом случае, Эдвард не прекращает строить уверенный вид. Эта странная тактика иногда срабатывала даже на преподавателях. Бредберри тяжело было назвать особенно старательным в плане обучения в университете на ненавистную профессию, так что с подготовкой к сессии часто возникали проблемы. Работа этому, конечно же, только способствовала. В такие провальные моменты Эдвард цеплял на лицо стремительность, решительность и уверенность,

а потом, во время ответа на билет, по которому вообще ничего не знал, просто начинал быстро и чётко пороть всякую полную чушь. Срабатывало не всегда, но иногда и срабатывало. Вдруг и Венсия поведётся?

— Как у вас в мире интересно пользуются палочками — она довольно улыбнулась. — Это небесная рыба. Ее вылавливают в одном из озёр близ города, небесной она называется из-за того, что ее поймать можно лишь в дни, когда погода ясная. Получается, что в воде отражается небо, и когда рыбу вылавливают, кажется, что она плавает в небе, — объяснила женщина, все еще глядя на палочки в руках Эдварда.

История про небесную рыбу звучит красиво, и Эдвард заворуженно внимает каждому слову. Казалось бы, такая ерунда, но юноша бы с большим удовольствием отрыл где-нибудь огромный блокнот и ручку, чтобы записывать в него каждую услышанную легенду и историю из этого удивительного мира.

— А что происходит с рыбой в пасмурную погоду? Она прячется где-то? — спрашивает Эдвард, позабыв о еде. — А вы ловили её когда-нибудь? Хотя, наверное, титулованные дамы таким не занимаются, — Бредберри опускает взгляд на стол. Он невольно вспоминает отца. В голове сохранились обрывочные воспоминания, как маленький Эд часто таскался на рыбалку. Тогда это казалось нудным и скучным занятием. Теперь Эдвард по этому скучал.

— Да, в пасмурную погоду она уходит на дно и прячется в

растениях, которые растут на дне. Рыбаки пробовали вылавливать ее и в плохую погоду, но все их попытки заканчивались неудачей, — Венсия грустно улыбнулась. — Я сама ее никогда не ловила, но, когда я была маленькой, мы с мамой часто ходили гулять к озеру, и я любила наблюдать за рыбаками, занятыми своей работой. Но а так ты прав, из-за своего статуса некоторые действия мне закрыты и, увы, рыбная ловля относится к ним,— она невольно вздохнула, но после на её лице вновь появилась лёгкая улыбка.

Наверное, рыба, которая в пасмурные дни прячется где-то среди травы и водорослей, а в ясную погоду выплывает на поверхность, может существовать только в этом удивительном мире. Эдвард никогда ещё не слышал ни о чём подобном, и почему-то в его сердце зародилась жалость. Рыбка тянется к свету, теплу и солнцу, а рыбаки, знающие об этом, спешат её выловить. Какая простота и наивность. Впрочем, жалость-жалостью, а завтрак оказался весьма вкусным, и Бредберри даже не помнил, когда последний раз ел что-то подобное. Он забивал желудок лапшой быстрого питания, полуфабрикатами, кофе и энергетиками, жил буквально на них. Странно, что желудок в благодарность за это ещё не превратился в одну сплошную язву.

Нельзя сказать, что на нормальную еду у Эда не хватало денег. Всегда можно было найти рис по скидке, какие-то овощи, но парень просто терпеть не мог готовить. Это долго, это нудно, за это время пять раз ещё есть перехочется.

Венсии, наверное, ни разу в жизни готовить не приходилось: за неё это делали слуги, причем справлялись весьма неплохо. Сердце невольно кольнула тоненькая иголочка зависти. Впрочем, сам Эдвард сейчас мог оказаться в куда более худшем положении: таскался бы по мусоркам и доедал объедки. Ему на самом деле очень повезло встретить Венсию.

— Это грустно, что статус не позволяет вам заниматься некоторой ерундой, которой занимаются обычные люди, — покачал головой Эдвард. В силу своей непоседливости, он в детстве часто влипал в неприятности: разбивал коленки, как полагается, один раз сломал руку, портил и пачкал одежду, носился по улице и бегал по лужам. Интересно, было ли всё это у Венсии? Быть может, и нет. Бредберри слегка нахмурил брови: в книжках, которые он читал, детям знаменитых людей тоже не позволялось заниматься ерундой. А ведь всякий человек заслужил беззаботное счастливое детство. В голову впилась глупая мысль, и Эд, не успев её обдумать, тут же выпалил: — А давайте вместе ночью пойдём на рыбалку? В озеро, которое подальше от людей. Я вас научу!

Прозвучало немного глупо и наивно, но Эдвард широко улыбался, глядя на Венсию. Она столько для него сделала за эти несколько дней, и в холодном сердце юноши тоже зарождалось желание сделать что-нибудь приятное для Алгениб в благодарность. Уж научить её быть непутёвым ребёнком Эдвард точно смог бы: сам он был прекрасным примером для этого.

— Да, это грустно, но за годы, проведенные в этом доме и в этой семье, я научилась неплохо хитрить, — она усмехнулась. — Поверь, на моем счету столько побегов из дома, что многим героям книг о приключениях даже не снилось, — женщина вновь улыбнулась, весело смотря на юношу. — И я буду счастлива принять твое предложение, даже знаю, на какое озеро можно будет отправиться, — она старалась говорить сдержанным тоном, но её улыбка и блеск в глазах выдавали безумную радость.

Желтоватые глаза удивленно распахиваются, и Эдвард широко улыбается. Он ещё совсем мало знает Венсию, но с каждой новой узнанной маленькой деталькой начинал восхищаться все больше и больше. Многогранная и в самом деле удивительная личность. Она напоминала какую-нибудь отважную героиню из книжки про аристократию, которая идет против устоев застывшего общества, упрямо гнет свою линию. Она добрая, правильная, высоконравственная и немного непослушная. А ещё очень храбрая. Может быть, слишком храбрая. Конечно, в книжке описывается множество её приключений. Многим она не нравится, но Эдвард, читая эту историю, с каждой страничкой проникается все большей симпатией к героине.

И как удивительно понимать, что все происходящее не является всего лишь историей, напечатанной на грубых книжных страницах. Эдвард сейчас свидетель, возможно, самой интересной истории, которая впоследствии обязательно бу-

дет у всех на слуху. И Бредберри готов быть второстепенным персонажем, самое главное, что и о его серой судьбе в книжке есть парочку строчек.

Венсия вдыхала в Эдварда жизнь. И это было удивительное чувство.

И сам Эдвард считал за честь то, что милое личико Алгениб вдруг осенила широкая улыбка. Кажется, тому виной был сам Бредберри. Как же здорово быть причиной чьей-то улыбки.

— Здорово. Заодно ознакомите меня с местной природой, — мягко улыбнулся Эдвард в ответ. Отправиться вместе на рыбалку действительно казалось замечательной идеей.

Несмотря на то, что едва ли Бредберри можно было назвать хорошим рыбаком, да и дело он это рыбное никогда не любил — мошки, неприятный запах, вода, кругом вода, склизкие рыбёшки — сейчас юноша относился к этому совершенно иначе. Как к счастливому воспоминанию из детства. Как к возможности вновь прикоснуться к чему-то, что связывало его с родителями. Как к возможности вновь заставить Венсию улыбнуться. Чёрт, у неё красивая улыбка

— А не хочешь попробовать воспользоваться палочками как я? — вдруг спрашивает Алгениб.

Эдвард уже почти успел забыть про еду. — Смотри, это не сложно, эта палочка кладётся так, — Венсия спокойно и без спешки показала Эдварду то, как нужно взять палочки, чтобы они удобно лежали в руке и ими было легко восполь-

зоваться. После этого она также показала, как ими можно взять кусочек рыбы, при этом стараясь все показать плавно и спокойно, чтобы Эдвард мог четко видеть весь алгоритм действий. — Вот как-то так. Попробуешь так же ими воспользоваться? Это проще, чем кажется.

Бредберри внимательно наблюдает за действиями Венсии, пытаясь запомнить каждое, а затем действительно пытается взять палочки в руки так же, чтобы попытаться повторить за Алгениб. Сначала ему даже кажется, что всё идёт так, как надо, он подносит палочке к кусочку рыбы, пытаясь его поддеть. Рыба даже поддаётся, и изо рта Эдварда вырывается радостное восклицание, он зовёт:

— Венсия, смотрите, смотрите, у меня получилось!

Но вечная неудача, преследующая Эдварда, нагнала его и в другом мире. Внезапно что-то идёт не так, и рыба резко выскальзывает вместе с одной из палочек из рук Бредберри, а затем падает прямо на пол. Эдвард тяжело вздыхает, заметно расстраиваясь неудаче, после чего наклоняется и поднимает упавший кусок.

— Не судьба.

— Эдвард, не расстраивайся так, я уверена, что у тебя все прекрасно может получиться давай еще раз покажу. Всё-таки на будущее тебе стоит научиться пользоваться палочками так, как принято в моем мире, — Венсия улыбнулась и поднялась со своего места, встав за спину Эдварду. Она немного наклонилась, при этом будучи сбоку от юноши. Женщи-

на мягко взяла ладонь Эдварда и самостоятельно вложила в нее палочки так, как их нужно было держать, при этом вновь спокойно и с мягкой улыбкой объясняя все нюансы.

Сердце в груди Бредберри тут же глухо застучало. Его действительно бережно взяли за кисти и вложили в них палочки в правильном положении. Никому бы другому Эдвард никогда бы не позволил так с собой обращаться. Иногда у него вообще возникало желание повесить на грудь табличку: «Руками не трогать — убьёт!» Но Венсии Бредберри и слова не смог сказать, лишь послушно позволил себе помочь. Алгениб была слишком близко, и Эдвард даже чувствовал её дыхание, что уж говорить про осторожные прикосновения. В этот раз взять кусок рыбы палочками действительно получилось, но, честно говоря, Бредберри ничего почти не запомнил из данного ему урока. Только тёплую нежную кожу Венсии и её тихое дыхание. Ох, чёрт, он слишком хорошо запомнил эти мелочи.

— Видишь, золото мое, сейчас все получилось, значит, не все потеряно, попробуешь самостоятельно? — женщина, все еще улыбаясь, села на свое место, пристально смотря на юношу.

Эдвард не услышал с первого раза заданный вопрос, потому что неожиданно для себя оказался в каком-то другом месте — в месте, где его странных чувств, вызывающих удушье, было слишком много. Он бездумно пялился в одну точку, зависнув на месте, и пытался отдышаться. В случае

с Венсией табличка должна звучать иначе: «Руками не трогать — захочет убить себя». Он, как зачарованный, пялился и пытался найти подвох в тонких нежно-розовых губах и глубоких серебряных глазах — не выходило. Лишь одна мысль врезалась в голову: Венсия — заклинательница, которая своим мелодичным голосом специально вызывала в голове Эдварда пугающие его мысли.

— А, да, — наконец, растерянно отозвался Эдвард, после чего буквально на автомате попробовал поднять кусочек. Он не задумывался о данном процессе, лишь вспоминал руки Венсии на своих руках и чувствовал биение сердца, поэтому даже не заметил, когда рыбный кусочек оказался в воздухе. — Получилось

— Ты молодец! Я знала, что у тебя получится! — она уже было хотела коснуться плеча Эдварда, выразив этим жестом радость за него, но в последний момент остановила свою руку и, неловко вздохнув, перенаправила ее в сторону своих волос, поправляя пряди, упавшие на лицо. — Прости, пожалуйста, что я слишком часто тебя касаюсь, даже не спрашивая разрешения. Я постараюсь держать себя в руках, если тебе от этого дискомфортно, — Венсия взглянула в глаза юноше, виновато улыбнувшись, а после поднялась со своего места, беря со стола новый свиток.

Кажется, Алгениб радуется успеху Эдварда с палочками гораздо больше, чем виновник самого торжества. Юноша и вовсе не сразу замечает, что у него действительно получи-

лось, но искренний восторг Венсии почему-то трогает душу. Эдвард и сам снова начинает улыбаться (в самом деле, из-за такого количества улыбок у него скоро щёки по швам порвутся!) Но вот в воздухе повисает неловкость, и Бредберри растерянно смотрит на Венсию: почему она вдруг смутилась своих прикосновений? Да, для Эда это было чертовски непривычно, и с кем-нибудь другим он мог бы за такое даже влезть в драку, но Венсия нет, Бредберри не хотел называть её особенной. Просто её прикосновения другие. Вот и всё.

— Я не говорил, что вам нельзя прикасаться ко мне, — пытаюсь держаться уверенно, отозвался Эдвард, хотя на самом деле в груди вдруг похолодало от мысли, что Венсия действительно засмущается и перестает своими тонкими пальцами дарить замершему сердцу возможность согреться.

— Да, не говорил сочту это признаком того, что ты не против моих прикосновений. За это большое спасибо тебе, Эдвард, — она вновь взглянула на юношу, но уже с той же мягкой и спокойной улыбкой. — Итак, когда ты, мое золото, доешь, к нам зайдёт Мэй. Она снимет мерки для твоих будущих костюмов, а также, если ты все еще не против, выполнит тот план с эльфийской магией. Опять-таки, если ты против, то можешь смело отказаться. Я не хочу, чтобы ты что-то делал против своей воли, всё-таки ты гость в этом мире, а не пленник — она не успела договорить, так как прямо перед ним мелькнуло серебряное пламя, а после в воздухе повис свиток.

Скоро придёт Мей, и Эдвард перед встречей с ней чувствовал себя немного нервозно. Во-первых, языковой барьер всё ещё существовал, во-вторых, он уже успел немного узнать Венсию и даже, кажется, подружился с ней (что за чёрт! У Эда не может быть друзей!) А в-третьих, Мей, чёрт подери, была эльфийкой! Самой настоящей и весьма остроухой! Красивой, как в фильмах и книгах про эльфов. Эдвард с самого детства с восторгом пересматривал Властелина Колец только из-за эльфов и делал это до сих пор. А тут настоящая живая эльфийка!!! Да рядом с ней Эдвард с ума сойдёт от осознания!

Лицо Венсии вдруг поменялось. Вместо привычной мягкой улыбки на нем было напряжение и как будто бы недовольство и тревога. Она взяла свиток и, развернув его, быстро пробежалась по тексту глазами, закончив читать, она без капли сомнения порвала бумагу, кинула остатки на пол. Тяжело вздохнув, она взглянула на юношу.

— Прости пожалуйста, но я должна буду отойти на какое-то время. Надеюсь, ты не против, что я оставляю тебя с Мэй, когда она придёт? Об общении с ней не бойся, у эльфов много способов коммуникации и языковой барьер им не преграда, — Венсия тяжело вздохнула, резким движением поправила накидку на своих плечах и попыталась слабо улыбнуться.

Нервозность Эдварда тут же сменяется тревогой. Венсия уйдёт. И по её лицу кажется, что она очень не хочет уходить,

её ждёт что-то совершенно не хорошее. Эдвард слишком мало знал Алгениб, конечно, ему не станут пояснять, в чём причина, но Бредберри вдруг почувствовал в груди странное желание уберечь Венсию от чего-то неприятного. Хотелось, чтобы она улыбалась, а не казалась такой встревоженной.

— Я не боюсь, — трясёт головой Эдвард, и выражение его лица становится более сосредоточенным. — Венсия у вас всё хорошо? — он хмурит светлые брови, не отрывая взгляда от колдуньи. — Мне мне показалось, что вы расстроились из-за чего-то, — Бредберри всеми силами пытается не показывать своего волнения, потому что, пф, вообще-то он ни о ком не волнуется никогда, ему это не свойственно от слова «совсем», ему на всех плевать, но выходит, мягко говоря, плохо. Ну что за чёрт!

— Я рада, что ты не боишься остаться с Мэй — она постаралась улыбнуться юноше, но в улыбке мелькнула явная грусть. Женщина подошла к юноше и мягко положила ладонь на его плечо. — Не волнуйся об этом. Просто у меня не очень простые отношения с братом, а он хочет меня сейчас видеть, возможно, когда-нибудь я расскажу тебе нашу с ним историю, а пока — она не успела договорить, так как в её дверь постучали. Спросив на родном языке, кто это, и получив ответ, женщина облегчённо вздохнула, а после в комнату вошла Мэй. — Ну что ж Мэй здесь я постараюсь не задерживаться надолго, — улыбнулась Эдварду Венсия, а после быстро направилась к двери и скрылась за ней, перед уходом

сказав что-то Мэй на их родном языке.

Почему судьба столь жестока? Эдвард сжимает пальцы в кулаки. Что лучше? Иметь родных, но ублюдков, или не иметь их вовсе? Это ведь, считай, почти одно и то же. В одном случае они погибли полноценно, в другом — всего лишь как личность. Это больно. Не ощущать поддержки близко-го при его жизни. И это больно — знать, что всему сраному свету на тебя наплевать. Даже из-за исчезновения Бредберри никто переживать не станет. Ну, подумаешь, студент перестал ходить на пары. Подумаешь, из квартиры мальчишка пропал. Сбежал, наверное, чтобы не платить. И не учиться. И не работать. А сестра и вовсе даже и не вспомнит об Эдварде, потому и не узнает даже.

Как это было у Венсии? Её брат хотя бы чуточку думал о ней? Эдвард любовался женщиной и вообще не понимал, как у неё с кем-то могут быть плохие отношения. Конечно, вероятно, в ней есть некоторая кроха бунтарства, раз решила притащить в свою комнату незнакомца пожить, совершенно не поинтересовавшись у остальных жителей дома, как они могли бы к подобному отнестись. Конечно, Эдвард знал её буквально второй день. Но Венсия создавала впечатление дружелюбной и вежливой женщины. Что за семейные драмы были у них?

В любом случае, у Эдварда сейчас не было ни времени, ни возможности, чтобы расспросить Венсию. Да и захотела бы она рассказывать что-то настолько личное почти незнаком-

цу? Зато в комнату вошла Мэй. И нет, конечно, Эдвард был рад, что у Венсии был кто-то, кому она мог безоговорочно доверять, да и эльфийка казалась Бредберри очень милой, необычной и напоминающей ТУ САМУЮ эльфийку из Властелина колец, в которую юноша буквально был влюблён, но, несмотря на это, Мэй всё ещё оставалась чужим, незнакомым и непонятным даже существом, а не человеком. Эд с людьми-то ладить не умел и не хотел учиться, а тут И нет, Венсия была исключением!

Но, кажется, Мэй тоже находилась далеко не в самом выгодном положении, потому что не знала, что сказать и как вести себя. Они разные, настолько, что буквально из разных миров, в этом нет ничего удивительного. Эдвард даже не пытается выдавить из себя улыбку, он пытается смотреть на что угодно, только не на эльфийку, а иногда осторожно и испуганно косится на неё. Видимо, с Венсией юноша чувствовал себя не просто в сто раз увереннее, а в миллиард раз увереннее!

Когда Мэй вдруг предпринимает попытки подойти ближе, Эдвард неосознанно шарахается назад, лишь потом понимая, что это неправильно, и эльфийка вряд ли настроена агрессивно. Он едва подавляет в себе желание убежать подальше, чтобы сохранить такое драгоценное личное пространство, и выпрямляется, принимая из рук девушки странный кулон, причем очень осторожно, чтобы случайно не коснуться её пальцев (иначе он умрёт).

У Эдварда дрожат руки, когда он цепляет себе на шею кулон, протянутый эльфийкой. Наверняка ещё одно приспособление магического характера. Может, позволит им понимать друг друга? Но с другой стороны, а зачем им вообще понимать друг друга? Можно просто посидеть по разным углам комнаты и поделаться вид, что друг друга не существует. Эдвард не маленький котёнок, требующий внимания, с ним не нужно играть. Он и сам вполне себе неплохо сможет дожидаться Венсию. Общение с людьми — навык, который юноша никогда не постигнет, а общение с девушками — это КОШМАР.

— Теперь вы должны понимать мою речь, — улыбнулась эльфийка, когда свет драгоценности полностью погас. — Не бойтесь, это не опасная вещь, она не причинит вам вреда, просто позволит понимать меня, но только меня. Заговор на нем сделала я, поэтому переводить для вас этот камень сможет только мою речь, — у нее был мягкий и спокойный голос, но, видимо, из-за волнения Мэй говорила быстро, отчего предложения строилось не очень ровно и слова могли звучать так, будто бы стоят не на своем месте. — Я решила, что раз госпожа Венсия попросила меня побыть с вами до её возвращения, то было бы хорошо, если бы мы понимали речь друг друга. Чтобы понимать вас, я использовала заклинания, но на вас я не могу их использовать, поэтому украшение было единственным вариантом. Но если вы против, то можете просто снять его. Я не подумала о том, что, возмож-

но, персоне вашего статуса будет не нужно прямое общение со мной, — она неловко улыбнулась, поправив прядь волос, которая выбилась из причёски.

Эдвард вытягивает украшение и с по-детски воодушевленными светящимися глазами, коим ребёнок смотрит на купленную сладкую вату или новую игрушку, любитесь камешком, а потом не менее восторженно смотрит в ответ на эльфийку: кажется, он действительно теперь её понимает.

Да, руки всё ещё подрагивают, да, в голове нет ни одной темы, которую можно было бы поддержать с Мей, да, ему страшно, да, некомфортно, но он находится в мире магии! Рядом с ним настоящая эльфийка! Как будто бы одна из прочитанных сказок про волшебный мир вдруг затянула на свои страницы. Мей, к слову, тоже казалась взволнованной и немного нервной, это немного расслабляло: в конце концов, не один Эдвард в данной ситуации несчастный социальный лузер. Конечно, Бредберри предпочитает молча краснеть и задыхаться, когда остаётся один-на-один в обществе девушки, тем более красивой девушки, да и вообще его фишка — избегание людей, а не дружба, но, в конце концов, он же не моральный урод какой-то! Он знает, что это: чувствовать смущение, чувствовать желание провалиться сквозь землю, чувствовать дискомфорт, страх, ненависть к себе. И, конечно, не хочет заставлять кого-то другого испытать ту же палитру эмоций.

Ох, этот славный мир слишком часто заставлял Эдварда

взаимодействовать с другими людьми.

Парень прокашливается, отводит взгляд в сторону, сжимает пальцы в кулаки, пытаясь скрыть слишком уж очевидное дрожание рук, искренне надеется, что его лицо не пылает алым пламенем, а затем пытается выдавить из себя вялое подобие дружелюбной улыбки, снова посмотрев в сторону Мей. Его хватает всего на пару мгновений зрительного контакта, после чего Эдвард опускает глаза в пол. Теперь он точно красный, как речной рак.

— Я очень благодарен госпоже Мей за то, что эээ заговорила для меня это украшение, — сиплым голосом произносит Эдвард едва слышно. — Я очень рад знакомству с кхм госпожой Мей, также я очень рад возможности пообщаться с ней и немного узнать её.

В голову снова врежется будоражающая кровь мысль: она эльфийка! Та самая эльфийка! Длинные острые уши, красивые пронзительные глаза, талант к магии, чудные одежды, бледная кожа. Эльфийка! Сказки про них такие удивительные, фильмы — столь прекрасные, и теперь перед ним — настоящая эльфийка! Чёрт. Нельзя было этой мысли позволять закрадываться в разум. Эдвард чувствует, как его колени подкашиваются, а дыхание становится слишком частым и поверхностным. Он слишком взволнованный, чтобы сохранять обыденное мрачное выражение лица.

— Кхе-кхе, вот, — неловко тянет Эдвард. — Если позволите, я бы хотел как бы это сказать понимать вашу речь все-

гда. Мне немного неловко, когда ну вы говорите с Венсией а я как дурак. Вот. Кхе-кхе-кхе, — он делает неловкий шаг назад и чуть не падает, потеряв равновесие. Не как дурак, а и есть дурак.

— Что вы, что вы какая я госпожа? Не нужно меня так звать, я не из знатного рода, так что зовите меня просто Мей, хорошо, господин Эдвард? — девушка вновь мягко улыбнулась, глядя прямо в глаза своему собеседнику.

Эта очаровательная девушка предстала перед Эдвардом именно в том образе, в каком всех эльфов он всегда представлял. Спокойная, немного робкая, добрая и, конечно, красивая. Существовали в книгах и фильмах, конечно, и злые и жестокие тёмные эльфы, но светлые всегда были олицетворением благодетельности и грациозности. Этот мир точно не является сказочным сном, от которого Бредберри не хочет пробуждаться? Может быть, его сбила машина, и теперь он лежит в коме, лицезря ту жизнь, которую никогда не смог бы постичь? Быть может, его жестокая и беспощадная судьба решила над ним слегка сжалиться? Коль в настоящей жизни Эдварду суждено быть одиноким неудачником, только в своих волшебных снах он имеет право ощутить немного счастья. Бредберри всё ещё до чертиков странно смотреть на Мей, потому что девушка, потому что стоит близко, потому что разговаривает с ним, потому что если взгляды случайно пересекутся, то его сердце в груди остановится, потому что она ослепительно красива. Но как раз эта красота и вынуж-

дает Эдварда время от времени всё же бросать на эльфийку робкие неуверенные взгляды.

Но почему она служанка? Сознание Бредберри сделало бы эльфов в магическом мире властелинами, главной императорской династией. Выходит, всё же не сон. Если эта длинноухая богиня существует в действительности Эдвард готов упасть перед ней на колени.

— П-просто М-мей? — удивленно повторяет Бредберри, подняв на девушку глаза и затем снова опустив, густо покраснев при этом. Он поверить не мог, что эта красавица разрешила ему, убогому, глупому, нелепому и смущённому до чертиков, обращаться к ней просто по имени. — Т-тогда н-называйте меня просто Э-эдвард.

— Да, просто Мей и на «ты», — с лица девушки в этот момент не сходила легкая улыбка. — Хорошо, я буду звать вас просто по имени, но только если и вы будете обращаться ко мне без формальностей. Договорились? — она немного наклонила голову, глядя на своего собеседника и надеясь, что он согласится на такие условия. — И, пожалуйста, не стоит так волноваться. Я не собираюсь докучать вам, а если вам некомфортно, возможно — девушка вздохнула, — возможно, от особенностей моего вида, то я могу спрятать уши за волосами или магией, — она вновь улыбнулась.

Бредберри испуганно охает. Нет-нет-нет!!! Да у него сердце в груди бьётся как бешеный слетевший с катушек механизм, а руки трясутся так, что, наверное, он ими даже взять

ничего не сможет. Её очаровательные острые уши были достойны того, чтобы их весь мир видел, но уж точно не того, чтобы прятать их за волосами! К сожалению, правда, говорил Эдвард далеко не так красноречиво, как умел иногда думать. Наверное, это одна из причин, по которой девушки его предпочитали сторониться.

— Нет, Мей, нет! — испуганно воскликнул Эдвард. — Я нет нет! Эльфы они ну это самые классные! Я с детства люблю книги про эльфов, и я даже представлял, как женюсь на эльфийке по имени Арвен из своей любимой книги, — выпаливает Бредберри, а затем закрывает рот обеими руками, понимая, что сказал полный бред. Теперь Мей точно подумает, что он сумасшедший. — В общем, не прячь, пожалуйста, свои красивые уши, — едва слышно после недолгого молчания выдавливает из себя юноша.

— Хорошо-хорошо, я не буду прятать при вас свои уши. Спасибо вам, Эдвард, вы меня успокоили, правда, я даже не думала, что где-то пишут книги про эльфов ну кроме нашей родины, разумеется, — она на долю секунды задумалась, а после, отведя взгляд в сторону, негромко произнесла — А еще... вы очень милый с простой служанкой так по-доброму общаетесь, теперь я точно понимаю, почему вы с госпожой Венсией друзья.

Кажется, за всю эту жалкую жизнь его первый раз называли «милым», конечно, Эдвард не мог не сделать комплимент девушке в ответ, тем более что он в действительности счи-

тал Мей очень красивой. Но теперь его сердце, словно сладкая конфетка, растаяло в лужицу и расплозлось по рёбрам и лёгким. Он опустил глаза вниз и густо покраснел, больше не найдя в себе сил поднять глаза и посмотреть на девушку. Вдруг она вообще сочтёт его комплимент глупым, а вдруг его внимание ей может быть неприятно? А вдруг тем самым он выказал слишком много восхищения, и эльфийку это спугнёт?

— У нас на родине очень много пишут про эльфов и про других подобных вам существ. Ну правда, эльфы очень крутые и очень красивые! И т-ты т-тож-ж-же

— Спасибогосподин Эдвард, мне приятно это слышать — Мей не особо привыкла к комплиментам в свою сторону, всё-таки по меркам этого мира ее внешность была, по сути, самой обычной для эльфийки ее возраста, поэтому слова Эдварда вызвали у нее такую реакцию. — Честно признаться я впервые встречаю кого-то кто так восхищается эльфами так что еще раз спасибо Извините, а можно поинтересоваться у вас, с каких земель вы прибыли? У вас довольно не простой язык, он сильно отличается от нашего и для лучшего обмена знаниями мне было бы славно узнать его природу. По звучанию он похож на диалекты с края пустошей, но там очень мало разумных племен и люди не живут.

Когда Мей решает спросить Эдварда о его происхождении, Бредберри на долю секунды набирается уверенности: он ей интересен, а значит, чтобы подогреть интерес ещё больше,

можно выдумать столько всего увлекательного и необычного о себе, она ведь никогда в жизни не узнает, что Эдвард на самом деле самый скучный и неинтересный на свете продавец из антикварного магазина. Но уверенность эта быстро растворяется: он ничего не знает об этом мире, а ещё он тупее мухи и не красноречивее слона.

— Я очень далеко отсюда, — говорит Бредберри. — Там, где я живу, постоянно идет дождь и очень холодно, если честно, я ненавижу это место, так что я очень рад, наконец, посетить свою старую подругу Венсию, — пытается что-то придумать парень. — У вас здесь очень здорово, и многое остаётся мне непонятным. Мои земли сильно отстают в развитии от ваших, так что многое мне в новинку, — он даже почти не врёт, остаётся лишь надеяться, что в данных реалиях эта история прозвучала более-менее складно. Но, а если нет, то Венсия разберётся.

Эдвард не помнил, когда в последний раз столько улыбался. В присутствии девушек обычно он чувствовал себя очень неловко и странно, хотелось убежать, спрятаться, закрыться. А уж если кто-нибудь из них решался заговорить с юношей, то можно было сразу начинать копать яму и выколачивать гроб. Да, Бредберри боялся девчонок. Да, это очень тупой и стыдный страх, но он никогда не волновал Эдварда, потому что он вообще не собирался устраивать семейную жизнь, жениться и заниматься всем вот этим вот, чем занимаются другие люди. Эд привык жить с мыслью о том, что ему ни-

кто не нужен. Ни друзья, ни девушка — его такого никто не полюбит, так зачем обращать внимание на посторонних?

Но его дружба с Венсией и Мей... милая, улыбчивая эльфийка. Эдвард чувствовал, как тепло тягучим мёдом разливалось по внутренностям, когда он смотрел на девушку, он был в диком восторге, и никуда этот восторг не мог деть. Мей тоже постоянно смущается, мягко смеётся, и у юноши сердце внутри рвётся по швам. Чувство, возникающее внутри, никак не поддавалось описанию. Смесь лёгкости, радости и небольшой тревоги. Комфортно ли Мей рядом с Эдвардом? Хочет ли она общаться с ним или делает вид, потому что уважает Венсию? А может, у Мей есть эльф, и внимание парней ей и вовсе не интересно?

Эдвард злится сам на себя: его не должно волновать, есть ли у Мей кто-то, но мысли об этом такие неприятные, словно его ошпарили целым ведром раскалённого кипятка. В конце концов, Бредберри — всего лишь мальчишка-сирота с неправильным представлением о любимых отношениях между людьми (а уж тем более между людьми и другими существами!) Он в этом мире всего ничего, и ему бы спрятаться в угол, ему бы повременить со знакомствами.

Но этот мир всего за пару дней принёс в его жалкую жизнь столько ярких красок, сколько у Эдварда никогда не было.

Дослушав рассказ юноши о его родине, девушка уже было хотела что-то ответить, но в этот момент двери комнаты распахнулись и в нее вошла сияющая радостью Венсия.

— На целых пять дней вся власть в этом доме принадлежит мне! Мы в полной свободе! Эдвард, представляешь? Мы сможем посещать библиотеку и другие комнаты этого дома без страха! — Венсия говорила громко и звонко, при этом активно жестикулируя, но когда она чуть-чуть остыла от первой волны радости, то заметила, что Эдвард выглядит как-то слишком смущенно. — У вас все хорошо? — обратилась она сначала к Мей на их языке, а позже к Эдварду на его, при этом уже полностью успокоившись и приняв более серьезный вид.

Эдвард так и стоит с красными, как у лихорадочного, щеками и опущенной головой.

— Да, все хорошо. Надеюсь, вы не против, что до момента передачи Эдварду нашего языка я дала ему кулон, чтобы он понимал меня? — ответила Мей, взглянув сначала на Эдварда, а потом на Венсию.

— Я не против. Ты молодец, Мей, что придумала такой вариант, и да, думаю, ты уже можешь готовить библиотеку к ритуалу, слуги отца уже потихоньку собираются и скоро покинут ее, а я пока хочу поговорить с Эдвардом наедине, — спокойно улыбаясь, произнесла Венсия, взглянув на юношу.

— Хорошо, я вас поняла, — кивнув Венсии, Мей поспешила к выходу из комнаты, но перед тем, как покинуть ее, мягко помахала рукой Эдварду и только после этого скрылась за тяжелыми дверьми.

Сердце в груди замирает, и парень рвано вдыхает воздух в

лёгкие. Она ему помахала! Бредберри тоже машет в ответ и так и замирает в поднятой рукой на месте, продолжая смотреть на дверь, через которую только что вышла эта прелестная эльфийка.

Когда же Мей покинула покои, Венсия усмехнулась, подходя к Эдварду.

— Как ты? Выглядишь очень встревоженным. Точно все хорошо было в общении с Мей? — по голосу было легко понять, что Алгениб действительно переживала за юношу, всё-таки она безумно хотела, чтобы Эдвард смог поладить не только с ней, но и с её приближенными.

— Да, всё хорошо, — тихо отзывается Эдвард, наконец, опуская руку и поворачиваясь к Венсии. — Мей очень милая, — он улыбается одними губами. — Итак, вы сказали, что весь дом в вашем распоряжении, госпожа? — Бредберри тихо усмехается, пытаясь перевести тему.

— Хах, вижу, вы действительно поладили с Мей, это хорошо. Она моя правая рука, так что было бы плохо, если бы вы не поладили — мягко улыбнулась Венсия, при этом подходя к одному из кресел, стоящих у её стола. — Да, брат уезжает на долгий срок, так что мы можем делать что угодно и не бояться, что нам испортят все веселье! — вновь радостно улыбаясь, произнесла женщина, сядя в свое кресло.

Щёки Эдварда вспыхнули. Мэй — правая рука Венсии. Значит, они будут видаться часто. Он никогда не влюблялся и знал об этом чувстве только по книгам, но сейчас в животе

и правда словно затрепетали сотни крыльев. Это было пугающее, непривычное ощущение.

И, честно говоря, то, что чувствовал Эдвард, было похоже на тех самых бабочек. Волнение, дрожь в теле, странное чувство в желудке. И любоваться Мэй было слишком уж приятно, её голос ласкал уши. Парень дураком не был и сразу начал догадываться, что эта эльфийка его очаровала. Девушки из родного мира вызывали в груди чувство паники и желание смотреть куда-нибудь поскорее, а милая Мэй, наоборот, притягивала к себе, словно магнит.

Нельзя быть настолько очевидным. Эдвард — самое последнее существо на планете, которое заслуживает любви, ему нужно спрятать эту странную влюблённость, заковать, не позволяя никому её разглядывать. Впрочем, Бредберри достаточно лишь любоваться красавицей с длинными ушками издалека, он и думать не смеет о какой-либо взаимности. Просто наблюдать, просто видеть её улыбку, просто стать её другом — этого будет даже больше, чем нужно.

Эдвард сглотнул, пытаясь унять дрожь в руках. Он понимал, что эта эльфийка очаровала его с первого взгляда. Девушки из его мира вызывали лишь панику, а Мэй притягивала к себе, словно магнит.

«Нельзя быть настолько очевидным», — приказал он себе. Ему достаточно просто наблюдать за ней издалека, видеть её улыбку. Быть просто другом для такой, как она — уже больше, чем он смел просить у судьбы.

— Это же здорово, да? Чем мы займёмся? Нужно же ловить момент, да? — прокашлявшись, пытается отвлечься Эдвард от своих мыслей.

— Ну смотри, первым делом мы с тобой проведём ритуал, который позволит тебе понимать наш язык, это самый важный пункт, — она говорила спокойным мягким голосом, при этом пальцами начав распускать легкую косу, которую заплела перед походом к отцу, аккуратно снимая с волос украшения. — А потом мы можем делать все, что захотим. Можем прогуляться по дому или ночью выйти в сад и посмотреть на звезды, или можем на днях выйти в город, или остаться дома и попробовать лунные настойки с праздника это что-то наподобие вашего алкоголя, только не горькое, — она тихо усмехнулась. — О, а еще мы можем пойти к тому озеру, и ты научишь меня рыбачить! Способов, как нам провести время, море, можешь смело выбирать, или может ты сам хочешь заняться чем-то определённым? Смело говори о своих желаниях, я постараюсь все выполнить, — Венсия вновь весело усмехнулась, при этом щелкнув пальцами, отчего на светлых волосах Эдварда появилось несколько золотых жемчужин, украшенных мелкими голубыми кристаллами. — Не забывай, я маг и многое могу.

Глаза Эдварда загораются. У парня никогда не было друзей, разумеется, он и не мечтал о тёплых отношениях с людьми, но, читая книги, иногда завидовал, когда видел веселящихся, обнимающихся и счастливых товарищей, кото-

рые постоянно проводят время друг с другом, доверяют друг другу все свои секреты, чувствуют себя комфортно и знают, что их принимают со всеми недостатками и странностями. Эдварда никто никогда не звал поесть что-нибудь сладкое в кофейнях, никто никогда не ходил с ним в кино, никто никогда даже не звал просто погулять — покататься на велосипедах, на санках, на коньках, поиграть в догонялки или просто бесцельно побродить по городу.

Никто до Венсии, у которой, кажется, тоже загорались глаза, когда она придумывала планы на последующие дни. Она словно действительно хотела и погулять по городу, и порывачить, и выпить ту настойку со странным названием. Эдвард перестаёт дышать, глаза на неё огромными глазами: это всё точно правда? Рядом с Венсией Бредберри чувствовал нереальность происходящего, словно он все никак не мог проснуться от прекрасного сна, потому что сама Алге-ниб была словно сном, грёзой — самым большим желанием, и Эдвард отчаянно боялся, что сейчас проснётся. Да прямо уж — он прямо сейчас готов расплакаться! Бредберри было глубоко наплевать, чем именно будут заниматься вместе — с Венсией любое времяпрепровождение будет прекрасным. Важно не то, куда они пойдут, важно то, что пойдут вместе. Эдвард хоть и притворялся, что общение и люди ему не нужны, дело было в другом — в том, что просто самим людям не нужен был юноша.

Всем, кроме Венсии. В голове постоянно крутилось тыся-

ча мыслей о том, что Алгениб притворяется, что плевать она хотела на Эдварда, что потом она действительно окажется какой-нибудь кровожадной колдуньей, это пугало и мучало, потому что этого, кажется, Бредберри не переживёт. Эдвард иногда был наивным и доверчивым, но рядом с Венсией он вообще словно отупел — был готов пойти на любую авантюру. Вместе.

Эдвард снова щипает себя, что уже становится странным ритуалом, проверяя, не спит ли сейчас. Боль кажется реальной, и Венсия никуда не исчезает.

— Я я хочу всё, — почти шёпотом отозвался Эдвард. Голос дрогнул, и он поспешно отвернулся, чтобы скрыть влажный блеск в глазах. — Хочу сделать всё это с вами. Пойдёмте, Венсия. У нас слишком много планов, чтобы терять время.

— Я рада это слышать, золото мое, рада, что ты хочешь разделить со мной все эти планы и затеи, — женщина все еще мягко улыбалась, на какое-то мгновение задержав руку на голове Эдварда, просто смотря в его глаза, но после, как будто бы опомнившись, неловко улыбнулась, убирая руку с волос юноши. — Но ты прав нужно идти, не хочется, чтобы Мей долго ждала.

Глава 3. У всего есть последствия

Наверное, Эдвард никогда не привыкнет к этой трепетной ласке в голосе Венсии, а уж тем более к нежным прозвищам. Когда в последний раз его называли не по имени или не по фамилии? Наверное, в глубоком детстве. Наверное, это была мама. Тепло и доброта по отношению к самому себе казались Эдварду чем-то чуждым, даже неправильным и пугающим, но Венсия как ей вообще можно было отказать? Кто в здравом уме захотел бы ее сознательно обидеть, причинить боль? Такая добрая и открытая — ей действительно быть волшебницей, никем иначе. Эдвард боится прикосновений, боится, когда кто-то проявляет к нему нежность — но Алгениб делает это так легко, ничего не требуя взамен, что подсознательно Бредберри хочется выскребать со стенок своего маленького подгнивающего сердца остатки всего тепла, что осталось, и отдать их ей. Эдвард очень боится привязываться, но для Венсии ему искренне хочется стать хорошим другом.

Венсия все с той же присущей только ей улыбкой взяла Эдварда за руку и повела к выходу из комнаты. Бредберри, как дикий кот, шипит на людей, которые прикасаются к его волосам — но Венсия может трепать их до бесконечности. Он скалит зубы и больно бьёт, когда кто-то трогает его руки — но Венсия может держать его столько, сколько ей хочется. И Эдвард покорно идёт за молодой колдуньей, даже не пы-

таясь сопротивляться — лишь немного краснеет.

Из комнаты за время пребывания Эдвард ещё не выходил, и у него было весьма скудное представление о том, насколько огромным может быть дворец. Сколько комнат и путей из них? Когда они покинули покои волшебницы, то оказались в длинном коридоре, освещенном фонарями, только внутри них было не пламя, а что-то похожее на небольшие пушистые шарики, испускающие яркий свет. Обстановка крайне богатая и изысканная, и Бредберри огромными глазами смотрит на окружающий интерьер. Ему, обитающему среди мусора и тараканов, даже неловко находиться в подобном месте — сам себя обёрткой из-под конфеты ощущает.

А ведь это всего лишь коридор — как же выглядит сама библиотека знаменитого (кажется) рода магов? Сколько там книг собрано? В воображении сразу же рисуются похожие сцены из мультиков и фильмов, где бесконечно высокие и бесконечно широкие шкафы забиты до отвала различными свитками и книгами. Щёлкаешь пальцами — вылетает нужное произведение, ведь без магии никогда в жизни не разберёшься. Как в таком количестве найти что-нибудь нужное?

Спустя пару минут волшебница и юноша вышли из коридора в светлый и просторный зал, в одной из стен которого были массивные двери, украшенные золотыми узорами. Их размер был таким, что помещение, куда они вели, должно было быть небольшим, но именно к этим дверям и подвела Венсия Эдварда, отпуская его руку.

— Ну вот мы и пришли, добро пожаловать в библиотеку семьи Алгениб! — сказав это Венсия толкнула дверь.

За красивой позолоченной дверью всего лишь стена, но Эдвард вдохновляется ещё сильнее. Он, может, и дурак, но сразу понимает, что это очередное заклинание — защита от любопытных глупцов, возжелавших заполучить редкие особые знания. Некоторые книги, должно быть, действительно не должны попасть в руки кому попало. Бредберри в предвкушении слушает Венсию, ожидая волшебства.

— В нашей библиотеке самая большая коллекция древнейших книг, поэтому к их защите относятся ответственнее, чем к охране дома, и войти в нее может только существо из рода Алгениб или имеющие его благословение, тебе я его пока не могу дать, так как его еще не изготовили, но обойти защиту мы все равно сможем, — женщина хитро улыбнулась, вновь подойдя довольно близко.

Ну конечно, его не привели бы просто так, не будь у защитной магии обходных путей, а блестящие хитрые глаза выдают Алгениб с потрохами. Дыхание спёрто от волнения, и Эдварда слегка потряхивает от предвкушения — сейчас его посвятят в прекрасную тайну. Неужели Венсия ему настолько доверяет?

— Надеюсь, ты не против, — неожиданно произносит она.

Вместо очередной демонстрации своих магических сил Венсия демонстрирует физическое преимущество перед Эд-

вардом — и берёт его на руки. Бредберри сначала бледнеет, потому что не до конца понимает, что происходит прямо сейчас. Разве могли его просто взять и поднять на руки, тем более женщина? Потом краснеет, потому что под ногами воздух, и он чувствует тепло от тела Алгениб. Слишком близко. Эдвард закрывает лицо руками, пытаясь спрятаться, и издаёт тихий писк. Такие вот методы преодоления защитной магии у Венсии, да? Насколько же она сильна, раз так просто может поднять в воздух парня

— Чтoвыделаете, — мямлит Эдвард. Конечно, он понимает, что и для чего делает Венсия, но им сейчас руководит не холодный рассудок, а глупое сходящее с ума сердце. Слишком неловко! — Поставьтеменяназемлю. Вынадорвётесь, — ещё тише добавляет юноша, делая вид, что действительно заботится о Венсии, а не умирает от смущения. В моменте и на изысканную атмосферу плевать становится, и на загадочную библиотеку, и на древние книги.

— Ха-ха, не переживай, золото моё, я не надорвусь, ты очень лёгкий, так что мне не тяжело, — женщина довольно улыбалась, взглянув на юношу ещё раз. — Кстати, мы уже в библиотеке, так что можешь открыть глаза, — Венсия будто бы и не собиралась отпускать Эдварда, уверенно идя в глубь библиотеки с ним на руках.

Честно сказать, никогда Эдвард не оказывался в ситуации, в которой бы его поднимали на руки, уж тем более, когда это делала женщина. Со стороны наверняка смотрелось крайне

странно, словно он какая-нибудь девчонка, подвернувшая ногу, и теперь возлюбленному приходится нести её до самого дома на руках, ну или вообще, как невеста в тех самых дурацких романтических фильмах. Всегда же после росписи жених невесту на руки поднимает и тащит (зачем-то).

Конечно, глубоко в душе Бредберри всегда был нежнейшим романтиком, мечтал о любви, как в книгах, мечтал тоже носить кого-нибудь на руках, мечтал о признаниях в чувствах под ярким светом Луны. Глядя на Мей, он представлял, как всё это будет выглядеть рядом с ней — с прекрасной эльфийкой, прямо как в самых-самых тайных мечтах.

Только никогда Эдвард не представлял, как таскать на руках будут его. Это очень странно и такого не должно быть вообще. Он продолжает прятать лицо за ладонями и задышаться от смущения. Может быть, парень действительно реагирует слишком уж ярко? Быть может, в этом волшебном мире подобное — в порядке вещей? Ну или для самой Венсии это в порядке вещей, они знакомы не слишком хорошо, так что Эдвард не может утверждать, что волшебница каждого нового знакомого на руки не поднимает. И всё равно! Никак не убедить горящие щёки остыть, а колотящее сердце в груди замедлиться. И ведь Венсия не ставит его на ноги, продолжает тащить вглубь библиотеки.

Все колдуны такие сильные или только Алгениб? Так удивительно и необычно ощущать себя у кого-то на руках, при этом совершенно не чувствуя страха быть уроненным. Она

такая сильная из-за магии или потому что является обладательницей крепкой развитой мускулатуры? А ведь, глядя на нее в одежде, и не скажешь, хотя, конечно, плотная ткань вполне может тщательно укрывать от глаз всяческие совершенства и несовершенства тела. Так. Стоп.

Эдвард ещё сильнее залился краской, понимая, что думает вообще не о том, о чём должен думать. Какая ему вообще нафиг разница является ли Венсия спортсменкой или нет? Ему нет до этого совершенно никакого дела! Книги, огромные стеллажи, шкафы до потолка — разве может быть в этом мире что-то интереснее? Разве стоит заикливаться на каких-то незначительных мелочах, когда перед взглядом открывается такая красота?

— Вы поставите меня или — начал говорить Эдвард, но тут же запнулся, когда услышал знакомый прелестный голос.

— Г-госпожа Венсия, все готово, — тихо произнесла залитая румянцем эльфийка, видимо вышедшая на встречу своей госпоже и ее гостю. — Я я буду ждать вас у самого стола... — ее взгляд метался между Эдвардом и Венсией, и было очевидно, что она точно не ожидала увидеть Эдварда на руках у женщины, а по эмоциям на смущенном личике становилось ясно, что сейчас она чувствовала себя так, будто бы увидела что-то, что явно не должна была. — Простите пожалуйста... — неловко поклонившись и даже не дождав-шись ответа от Венсии, она опять скрылась между книжными шкафами.

Теперь румянец со щёк Эдварда стал переползать и на уши, и на лоб, и на шею, и, наверное, даже на руки. Бредберри рвано вдохнул поток воздуха и, кажется, совсем перестал дышать, задержав дыхание. Хотелось притвориться, что его тут нет и не было никогда. Голос Мей, обычно дружжелюбный и мягкий, конкретно сейчас звучал очень странно, и глупо пытаться обманывать самого себя, что она поняла всё правильно. Наверняка теперь и в глазах эльфийки Эдвард и Венсия — жених и невеста!

Чёрт! Нужно было срочно поговорить с ней, объяснить, что всё не так. Мей редкая красавица, и у Бредберри, который с девушками разговаривать вообще не умел, вдруг получилось найти общий язык с этой эльфийкой, удалось наладить контакт, и загубить всё на самом корню совсем не хотелось. В его сердце только-только зажглась крохотная искорка надежды, так хотелось её сохранить. Так хотелось найти подход к Мей, хотелось узнать её лучше, понять, какие ей нравятся цветы, какой её любимый цвет, какое время года приносит спокойствие сердцу. А сейчас девушка решит, что Эдвард для Венсии не просто друг, приехавший в гости, а любовник. Парень резко вздрогнул от подобных мыслей.

— Думаете, она — дрогнувшим голосом, не поднимая головы, начал Бредберри, — думаете, она подумала, что мы с вами...? Ох — он прикусил губу. Всего себя с потрохами выдал. Наверняка по одному его лицу сейчас легко сказать обо всех переживаниях и чувствах, но Эдвард ещё не до конца

успел в себе разобраться, и не совсем хотел, чтобы Венсия так просто обо всём узнала.

— Кажется... она точно немного не так поняла эту ситуацию, но ничего, я ей все объясню, — улыбнулась женщина, теперь уже аккуратно ставя парня на пол.

Наконец, Бредберри стоит на своих ногах растерянно глядя на Альгениб. Такая весёлая и беспечная, она точно не осознала, что произошло сейчас. Эдвард не мог злиться на Венсию, потому что, кажется, за всю жалкую жизнь она стала его первым другом, человеком, который отнёсся к нему хорошо, поэтому просто отвёл взгляд и тяжело вздохнул. Внезапно перестали быть интересными и книги, и роскошная библиотека, только упущенная возможность. Только Мей, которая поспешила ретироваться, как жена, которая застала мужа за изменой. Эдвард окончательно поник, распинаясь в ненависти к себе и в злости на сложившуюся ситуацию. Кажется, ему действительно стоит запретить вообще контактировать с людьми.

— Ну что ж сразу пойдём к Мей или всё-таки немного пройдемся меж стеллажей, и я расскажу тебе о библиотеке? — обратилась Венсия к Эдварду, взглянув на него.

— Мне всё равно, куда мы пойдём сейчас. Как вы считаете лучше, — тихим голосом ответил на вопрос парень.

— Не переживай... Даже если она что-то там и подумала, то, я думаю, стоит с ней поговорить, и она все правильно поймёт, — все ещё улыбаясь, произнесла волшебница, потянув-

шись уже было к волосам юноши, чтобы погладить того по голове, но в последний момент остановила руку, убирая её от волос Эдварда и вздыхая. — Я уверена, что она сейчас не поменяла своего мнения о тебе, мы просто скажем Мей, что она все неправильно поняла и что мы просто друзья, все будет хорошо, — волшебница коротко взглянула в глаза юноши, а после зашагала в сторону одного из коридоров между стеллажей с книгами. — Ну что ж не забываем, зачем мы сюда пришли! Пойдём к Мей сразу, она уже сказала, что все готово, так что будет некрасиво заставить её ждать.

Эдвард фактически не обращает внимания на огромные стеллажи с различными книгами в цветных прекрасных обложках. Разумеется, в любой другой ситуации он бы вообще безмерно захотел бы вытащить какую-нибудь из них просто чтобы заглянуть внутрь, чтобы узнать, что скрывает в себе одно из удивительнейших произведений. Но парень думал лишь о том, какими глазами сейчас на него посмотрит милая эльфийка. Утратит ли её взгляд нежное тепло? Бредберри в социальной жизни был самым отвратительным и ужасным человеком, он вообще не понимал, как правильно общаться с другими, доказывал себе, что никто ему не нужен, но, конечно, сердце тосковало в одиночестве и мучилось.

В зале, куда они попали, Эдвард всё же на пару мгновений сумел отвлечься от своих терзаний, с восторгом в глазах любуясь той обстановке, что предстала перед глазами. Они вышли в небольшое помещение, в центре которого был

стол с расставленными на нем кристаллами и разложенными свитками, в этом зале света было больше, чем в других частях библиотеки, только откуда он исходил было непонятно. Потолки были до ужаса высокими со свисающими с них гирляндами странных светящихся сфер, от которых отлетали сферы поменьше, и на удивление пахло в нем не старыми книгами и пылью, а какими-то цветами. Он словно залез в декорации какого-то фильма, который потом обязательно наберёт безмерную популярность. Сверкания, сферы, разноцветные кристаллы — Эдвард крутил головой, не понимая, куда ему следует смотреть, чтобы вдоволь насладиться зрелищем. Но взгляд, наконец, останавливается и замирает, когда парень находит Мей. Девушка стояла возле стола, увидев парня и свою госпожу она мягко им улыбнулась, уже будучи на вид полностью спокойной.

— О, а вот и вы, — она улыбнулась, взглянув конкретно на Эдварда. — Прошу, проходите, Эдвард, тебе сюда, — с этими словами она указала на причудливый символ, нарисованный на полу и источающий лёгкий зелёный свет. — Вставай в центр этой руны, она пока не активна, так что не волнуйся. А вы, госпожа Венсия, подойдите ко мне. Нужно кое-что уточнить в свитках... — было видно, что она полностью собрана и готова к серьёзным действиям, понимая всю ответственность, лежащую на плечах.

Потускневшее недавно лицо вновь озаряется смущенной улыбкой, и Эдвард покорно кивает головой, следуя указани-

ям эльфийки. Она не смотрит на него как на больного, как на сошедшего с ума, как на мерзкого — она даже улыбнулась! А Бредберри собирался хранить и коллекционировать каждую её улыбку.

— Не бойся, все будет хорошо, — улыбнулась парню Венсия, когда они уже подошли к столу, а после она обратилась к Мей на их языке, видимо, объясняя, что-то связанное со свитками, порой тыкая пальцем в какие-то записи.

Немного страшно из-за того, что Эдвард впервые, по сути, сам станет жертвой настоящей магии, которая будет направлена на него. Однако он теперь уже даже не задумывался о том, что Венсия и Мей могут причинить ему боль, смотрел доверчиво и находился в предвкушении. Скоро между ними не будет никаких языковых барьеров, скоро Эдвард почти полностью станет частью этого волшебного мира.

— Как ты помнишь, заклинание, которое мы используем, даст тебе возможность понимать наш язык и говорить на нем, но читать и писать тебе все равно нужно будет учиться самостоятельно, — весело произнесла Венсия вновь обращаясь к Эдварду.

— О нет, вы что, собираетесь меня снова в школу отправить? — вздыхает Бредберри с наигранным недовольством. Настроение его заметно улучшилось, все дурные чувства вытеснило предвкушение. — Надеюсь, здесь мой учитель хотя бы будет более добрым и понимающим.

— Нет, конечно, я могу отправить тебя учиться в школу

для детей придворных советников, но я думала, тебе будет легче, если тебя будем учить мы с Мей, — постаралась мягко улыбнуться волшебница.

Перспектива стать учеником Мей кажется весьма соблазнительной. Как многое хочется у неё спросить, узнать — она ведь настоящая представительница иной расы! Конечно, из-за того, что обучать будет его ещё и настоящий талантливая волшебница, Эдвард тоже в восторге. У него, в конце концов, почти никогда не было близких друзей и кого-то, кто пытался бы ему помочь и поддержать, сейчас, находясь в окружении совершенно чужих людей (даже существ!), зная о них ничтожно мало, Бредберри понимал, что ему комфортно. Венсия очень добрая и отзывчивая, она приняла его, взяла за него ответственность и поддерживает во всем, а Мей ну, она просто очаровательная. Когда Эдвард думает о ней, то хаотичные мысли не складываются в цельные предложения и тексты. Она просто другая. Отличается от всех девушек на свете, заставляет сердце биться чаще, а руки — дрожать.

— Я буду рад учиться у вас, — лишь вздыхает Эдвард.

— Во время заклинания я буду использовать только чистую магию, поэтому, возможно, будут немного неприятные ощущения, похожие на мурашки, — глядя на парня, спокойно произнесла эльфийка, отрываясь от чтения свитков. — И если тебе будет страшно, ты можешь взять меня за руку... многим тактильный контакт помогает чувствовать себя в безопасности. Но, а так как ты себя чувствуешь? Готов к

действию? — нежно улыбнулась Мей, по-доброму смотря на юношу.

Он испуганно округляет глаза, когда слышит про неприятные ощущения, но позднее слегка краснеет, забывая вообще обо всех тревогах, когда Мей — эта красивая и добрая девушка — предлагает подержать его за руку. О чём вообще Эдвард мечтать может, когда ему предлагают такой подарок?

— Честно говоря, я немного переживаю, — тихо бормочет юноша, кивая головой. — Я никогда с подобным не сталкивался, так что не могла бы ты пожалуйста и вправду подержать меня за руку?.. Тогда мне совсем не будет страшно, — совсем тихо произносит Эдвард. Разумеется, прямо сейчас он не думает о том, как Венсия обещала держать его за руку вместо Мей, и даже не замечает, как та вздрогнула и отвела взгляд в сторону, когда эльфийка резко изъявила желание держать его за руку.

— Хахах, конечно, я могу подержать тебя за руку Эдвард, — по-доброму хихикнула Мей, а после действительно аккуратно взяла его за руку.

Сердце в груди дрожит и трепещет. Ему кажется, что он умирает. От счастья, от восторга и, разумеется, от страха. Впрочем, на все сомнения становится немного плевать, Эдвард лишь пялится на сцепленные с девушкой руки и думает, что сейчас задохнется. Его. Держит. За руку. Девушка. Не девушка! Эльфийка! Самая красивая и умная на свете, с самой светлой и доброй улыбкой!

— Ну что ж, думаю, мы можем начинать. Госпожа Венсия, поможете, пожалуйста? — обращается к девушке эльфийка.

— Да, конечно, — негромко произнесла волшебница. Она легко взмахнула несколько раз рукой, оставляя в воздухе золотые полосы, которые превращаются в причудливые символы, источающие лёгкий свет, в дальнейшем эти символы легли на пол, создавая вокруг Мей и Эдварда круг. — Это сделано для того, чтобы дать Мей возможность использовать не только свою силу, но и мою, — коротко пояснила она Эдварду, после вздохнула и скрестила руки на груди, а Мей тем временем приступила к заклинанию.

Эдвард не может сосредоточиться ни на чём другом, его не волнует магия, происходящая вокруг, не волнуют метаморфозы в собственном организме. Подумаешь, всё это ерунда — разве не видел раньше в фильмах как колдуют? А вот девушки нет, в смысле, Бредберри видел, конечно, девушек и раньше, но за руки они его никогда ещё не держали. Пускай это и произошло при не самом романтическом условии, но Мей сама предложила. Может быть может быть у Эдварда даже есть шанс? Может быть, ему следует попробовать, ну подружиться с ней? Ах, от этих бредней начинает голова кружиться, по коже холодок бежит

Или это не из-за Мей, а из магии? Ах, точно, его же пытаются заколдовать, чтобы понимал чужую речь. Он слегка растерянно крутит головой, не понимая, откуда появился туман и ветер — что успел пропустить? Что-то сверкает, сияет,

светится, и Бредберри слегка напуган. Но руку сжимает рука Мей, создавая ощущение безопасности, уверенности. С ним всё в порядке будет. Всё хорошо. Эдвард переводит на неё взгляд и видит мягкую поддерживающую улыбку, невольно улыбается тоже и замирает, любуясь её чудесным лицом. Её хватка на руке чуть сильнее, и сердце бьётся гораздо громче от этого. Она беспокоится? Она хочет подарить Эдварду ощущение безопасности? Он сейчас заплачет от того, насколько Мей прекрасная!

Когда заклинание заканчивается, Эдвард тоже чуть увереннее сжимает руку эльфийки. Да, может быть, теперь это уже неактуально и странно, но так не хочется, чтобы сладкий момент оборвался. Кто знает, как скоро подобное повторится? К тому же, всегда ведь можно разыграть маленький спектакль.

— Ну что ж, Эдвард, как ты? Как ощущения от магии на себе? — коротко улыбнулась Венсия, глядя в глаза юноши, по движению её губ точно было понятно, что говорила она эти простые фразы точно не на родном Эдварду языке. Парень заинтересованно смотрит на Венсию. И понимает. Понимает, что говорит волшебница. Ощущения странные, с одной стороны, Эдвард чувствует и явно осознает, что язык чужой, но всё равно понятный.

— Вау, — вздыхает Эдвард, удивленно распахивая глаза. — Я вас понимаю. Я понимаю ваш язык. Офигеть — он переводит рассеянный взгляд на Венсию, потом на Мей, потом

на сцепленные руки, а потом слегка покачивается притворно, снова чуть сильнее сжимая руку эльфийки. — Я теперь а я на каком языке говорю? На вашем? На своём? Я запутался Мей, а ты скажи что-нибудь? Я пойму тебя?

— Ха-ха, сейчас ты не согласишься, но ты говоришь на нашем языке, — мягко улыбнулась Алгениб, глядя на юношу. — Теперь ты почти носитель языка нашего мира и можешь свободно говорить на нем и, наверное, на некоторых диалектах, верно, Мей?

— Да, теперь, Эдвард, ты можешь понимать язык не только Драконьих земель, но и ближайших к нашим землям королевств, так как наши языки похожи. Но учиться писать и читать все равно придется.

Как жаль, что в человеческом мире нет таких технологий, позволяющих вкачать себе в голову любой язык. Впрочем, в таком случае потерялась бы необходимость в переводчиках, лингвистах — как следствие, они бы лишились работы. Но возможность понять любого человека с любого конца света была крайне притягательной. Эдвард никак не мог поверить, что в другом, параллельном мире, существа давно освоили данную практику. У людей не было магии, они добивались всего с помощью науки и технологии, а волшебным существам, таким, как Венсия и Мей, достаточно было провести всего лишь ритуал. Эдвард на секунду задумался: а какой у них год сейчас? А какое вообще летоисчисление? Совпадают ли временные отрезки с человеческим миром? Как много

прошло времени с появления существ на планете в этом мире, насколько долгий путь им пришлось пройти, чтобы добиться такого уровня развития?

Бредберри никогда не чувствовал в себе такой тяги к знаниям. Хотелось изучать, узнавать. Он словно очнулся после затянувшегося нудного сна, может быть, даже после комы, в которой находился несколько лет, и, наконец, осознал, каково это — жить. В конце концов, сейчас перед ним вырисовывались прекрасные перспективы. Эдвард мог просто застрять на улице как какой-нибудь бездомный, но он находился под покровительством влиятельной в городе волшебницы. Жил в дорогом доме, носил дорогую одежду — а этого у парня никогда не было. Он мог изучать то, что действительно интересно, а не слушать нудные лекции старого профессора, фактически засыпая. А ещё рядом была ослепительно прекрасная эльфийка, которой хотелось любоваться до бесконечности.

— Но это мы отложим на пару недель, сперва твоё тело должно привыкнуть к метаморфозам в нем произошедшим, — добавила эльфийка. — А также советую тебе не забывать родной язык, например, иногда говорить на нем с госпожой Венсией, так ты, грубо говоря, потренируешь свою обновлённую память. Чтобы говорить на своём родном языке тебе достаточно подумать о том, что ты хочешь на нем говорить, — девушка говорила спокойным, но поучительным тоном, как доктор, дающий наставление пациенту, только что при-

шедшему в себя после операции.

Голос Мей такой мягкий, её объяснения крайне спокойные и вежливые. А если если она будет учить Эдварда писать? Его сердце, наверное, вообще не выдержит подобного счастья и взорвётся. Бредберри крайне радовал тот факт, что эльфийка смотрела на него всё теми же глазами: ни намек на отвращение, грусть или что-то иное. Вероятно, он недооценил Мей. Она ведь не настолько глупа, чтобы, не спросив, сделать идиотские выводы по поводу того, что между Эдвардом и Венсией может что-то быть. Да ну! Алгениб, конечно, классная, но классная как друг. О друге Эдвард тоже всегда мечтал (глубоко в душе), и теперь, окружённый людьми, которые вызывали в груди теплые эмоции, не мог нарадоваться.

— Спасибо, — восторженно пробормотал Бредберри, всё ещё до не конца веря в происходящее. Так хотелось растянуть приятные чувства подольше, и разум вдруг укусила глупая мысль. Он вдруг нахмурился и прижал ладонь ко лбу. — Голова что-то кружится

Две пары глаз тут же обеспокоенно устремились на юношу. Он буквально задыхался от осознания, что теперь за него могут беспокоиться. Какое странное чувство. Эдвард учился справляться со всем сам. Заболел — напичкай себя лекарствами и строй счастливое выражение лица, чтобы не выбесить профессора или не оттолкнуть покупателя, который может увеличить твою зарплату, больно — тащись через весь

город в больницу, стиснув зубы, потому что людям в автобусе плевать на твоё самочувствие. Эдвард жил с чётким осознанием: всем вокруг плевать, а иногда слабость даже может оттолкнуть окружающих. Мей и Венсия не испытывали отвращения. Их лица выглядели встревоженно, глаза с беспокойством смотрели на Эдварда. О нём беспокоились. Ни Мей, ни Венсия не хотели, чтобы с Бредберри случилось что-нибудь плохое. Они не хотели, чтобы он грохнулся. Они пытались заботиться.

— После таких заклинаний нормально, что кружится голова, но лучше держись за меня пока мы пойдём до комнаты, тебе точно нужно отдохнуть...— неожиданно встревоженно произнесла Венсия, свободную руку опуская на талию юноши, как бы придерживая его.

Эдвард замер на месте, огромными глазами смотря на стоящую рядом Венсию. Ему было ни капельки не стыдно за свой крошечный разыгранный спектакль, теперь он был даже рад, что мозг до подобного додумался. Бредберри чувствовал себя крошечным ребёнком, который всю жизнь прожил в сиротском приюте, не зная ни о заботе, ни о ласке, ни о любви, но теперь его оттуда забрали, пообещав, что новая жизнь будет во много раз лучше. Именно. Эдвард чувствовал себя именно маленьким ребёнком. Когда он перестанет так бурно реагировать на банальные проявления добра? Вероятно, совсем не скоро, к такому нельзя привыкнуть. Он лишь слегка сильнее прильнул к Венсии и слабо сжал ее руку. Ему

хотелось продлить это ощущение защищённости, ощущение того, что на него кому-то в этом мире не плевать. А есть ли зелья, с помощью которых можно специально заболеть какой-нибудь простудой? Так, нет! Эдвард, нельзя об этом думать! Это уже плохо. Плохо. Или...? Нет, плохо!

— А я тогда сейчас сбегая за травами к целителю, чтобы снять неприятные ощущения, Госпожа Венсия, проследите, пожалуйста, чтобы Эдвард хорошо отдохнул, — не менее встревоженно произнесла эльфийка и, отпустив руку юноши, спешно скрылась между книжными стеллажами.

— Как ты себя чувствуешь? Идти сможешь или мне лучше перенести нас в комнату? — мягким будто бы успокаивающим тоном произнесла Венсия.

Чувствовал он себя вообще-то нормально, голова не кружилась. Только обязательно ли об этом кому-то знать? Так нельзя, это неправильно, потом будет мучать совесть, но Эдвард был в отчаянии. Понять его сможет только такой же человек, который никогда не чувствовал заботы и добра, а теперь хватался за эти ощущения, как утопающий за спасательный круг, потому что теперь казалось, что без них он действительно утонет.

— Я почти в порядке, не стоит так беспокоиться обо мне, — тихо отозвался Эдвард, после чего попробовал сделать шаг.

— Ты уверен? Выглядишь встревоженным и бледным... мне кажется, все хуже, чем ты говоришь, золотце моё, —

вздохнула женщина, наблюдая за Эдвардом.

Эдвард же с явным старанием изобразил, что у него снова закружилась голова, причем так сильно, что земля чуть из-под ног не ушла. Парень вцепился в Венсию со всей дури, словно пытался найти в ней опору, затем расцепил свою руку с её рукой, чтобы вцепиться не в кисть — а в талию Венсии. Со стороны теперь они были похожи на обнимающуюся пару, но Эдвард изобразил на своём лице искреннее страдание, делая вид, что это была вынужденная мера — так ведь устойчивее. Он поднял на подругу полный отчаяния взгляд.

— Или я не совсем в порядке, — тихо произнес парень.

Сердце в груди отчего-то стучит чуточку быстрее, чем ему дозволено. Эдвард смотрит на Венсию блестящими, полными надежды глазами. Сейчас Бредберри не думал о том, что со стороны, вероятно, кажется немного жалким — выжимает из себя все свои актёрские навыки лишь бы почувствовать немного заботы, немного тепла, лишь бы ощутить себя значимым хотя бы для кого-то. Даже если это магическое существо из другого параллельного мира. Как котёнок, который ластится о хозяйские ноги и мурлыкает, лишь бы заслужить внимание хозяина. Лишь бы выпросить немного корма и мягкие поглаживания. Только методы у конкретного этого котёнка были специфическими: он не мурлыкал, а притворялся тяжело больным.

Но Венсия такая очаровательная в своей заботе. У нее встревоженное выражение лица, но в руках и ногах — сила.

Они знакомы всего ничего, но отчего-то Эдвард чувствует, что рядом с Алгениб он в безопасности. Странное чувство. Что вообще такое эта пресловутая безопасность? Говорят, что ощущаешь её, когда находишься рядом с кем-то, кому доверяешь. В насколько же сильном Бредберри отчаянии, если доверяет той, которую знает пару дней? Кто прибыл из другого мира буквально?

— Та-ак... Ну-ка давай сделаем вот что, — серьезным тоном произносит женщина.

Его снова, как и на входе в загадочную библиотеку, подхватывают на руки. И теперь Эдвард уже не чувствует себя настолько растерянным, в конце концов, он подразумевал, что это может случиться, когда притворялся подбитой птицей. Мей рядом нет, она убежала за целителем, так что выдумать у неё ничего не получится. Да и у Эдварда было оправдание. Всё это не просто так, а только из-за того, что ноги предательски подкосились. Бредберри смотрит на Венсию, словно на героя. В какой-то степени это странно и неправильно, женщины не должны носить на руках мужчин, да и Эдвард не имел представления о том, насколько тяжелым являлся. Но ситуация же особая, правда? Это ничего не значит. Парень так привык болеть в одиночестве, умирать на кровати, не поднимаясь с кровати из-за высоченной температуры, находя в себе силы лишь на то, чтобы в нужное время принять таблетку. Когда Эдвард болел, он, как правило, даже не питался — сил не было готовить и ходить в магазин. По-

мочь было некому, а ещё Бредберри торжественно поклялся себе после совершеннолетия никогда и ничего не просить у сестры. Так и жил. Один. В полной независимости. В полном крошечном одиночестве. А теперь на горизонте замерцал солнечный луч. Странно, но Эдвард несколько не скучал по своему миру, хотя, разумеется, должен был. Этот мир во всём лучше. Вообще во всём.

— Вам не стоило, — осипшим голосом лепечет Бредберри, театрально хлопая глазами и растерянно отводя взгляд. Стоило. Венсия, вам стоило, потому что это именно то, чего Эдвард хотел, это именно то, на что он рассчитывал. Почувствовать себя нужным. Почувствовать себя не брошенным лишним человеком, а кем-то значимым.

— Нет, стоило. Сегодня твоими ногами буду я, — ласково улыбается женщина. — Не стоит тебе перенапрягаться, заклинание было сильным и тратило и твои силы, поэтому стоит поберечь себя хотя бы сегодня, хорошо? А теперь пойдём в комнату.

Он покорно сидит у Венсии на руках, обнимая ее за шею, чтобы не свалиться. На щеках мерцает алый румянец. Невобразимое ощущение. Да и этот слишком близкий контакт дурманит разум. Всё из-за того, что никогда ещё Бредберри не позволял никому себя касаться, а с Венсией за пару дней побил все рекорды по прикосновениям. Магия переносит их в комнату Алгениб, и Эдвард, как и всегда, сдавленно ахает: магия слишком прекрасна. Куда лучше, чем её изображают

в фильмах. Венсия медленно подошла к постели юноши, а после так же аккуратно и медленно опустила его, а сама села рядом. Постель мягкая, но Бредберри с удивлением для себя обнаруживает, что в руках Венсана ему было находиться приятнее? Вероятно, всё опять же из-за того, что никто ранее не пытался проявить настолько сильную заботу, что даже на руках дотащить был готов.

— Сейчас подождём Мей, она должна принести лекарственные сборы, которые помогут восстановить силы. На вид они не очень привлекательны, но отвары из них приятны на вкус и быстро работают, поэтому очень скоро будешь как новенький, — волшебница широко и по-доброму улыбнулась, глядя на юношу. — А в целом какие-то ещё симптомы есть? Или может тебе чего-то хочется? Я легко смогу достать все что угодно ещё до прихода Мей.

— Спасибо, Венсия, — не без смущения произносит Эдвард. — Вам не нужно ничего делать. Просто будьте со мной, — дрогнувшим голосом отвечает Бредберри, вдруг переведя на волшебницу встревоженный взгляд. Почему-то вложенный во фразу смысл получился каким-то иным, и парню самому стало слишком уж не по себе. Стоило о нём кому-то позаботиться, и сразу привязываться начинал. Как ребёнок. Эдвард слабо тряхнул головой: не хотелось об этом думать.

— Я буду с тобой, Эдвард, столько, сколько ты мне позволишь быть рядом, — спокойным, но уверенным тоном произносит женщина, однако вскоре не только ее тон, но и вы-

ражение лица становится серьезнее. — Что-то ты покраснел, надеюсь, температура не поднимется, не хотелось бы, чтобы твой организм воспринял магические изменения как угрозу.

Молодой человек краснеет ещё сильнее. Она она правда не понимает? Правда не понимает, что своим заботливым взволнованным видом заставляет в груди Бредберри взрываться целые вулканы? Эта очаровательная непосредственность, простота и доброта убивали Эдварда. Если бы Венсия спрятала свои рога, то в толпе совершенно разных людей Бредберри сразу бы смог понять, что Алгениб — существо из другого мира. Потому что таких, как она, людей не бывает. Люди сосредоточены на своих проблемах, а Венсия, волшебница, к которой обращаются исключительно как «госпожа», смотрела на Эдварда встревоженным взглядом и клялась, что будет рядом столько, сколько ей позволят.

Эдвард точно не попал в романтическое фэнтези? Парень прикусил нижнюю губу, запрещая себе даже думать в подобную сторону. По сути, он просто слишком мало знал о традициях этого мира, может быть, местные жители в целом тут гораздо добрее, чем в родном дождливом Лондоне, может быть, таскать едва знакомых людей на руках тут считается приемлемым.

Неожиданно дверь скрипнула, распахиваясь, и Бредберри вздрогнул, переведя взволнованный взгляд на вошедших людей. Вид чуть запыхавшейся из-за быстрой ходьбы Мей заставил его улыбнуться. Он, в целом, долго ещё мог раз-

мышлять о том, что природа поступила крайне несправедливо, сделав эльфиек такими очаровательными, маленькими и вызывающими в груди желание их прижать и потискать, но следом за Мей в комнату вошёл незнакомый мужчина. Он был высокий, даже не смотря на широкие одежды, которые были похожи на традиционную одежду страны Азии родного мира Эдварда, было видно, что крепко сложенный мужчина, его волосы красиво обрамляли лицо, а под линзами явно не дешёвых очков сияли голубые, словно лёд древних айсбергов, глаза. Улыбка с лица сползла сама собой, и Эдвард отполз к самому краю кровати, прижав к груди ноги, словно желая стать меньше и спрятаться. Мей хотя бы выглядела примерно как ровесница молодого человека, а этот мужчина казался уже взрослым, повидавшим мир. И ещё он казался достаточно грозным. Высоким, крепким. Такие мужчины всегда заставляли Эдварда чувствовать себя неловко, потому что сам он являлся обладателем достаточно тощей фигуры.

— Добрый день, Великая герцогиня Алгениб! — сдержанно улыбнулся мужчина, подходя к женщине— Слышал, какой-то мальчик пострадал от древней магии эльфов, где этот несчастный?

— Здравствуй, Агата, я надеялась, вы просто передадите травы....

— Ну вы что... травы, как и лекарства, нельзя просто так раздавать направо и налево, вы же знаете правила, —спокойно говорил мужчина. Заглядывая через плечо Алгениб, он

увидел Эдварда, и его взгляд тут же стал серьезнее. — Герцогиня, давайте-ка вы заберете Мей и оставите нас с ним на пару минут. Не бойтесь, я не наврежу ему, я целитель, это не входит в мою работу.

— Агата, — она тяжело вздохнула, пристально посмотрев в ледяные глаза. — Хорошо... Мей, идём! — с этими словами женщина взглянула на юношу и кивнула, будто бы говоря, что все будет хорошо.

Бредберри перевёл взволнованный взгляд на Венсию, искренне надеясь, что та не отдаст его на растерзание какому-то незнакомому мужчине. Ну всё. Теперь Эдвард точно попал. Сейчас его маленький секрет раскроют, магический врач наверняка быстро поймёт, что всё с Бредберри понятно, он наверняка расскажет обо всём Мей и Венсии, и те до конца дней будут смотреть на Эдварда как на последнего придурка. А ещё его обязательно выгонят на улицу.

Размышляя о последствиях принятых самолично решений, Эдвард побледнел, словно мраморная колонна у театра. Бредберри лишь растерянно и беспомощно наблюдал за тем, как его новые друзья бросают его. А ведь всего мгновение назад клялась, что будет рядом, пока Эдвард сам не выгонит! Предательница!

Дверь захлопнулась, и Бредберри перевёл испуганный взгляд на Агату. Сейчас он поплатится за своё вранье. Даже если его не расколют, то кто знает, какие у этих магических существ методы лечения?

— Приветик, юноша. Меня зовут Агата, я придворный лекарь семьи Алгениб, а тебя как зовут? И откуда же ты такой интересный? — заговорил мужчина.

Мужчина перед Эдвардом явно был не из обычных. Суровое выражение лица и твёрдый взгляд растворяются почти сразу, как Венсия и Мей покидают комнату. Теперь он улыбается и кажется расслабленным и совершенно спокойным, словно бы не он пару мгновений назад отчитывал юную госпожу дома. Судя по всему, этот Агата пользовался уважением, даже Венсии. А если его уважает Алгениб, то Бредберри здесь вообще делать нечего. Молодой человек не отрывает глаз от странного мужчины, наблюдая за каждым его движением. Эдвард врачей и в своём мире-то не особо любил: задавали личные вопросы, иногда заставляли раздеваться, делали больно, ругали, если халатно относишься к своему здоровью, а врач из волшебного мира вообще мог сделать всё, что угодно с парнем, который о том, что такое магия, знал лишь из тех волшебных фокусов, что показывала Венсия. Когда целитель заговорил, Эдварду показалось, что его слова звучали странно. Словно он говорил на английском. На родном английском, а не на магическом языке. Правда, с небольшим акцентом, но всё же весьма понятно.

— Вы знаете английский? — тихо и удивленно спросил молодой человек.

— Ага, я говорю на английском, а ещё на китайском и языке Королевства драконов, ну и пара диалектов фей и эль-

фов, но на этих не особо хорошо, — он лёгким движением поправил свои одежды, встав в более расслабленную позу и все ещё изучающе глядя на юношу, будто бы стараясь разглядеть каждую мелкую деталь его лица. — Так как тебя зовут?

Агата, судя по всему, безмерно умный и начитанный, как и полагается врачу. Как можно говорить на стольких языках и не путаться в них?! Впрочем, это не важно, больше всего Эдварда напрягало то, что новый знакомый лекарь говорит на английском и китайском. Едва ли в волшебном мире существуют свои Англия и Китай. Агата мог тоже освоить способность путешествовать по мирам, как Венсия, но есть куда более пугающий и удивительный вариант: он просто из того же мира, что и Эдвард. Слишком уж похож на обычного человека. Ни тебе острых ушей, ни крыльев, ни клыков, ни рогов. Такое разве вообще возможно? Если человечество прознало бы про другие миры, то всякие придурки намеренно стали бы пытаться найти способ покинуть свой собственный. Эдвард был бы в их числе.

— Меня меня зовут Эдвард. Я из — он бросил ещё один взгляд на Агату, сомневаясь в том, следует ли выдавать всю подноготную. Но целитель смотрел так странно, словно он давно уже обо всём догадался, да и не просто же так перешёл на английский. — Я из Лондона. Но вообще-то Венсия просила не распространяться. Как вы догадались? — голос Эдварда, когда он разговаривал с целителем, был гораздо тише, чем обычно. Всё же он слишком сильно боялся незнакомых

людей. Более того, сейчас Бредберри чувствовал себя в опасности. Кто этот мужчина на самом деле? Чего хочет? Что будет делать с информацией, которую узнал? Ну конечно, сказка длиться вечно не будет. Сейчас расскажет обо всём брату Венсии, и его, Эдварда, отсюда пинком под зад выкинут. Или скормят какому-нибудь монстру.

— Как я узнал? В этом мире так много рас, что представители одной могут почувствовать своего собрата, но на самом деле, я просто угадал, основываясь на интуиции и волнении Венсии, — он мягко улыбнулся. — Не переживай, Эдвард из Лондона, я не раскрою твой маленький секрет, прости, если напугал тебя, просто очень давно я не видел человека из хм как сказать, родного мира. Я такой же человек как и ты. Только из 18 века... позволь? — спросив разрешения, он аккуратно сел на край постели парня.

Гадать не приходится, и Агата сам признается, что действительно из мира Бредберри. Светлые глаза увеличиваются в размерах от удивления. Этот мужчина действительно из 18 века?! Эдвард смущённо отводит взгляд, когда лекарь садится рядом на кровати. Пускай он уже начал понимать, что Агата, кажется, не желает ему вреда, да и, более того, наоборот может помочь объяснить какие-то непонятные вещи, Бредберри всё ещё чувствовал себя очень неловко в его присутствии. Хотелось спрятаться, закрыться руками, лучше — просто выйти из комнаты и спрятаться за Венсией, но Эдвард понимал, что такое поведение было бы слишком глупым для

взрослого парня. Он давно уже не ребёнок, в новом мире придётся знакомиться с новыми людьми. Вряд ли Алгенибы наняли на роль придворного врача кого-то опасного, вряд ли Венсия оставила бы Эдварда одного, если бы ему угрожала опасность. Но всё равно было тревожно. С новыми людьми всегда было тревожно. Эдвард не знал, как правильно себя вести, что говорить, чтобы человек рядом не подумал о нем, как о кретине каком-нибудь.

— 18 век? — ошарашенно произносит себе под нос Эдвард. — Простите, вы неплохо сохранились для кого-то из 18 века. Я родился в начале 21 века.

— 21 век, говоришь... как быстро прошло время, — негромко произнёс Агата, сняв с носа очки и аккуратно пройдясь тканью рукава одежд по стёклам. — Здесь время идёт совсем иначе, Эдвард. И система летоисчисления совсем иная. Года называются солнцами. Например, мне 310 солнц.

— 310 солнц звучит много, — промямлил Эдвард.

— На самом деле, нет. Эта цифра соответствует среднему возрасту, — усмехнулся Агата. — Хотя люди обычно не доживают даже до своей первой сотни солнц. Но для нас с тобой тут все работает иначе. Я не знаю почему, но после того, как я попал в этот мир... моё старение, мягко говоря, прекратилось и, полагаю, так будет и с тобой. По сути, я не должен был дожить до 310, но, видимо, под воздействием законов этого мира, наша биология перестраивается так, что мы ста-

реем не как люди из этого мира, а как магические существа. Вот так вот я и дожил до своих лет в таком прекрасном виде, ну и магия, связанная с медициной, творит чудеса! Готовься оставаться таким же молодым как можно дольше. Понятия не имею, как долго продлится твоя молодость, но я обязательно тебе сообщу, когда почувствую, что начал стареть, — он вновь усмехнулся, подмигивая юноше.

Новость о том, что время в этом мире идёт иначе, заставляет поёжиться. Если Эдвард вернётся домой, то что станет с его старшей сестрой? Сколько лет её будет? А может там уже пройдет несколько сотен лет, и её уже давно не будет в мире? Не то, чтобы Бредберри, конечно, по ней скучал, более того, они ведь фактически и не общались после его совершеннолетия, но холодный кинжал всё равно словно бы пронзил сердце. Его вообще объявили в розыск? Кому-нибудь в родном мире не плевать на исчезновение парня? Преподаватели в университете заметили и стали переживать, или его просто отчислили, радуясь, что на одного студента стало меньше? А сестра вообще узнала о том, что Эдвард пропал?.. Что она подумала? «Наконец-то?» Или хотя бы немного заволновалась о его судьбе?

— Каково жить в двадцать первом веке? Люди все так же губят природу и себе подобных за любую мелочь? Надеюсь, медицина шагнула вперёд, и врачам теперь реже приходится говорить, что они бессильны... — неожиданно спросил целитель.

— Эээ ну, многое вообще-то изменилось по сравнению с 18 веком. И медицина сильно продвинулась вперёд. Я даже не знаю, как вам рассказать, просто изменилось ну правда очень многое, — растерянно отозвался Эдвард. — А сколько лет то есть солнц Венсии? — выдал он тревожащий его душу вопрос. Кажется, по меркам данного мира они были фактически ровесниками, но как дела обстоят на самом деле? По коже пробежал холодок.

— А ты не знаешь? Ну что ж, думаю, она не будет злиться, если я тебе раскрою эту тайну. Ей 374 солнца, — на лице врача сияла широкая улыбка, а взгляд внимательно изучал каждую эмоцию на лице юноши. — Но не волнуйся, она тут считается достаточно взрослой, но ещё в расцвете сил.

До парня даже не сразу доходит информация о реальном возрасте Венсии, лишь спустя пару минут он переводит на Агату пустой взгляд, пытаюсь сообразить. 374? И как Эдварду к ней относиться? Как к старшей сестре? Как к тётушке? Конечно, парень ожидал подобного, ведь волшебный мир сильно отличался от обычного, да и Агата из 18 века уже сумел его удивить, но теперь Бредберри был в некотором замешательстве.

— Мне 21, — покачал головой Эдвард. В родном мире его тоже часто принимали за мальчишку, отказываясь продавать алкоголь без паспорта. — В этом году я должен был закончить университет, — тише добавляет он. — А как вы попали в этот мир? — неожиданно задал он один из наибо-

лее волнующих его сейчас вопросов.

— Я бежал сюда от преследований, звучит так себе, но зато я смог начать жизнь с чистого листа во всех смыслах, — спокойно отозвался мужчина.

— В-вы сами попали в этот мир? Н-но как? — тихо спросил Эдвард. История про преследования, конечно, была ужасной, и тяжело представить, из-за чего могли преследовать такого добродушного на вид мужчину, но то, каким образом Агата удалось избежать преследования, настораживало. Портал же не может открыться просто так перед случайным человеком, который мечтает убежать. Вдруг его можно вызвать, используя для этого какую-нибудь тёмную кровавую магию? Разум Эдварда, начитавшегося разных страшилок, начал выдавать идиотские и пугающие теории.

— Как я сюда сам попал? О, я очень удачно чуть не умер в одном из переулков какой-то забытой богом деревни, — усмехнувшись, он сел немного расслабленнее. — Мне, грубо говоря, повезло. Видишь ли, в моё время люди очень легко срывали свою злость и ненависть из-за каких-то предрассудков на других, и хоть года инквизиции официально прошли вымещать людям злость никто не запрещал. И вот несколько людей решили, так скажем, наказать меня. Я смог убежать, но не далеко, сидел возле какого-то ящика, надеясь, что не истеку кровью и чувствуя, как силы уже уходят, молясь, что смогу спастись и жить свободно... От потери крови и сильного удара по голове я, видимо, потерял сознание,

что было дальше для меня все ещё загадка — он посмотрел на потолок, будто бы стараясь ярче вспомнить тот день. — Открыл глаза я уже в доме пожилой пары полулюдей как я потом узнал, они подобрали меня на улице в забытом богом переулке их деревни... как-то так, — снова голубые глаза посмотрели на парня, а на тонких губах появилась беззаботная улыбка, будто бы мужчина сейчас рассказал не ужасную историю из прошлого, а какой-то смешной рассказ. — Потом я долго изучал эту тему и выяснил лишь то, что попал сюда в день весенней луны, когда уровень магии повышается чуть ли не в сто раз возможно, это работает и с нашим миром и моё желание услышали, как колдовскую молитву, а возможно, кто-то отсюда пытался открыть портал, и я в него случайно попал, но что бы то ни было, я этому благодарен.

По коже бежит холодок из-за рассказа Агаты, но поговаривают, что 18 век был действительно жестоким. Одно дело — читать в книжках о том, как люди жертвовали своей жизнью ради спасения других, о том, как бесчеловечно и несправедливо убивали, другое — слышать о человека, который реально жил в это время. Боже, да даже звучит абсурдно! У Эдварда было стойкое ощущение того, что его разыгрывают или обманывают, которое смешивалось с сильным чувством вины, ведь человек перед ним прямо сейчас рассказал ужасную часть своей жизни, доверился.

— Мне жаль, что вам пришлось это пережить, — тихо пробормотал Эдвард, даже не зная, что может ещё сказать.

Он никогда не умел реагировать должным образом в подобных моментах.

— Все хорошо, Эдвард. А что привело тебя в этот мир? И как ты о нем узнал, мой дорогой? И каким образом, а главное, зачем ты сюда попал?

— Я не специально! — резко и встревоженно ответил на вопрос Эдвард. Вдруг Агата подумает, что Бредберри потенциально опасен? Нужно создать хорошее впечатление, чтобы его точно не захотели скормить каким-нибудь саламандрам. — Венсия Пришла в магазин, где я работал. И в старом зеркале я... Я... Увидел ее рога. Я испугался, а потом... Ну... Решил последить за ней, а там яркое свечение, и я... Ну... В общем, я оказался здесь, — Эдвард вдруг испуганно округлил глаза. А вдруг про то, что Венсия иногда покидает свой родной мир, никому нельзя знать? — Только не ругайте Венсию! Она очень хорошая и не выгнала меня, хотя могла...

Бредберри тяжело вздохнул, утомлённый долгим рассказом. Рядом с близкими людьми (как будто бы они у него были) говорить долго было гораздо легче, рядом с незнакомыми — подобно тяжкому труду. Голос ещё дрожит, заикаешься и задыхаешься, словно пять километров только что пробежал. Агата точно подумает, что у Эдварда задержки в развитии, раз ему так трудно просто ответить на вопрос. Лицо побелело, руки трясутся, как у деда с Паркинсоном, ладони вспотели.

— Я знаю, что Венсия раз в год бежит в другой мир, так

что не бойся, что выдал ее тайну, но другим правда лучше не говори об этом пока, и о том, что я из другого мира... тоже... В этом дворце не все так просто, — вздохнув, он на пару мгновений прикрыл глаза.

— Я никому не скажу, — серьёзно кивнул головой Бредберри. Венсия относится к нему с добротой, и, раз в этом дворце не слишком одобряются путешествия между мирами, Эдвард точно не хотел портить новообретённой подруге жизнь.

— Это правильно. У вас с Венсией красивая история знакомства, прям как в любовном романе ха-ха, но я рад, что твой путь в этом мире начинается таким образом, все-таки хорошо, когда сразу появляются такие хорошие друзья, как она с Мей, они ребята славные, а Венсия так вообще на тебя как на золото смотрит, так что держись их, — он чуть усмехнулся. — Прости, что-то я разговорился много... кажется, стареть начинаю ха-ха.

Нежность на сердце из-за мыслей об Алгениб тут же пропадает, и Эдвард бледнеет так, словно сама смерть. Какой это ещё любовный роман?! Какая, к чёрту, красивая история?! Через мгновение молодой человек заливается краской от ушей до пальцев ног. Разве можно так говорить о двух друзьях?!

— Н-нет тут никакой красивой истории как в любовном романе! — восклицает Эдвард, но эмоций слишком много, ощущение, словно сейчас задохнется от смущения. В итоге

парень хватает подушку и утыкается в неё лицом. Всё-таки пытается спрятать голову в песок, подобно страусу.

— Тише-тише, хорошо, я понял, с тобой про любовь шутить больше не буду, — похлопав юношу по плечу, усмехнулся мужчина. — А ещё вот, держи, — в воздухе мелькнуло алое пламя, а после на его месте возникла аккуратная бутылочка с нежно голубой жидкостью внутри. Поймав бутылочку, Агата протянул её Эдварду. — Это настойка на мяте, успокаивает и помогает хорошо спать, а то на тебе сейчас прям лица нет! Так боялся, что я узнаю, что ты на деле хорошо себя чувствуешь? Эх, юность удивительная пора!

Молодой человек покорно принимает бутылку из рук Агаты, а затем резко вздрагивает от ужаса. Лицо краснеет от стыда. Ну почему люди, действительно как страусы, не могут спрятать голову прямо в песок?!

— Это не правда! — лишь удаётся пропищать Эдварду.

— Ох, Эдвард, ха-ха, — смеясь, мужчина аккуратно положил ладонь на голову парня, потрепав того по волосам, создавая на светлой голове ещё больший хаос. — Такой ты забавный, однако, будь я на твоём месте и в твоём положении, так же бы сделал, не каждый же день вокруг бегают миловидная девочка эльф и прекрасная герцогиня великого рода. Не бойся, не расскажу им о твоём театре, тем более, тебя действительно магия немного потрепала, так что сам, пожалуйста, в ближайшие дни не колдуй и особо сильно не напрягайся физически. Мей, конечно, молодец, так хорошо выпол-

нила древний ритуал, но с силами Венсии она все равно не справилась нужно было другого эльфа или фею брать в пару, а не получеловека, еще и такого сильного, но не бойся, жив будешь и говорить на нашем тоже будешь, — убирая руку с волос парня и уже окончательно отсмеявшись, мужчина выдохнул, приводя в порядок дыхание.

Эдвард рассеянно хлопает глазами, наблюдая за тем, как мужчина смеётся, причём так искренне, словно услышал самый смешной анекдот на свете (интересно, а в этом мире есть сборники со странными анекдотами, которые читают только старики?) Да, может быть, Бредберри и дурачок, раз в его голове зародилась идея выдумать такое представление, но он мыслил фактически подсознательно, фактически не раздумывал над тем, насколько это мудрое и правильное решение — просто взял и сделал. Потому что захотел, потому что на мгновение решил, что последствия будут иметь сладковатый привкус. Возможно, со стороны его действия действительно казались глупыми и смешными. Эдвард словно маленький мальчишка, который притворяется, что разбитая коленка ну уж очень сильно болит, чтобы мама подула на ранку, пожалела и, быть может, даже купила шоколадку, пытаясь утешить сына. Может быть, она даже догадывается, что мальчику не так уж и больно, но понимает, что ему необходимо её внимание.

Вероятно, ментально Эдвард был не так уж и далёк от маленького ребёнка. Возможно, он и вовсе остановился в раз-

витии в том возрасте, когда погибли его родители. Глупый, неразвивающийся. Идиот. Слабый, жалкий. Бредберри опускает голову, но затем вздрагивает, когда чувствует на своих волосах ласковое прикосновение. Где-то на подкорках подсознания проносится воспоминание, как отец, уставший после работы, в ответ на долгий лепет сына о том, как прошёл его день, также ласково треплет по волосам и улыбается. Парень плохо помнил своих родителей, и это внезапное видение слишком ошарашило его. Эдвард вздрагивает, пытаясь отогнать воспоминание, и поднимает на Агату испуганный взгляд. В голосе мужчины нет осуждения или издёвки.

— Спасибо, — едва слышно в ответ отзывается молодой человек. Его секрет даже пообещали никому не раскрывать. Агата изначально показался Эдварду устрашающим, учитывая то, что даже Венсия в его присутствии вела себя странно, подобно нашкодившему щенку, но сейчас в груди он ощутил укол тёплых чувств. — Венсия настолько сильная? — зачарованно спрашивает Бредберри. Конечно, она ведь госпожа, да и вряд ли кто попало умеет открывать порталы, но услышать подтверждение из уст другого — совершенно иное ощущение. В конце концов, Эдвард действительно хотел узнать лучше о своей новой подруге и соседке в одном лице. Молодой человек чувствовал себя неловко и всё ещё стеснялся, но любопытство распирало изнутри.

— Ага, Венсия гораздо сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Хотя, думаю, факт того, что она смогла от-

крыть портал в другой мир и ещё и свободно там перемещаться, уже о многом говорит. Но я уверен, это ещё не весь ее потенциал у нее отличное сочетание предрасположенности к магии с обеих сторон. Ее отец был одним из сильнейших магов, связанных с драгоценными металлами, мать и вообще была феей-хранительницей великой магии воды, у обоих родителей был огромный запас сил, поэтому рождение у них гениального ребёнка было ожидаемо, в целом, магия Венсии порой не поддаётся оценке и остаётся загадкой даже для нее самой в столь зрелом возрасте.

Глаза молодого человека удивленно увеличиваются. Разумеется, Бредберри догадывался, что та не какая-то там слабачка, раз сумела оказаться в чужом мире, да ещё и весьма талантливо притворилась обычным человеком, но от осознания ее способностей даже мурашки по коже бегут. Не просто волшебница, а действительно сильный маг. Эдвард и не думал, что может прийти в ещё больший восторг от Венсии. Почему ему так повезло познакомиться именно с Алгениб, почему такая сильная и сказочно-великолепная девушка проявила к нему столько добра и участия? Эдвард слегка поджал губы: разве он заслуживал оказаться в эпицентре этой прекрасной истории? Обычный ничем не выдающийся юноша. Но Венсия действительно сдувала с него пылинки, симпатичная эльфийка крутилась рядом и дарила солнечную улыбку, и даже этот дядя целитель проявлял невообразимое радушие. Почему? Почему они все так хотят ему помочь?

Конечно, Эдварду очень приятно узнать о Венсии чуть больше. Он пока что не имел даже малейшего представления о том, как жила эта восхитительная девушка, разумеется, хотел узнать ее лучше, но ощущение того, что Бредберри банально не был достоин копать глубже, никак не пропадало. Оно становилось всё сильнее и сильнее.

— А сейчас? — вновь неожиданно осмелев, парень решается расспросить обо всем, что тревожило и волновало. — Сейчас ваша жизнь наладилась? Она стала лучше из-за того, что вы попали в другой мир? — на мгновение в светлых глазах сверкнула надежда. Пускай, у Бредберри не было за плечами такой же мрачной истории и ужасного жизненного опыта. Кто-то вообще скажет, что ему повезло. И всё же, в родном мире Эдвард страдал. От одиночества, от страха неизвестности, от скорби из-за потери родителей.

— Да, малыш, моя жизнь наладилась и стала лучше. В родном мире у меня была только больница, где я работал, и полное чувство одиночества, а тут... — он мягко улыбнулся, а в голубых глазах, которые больше не казались холодными, мелькнул мягкий огонёк. — Тут у меня любимая работа, возможность использовать магию, названная семья, друзья и фея, в которую я влюблён до потери сознания, так что я могу смело назвать себя счастливым человеком, чья жизнь пошла в гору после попадания в этот мир. Поэтому советую тебе хвататься за все возможности, что попадут тут в твои руки, у тебя буквально сейчас есть самый редкий шанс... шанс на-

чать все с начала.

— Фея? Тут и феи есть? — удивленно вздыхает Эдвард. Выходит, существа иной расы, эти волшебные и удивительные существа, подобные Мей, всё же могут выбрать в качестве спутника жизни простого человека? — А вы простите за вопрос вы на ней женаты? — робко спросил парень.

— Ага, малыш. Тут есть феи, эльфы, полулюди, зверолюди, русалки, сирены, грифоны, всякие подводные драконы и ящеры и кого только нет. Тебе угораздило попасть в самое разношерстное государство в этом мире. Поэтому готовься увидеть чуть ли ни всех созданий из наших сказок, — восторженно рассказывал Агата, но потом чуть-чуть притих, как-то смущённо взглянув на юношу. — И нет... — неловко продолжил он, — мы, к сожалению, не женаты, хотя я мечтаю об этом уже очень давно, мы пока даже не то чтобы ну... в отношениях... но мы живём вместе, и у нас прекрасные взаимоотношения она прекрасна, и мы вместе работаем. Считай, что мы пока на уровне «лучшие друзья», — неловко договорил мужчина. — Так что знай, что в этом мире есть шанс на то, что твоей пассией будет не человеческая девушка, — чуть смеется Агата, а потом почему-то становится серьезнее. — Вот еще один неожиданный совет тебе... на будущее... не горюй по тому, что осталось там, считай, оно тебе уже не нужно. Поверь, в скором времени все в этом мире затмит тот... но не будем о грустном, — он вновь усмехнулся. — Ты такой удивительный, сразу видно не из этого мира...

постарайся таким и остаться, но принимая все блага нового мира. Тут на самом деле гораздо свободнее, чем там, отчего такому эмоциональному юноше тут будет точно проще, чем в мире людей, которые нацелены только на себя, хотя, может, за три века люди поменялись и стали терпимее друг к другу, — пожав плечами, он аккуратно поднялся с постели юноши.

И всё же, рассказ Агаты немного вселяет надежду. Эдвард не знал, что будет делать, если через год его действительно отправят обратно. По сути, он окажется без дома и без близких людей, без денег, образования и работы. На улице. Обязательно ли ему вообще возвращаться? Но для этого нужно найти работу и жилье в этом доме, вряд ли Венсия согласится терпеть его вечность, да и скрываться от её брата долго не выйдет. Если Агата смог стать здесь знаменитым врачом, то, может, и у Бредберри что-нибудь получится? Хотя, если честно, он ничего не умел, не был социально адаптирован и к каждому изначально был настроен агрессивно, пытаясь скрыть страх. Признаться честно, после этого разговора Эдвард чувствовал себя потерянным. Ему нужно было решить, что делать со своей жизнью дальше. Вероятно, сначала стоило сосредоточиться на изучении языка. Может быть, в этом мире тоже можно работать каким-нибудь продавцом и жить в маленькой съемной квартирке?

Впрочем, перед Эдвардом открылся целый неизведанный мир. Как человек увлекающийся, он был обязан его изучить. Прочитать как можно книг, узнать про расы, про магию, про

то, как здесь всё работает. Если тут действительно настолько много существ, то у Бредберри целое огромное поле для исследований. Хотелось узнать всё, что только можно узнать, потому что всю свою осознанную жизнь Эдвард жил именно сказками — дурацкими фэнтезийными книжками, которые вселяли веру.

Эдвард искренне хочет верить, что здесь, в этом мире, его жизнь сложится лучше. Как минимум, тут у него уже появились друзья. По крайней мере, Бредберри надеялся, что Венсия и Мей станут считать его другом, в родном Лондоне парень был одиноким.

— Ну что ж, Эдвард из Лондона, у тебя ко мне есть ещё какие-нибудь острые вопросы или можем знать Венсию? — мягко улыбаясь, спрашивает мужчина, весело смотря на парня.

— Я думаю, следует позвать Венсию. Не хочу, чтобы она волновалась, она очень испугалась за меня, — смущённо пробормотал Эдвард. Ему всё ещё было немного неловко из-за того, что его мелкий обман раскрыли.

— Хорошо, я позову ее, а сам пойду соберу тебе сбор из трав, чтобы облегчить сон. Пришлю его с Мей, а пока до встречи, Эдвард из Лондона, — мило улыбнувшись, мужчина легко опустил руку на волосы юноши и вновь нежно их потрепав, направился в сторону дверей, скрывшись за ними.

— До свидания, — вздохнул на прощание Эдвард. — Надеюсь, ещё увидимся, — тише добавил он.

Буквально через минуту после ухода Агаты, в комнату чуть ли не вбежала Венсия, встревоженно смотря на юношу.

— Золото мое... все хорошо? Агата не нашёл ничего страшного? Тебе ничего не угрожает? Вы так долго говорили... я невольно худшее представила — она тяжело вздохнула, вновь сядя на пол напротив юноши.

Эдвард ощутил мягкое спокойствие, но потом нахмурил брови. Он вообще-то всё ещё помнил о том, как Алгениб пообещала быть рядом, а потом оставила его наедине с этим огромным страшным целителем!

— Вы предательница! — фыркнул Эдвард, смирив Венсию недовольным взглядом, глядя на нее сверху вниз. — Вы мне что сказали? «Я буду с тобой, Эдвард, столько, сколько ты мне позволишь быть рядом», — кривляясь повторил Бредберри. — А сами смылись!!! — но в чужих глазах было столько тревоги, что злиться на нее было невозможно. Пока что Эдвард даже не мог представить, что именно должно произойти, чтобы он разозлился на Венсию по-настоящему. — Со мной всё нормально, в смысле, мне нужно немного отдохнуть и попробовать какие-то странные травы, и буду в порядке, — более мягким тоном ответил на вопрос Бредберри.

— Боги... Эдвард, прости, пожалуйста, я больше не повторю такой оплошности, но давай договоримся, что Агаты этот уговор касаться не будет, — она улыбнулась, глядя в глаза напротив. — Он уж слишком серьёзным порой бывает, да и с

даром его столкнуться не хочется, — она, выдохнула, поправив волосы. — Тогда, пожалуй, на сегодня экспериментов точно хватит... тебе действительно стоит отдохнуть, осталось лишь дождаться травы из аптеки.

Даже забавно осознавать, что герцогиня богатого имения, наделённая какой-то суперкрутой силой, так сильно опасается доктора с параллельного мира. Губы Эдварда задевает едва заметная улыбка, когда он смотрит на оправдывающую Венсию. Вероятно, Бредберри уже проникся каким-то слабым доверием к Агате, в конце концов, в целом мире чужих непонятных существ только этот мужчина мог его понять по-настоящему. Они ведь из одного мира. Да и не хотелось слишком сильно зависеть от Венсии вдруг надоест ему ещё.

— Венсия, — вдруг чуть тише добавил он, — А потом ну когда мне станет лучше, когда я адаптируюсь, когда вы меня чему-то научите — терзающий душу вопрос застыл в горле, но Эдвард сжал пальцы в кулаки, намереваясь его озвучить, — Потом, когда я уже смогу ну справляться сам в смысле, господин Агата мне сказал, что время в моём мире идёт иначе, и если я вернусь даже через год, то то там пройдёт очень много времени, и вернусь в некуда, — несколько печально произнёс Эдвард, после чего тяжело вздохнул. — Меня уже выгонят из университета, моя квартира уже не будет моей, моя работа уже не будет моей. Моя сестра меня забудет. И кошка Маркиза! И её хозяин и преподаватели. Я знаю, что

я прошу много, но если я останусь в этом мире, вы можете помочь мне, ну, тогда, потом, найти мне жилье и ну работу? Я мало что умею, но я буду стараться! И учиться буду! И я обязательно потом вам всё верну, я отплачу вам за помощь. И за то, что сейчас помогаете, я обязательно отплачу! Столько, сколько скажете! Просто ну мне больше не у кого просить помощи у меня вообще больше никого нет. Ни в том, ни в этом мире.

Сказанные просьбы отразились на лице Алгениб какой-то неясной тревогой и волнением. Эдвард в момент ощутил себя глупо, он уже успел выдумать, что желает слишком многого, что Венсия вообще не планирует с ним возиться, и к себе приютила на время и исключительно из чувства долга (сама же привела сюда), просто хочет подарить Эдварду какой-то фундамент, а достраивать домик отправит уже самостоятельно. Венсия не обязана возиться с Бредберри, она хоть сейчас может его выгнать.

— Заранее прости, пожалуйста, — негромко произнесла волшебница, а после лёгким движением, наклонившись к юноше, заключила его в крепкие, но при это очень аккуратные объятия.

У Бредберри от неожиданности и физического контакта перехватило дыхание. Чего это вдруг на нее нашло?.. Парень почувствовал, что краснеет. Когда там в последний раз он обнимался?.. А, никогда?.. Эдвард даже не знал, куда ему деть руки. Он неуверенно похлопал Венсию по спине, пока

в груди взрывались целые планеты.

— Эдвард, разумеется, я помогу тебе, но... я больше скажу, ты можешь даже не думать ни о квартире, ни о работе, пока сам не будешь полностью уверенным в своих силах, да ты в целом можешь о них никогда не думать! — не отпуская Эдварда из объятий, Венсия взглянула в его глаза. — Ты можешь хоть всю жизнь жить в моем доме. Когда ты освоишься в общении с моими близкими слугами, тебе выделяют отдельные покои, которые буквально будут только твоими и ничуть не хуже моих. Я буду готова помогать и защищать тебя хоть до скончания веков, и столько же ты можешь считать этот дом своим, ведь ты мой... друг, — она мягко улыбнулась, все ещё глядя на юношу. — И ради тебя и твоего комфорта я не пожалею ни сил, ни средств, обещаю тебе, Эдвард! И я уверена, что и мой близкий круг тоже, по крайней мере, Мей и Агата уже точно!

Эдвард грудью ощущал биение сердца Венсии, а сердце, как известно, не может дать соврать. В ее светлых глазах было столько тепла и нежности, что Бредберри действительно не мог сомневаться в искренности всего сказанного. Но почему? Почему Венсия такая, почему такая хорошая, для чего ей тратить столько сил на какого-то парня из параллельного мира, с которым знакома всего пару дней? И всё же, эти слова тронули Эдварда слишком сильно. Никто и никогда не говорил ему ничего подобного, никто и никогда не говорил, что будет защищать его целую вечность. И до этого у Эдвар-

да никогда не было друзей, он знал, что значит «дружба» исключительно из книг. Парень почувствовал, как от важности момента у него заслезились глаза. Чтобы Венсия не увидела этого позора, Бредберри уткнулся лбом в ее плечо, сжал ее талию обеими руками. Эдвард не умел говорить, более того — он банально боялся выражать свои чувства словами. Кажется, именно для этого придумали объятия. Чтобы сообщить о чем-то без слов.

Глава 4. Воспоминание о грешном жаре, часть 1

В то время пока в комнате Венсии влюбленная парочка купалась в море эмоций, Агата уже почти дошёл до выхода из дворца семьи Алгениб, при этом все так же будучи глубоко в своих мыслях. Эдвард сам того не зная подарил мужчине море тем для рассуждений через беседы с самим собой, однако не все эти темы можно было назвать лёгкими. Как бы он не пытался бежать от этого, но мысли о прошлом сейчас были основным составляющим бури в голове гениально-го целителя. Всплывали картины его юности в мире людей, когда единственным его заботами было закончить учёбу и отстоять свою честь перед нянькой за зря потраченные деньги и постараться не попасться за не самыми благородными занятиями отцу. Вспоминал и первые осознанные шаги в медицине, и путешествия с отцом, первых пациентов, первую любовь... удивительно, что он все равно ненавидел свой родной мир всей душой, ведь как много именно там у него же и отобрали. От таких личных размышлений голубые глаза стали буквально ледяными — со стороны он точно выглядел сейчас не как добрый и спокойный целитель, а скорее был похож на воина, только вернувшегося с поля битвы.

Но все этим мрачные мысли как рукой стерло лишь одно

воспоминание, от которого на губах серьёзного мужчины засияла улыбка.

Воспоминание о том, как началось его самое главное волнение в этом новом мире, любимое переживание. Всё это произошло довольно давно, но он помнил все так, словно это произошло вчера.

— Слышали о страшном заболевании, что поражает несчастных дам? — шепотом произнёс один из мужчин в дорогом наряде, слегка наклонившись к своему товарищу.

— Ох, страшная напасть! Видел недавно жену господина Адлера. Помните её? Красивая, нежная, утонченная. Сейчас лицо и руки её покрыты страшными язвами. Я случайно увидел, муж тут же попытался спрятать это уродство.

— Какой кошмар! — вздохнул первый господин, покачав головой. — И ведь даже не сделаешь ничего с этим. Имею ввиду, теперь по гроб жизни терпеть рядом с собой эти... язвы. Видать, господин Адлер ну очень сильно любит свою жену, раз все равно заботится о ней.

— Да-да, я даже не знаю, смог бы я так. Меня моя жена, если уж быть до конца честным, и так достала до невозможности, а если бы ещё в уродину превратилась...

— И не говорите! Как благородны мужья этих жен.

Господа сидели в уголочке на первом этаже огромного зала, в котором происходило роскошное мероприятие с выпивкой и танцами — как всегда, особенно неуместное, но

феи были скупы на эмоции по отношению к чужому горю, а ещё считали, что страшная и неизвестная болезнь ни в коем случае их не коснется. Возможно, всех остальных прокляла фейская Богиня Рохесия, а их проклинать, разумеется, не за что. Так вот, господа, сидевшие внизу на бархатном диване и тянущие вино, делясь сплетнями, конечно, никак не могли заметить, что за ними уже несколько минут наблюдают с балкона.

Госпожа Иветта фон Винтерхальтер, дочь именитого князя — а все князья, как известно, являлись родственниками короны, — тоже никак не могла пропустить светский раут, куда её так любезно позвали. Особенно сейчас, когда положение в обществе стало ужасно шатким. Она была раздражена до предела, почти что не спала ночами и едва-едва появлялась в недавно купленном милом домике. Иветта всегда была готова сгореть дотла ради других, но всех её усилий не хватало, чтобы исправить положение. О, какая это была мука!

— Но самое ужасное во всей этой ситуации то, что наша больница, — понизив голос, произнёс второй господин, — будто бы совсем ничего не предпринимает.

Госпожа фон Винтерхальтер болезненно зажмурилась и едва сдержалась, чтобы не разразиться громкой вспышкой молнии. Рассуждать проще, но на самом деле больница делала все, чтобы помочь несчастным дамам. Кому как не ей, владелице лучшей столичной больницы, знать об этом? Му-

жья сами чуть что сразу выбирали бежать, чтобы не видеть своих жен, уродливые шрамы и язвы пугали их, и вся любовь, что, возможно, когда-то тлела в их сердцах, испарялась. Дамам была нужна поддержка, но в итоге вместе с болезнью они получили ещё и мучительный страх оказаться покинутыми и ненужными. К сожалению, положение женщин было довольно шатким в обществе. Иветта сталкивалась с этим каждый день.

— Ну чего вы хотели? Про нашу больницу только и могут языком чесать о том, какая хорошая, но чешут-то явно лишь те, кому её прекрасная хрупкая хозяйка хорошенько отсосала. Не верю я, что девчонка может быть хорошим целителем, начальником — тем более.

О чем и речь. Иветта сомкнула губы, накрашенные голубой помадой, в тонкую линию. Не то, чтобы сильно обидно, ведь слышала эти лестные речи почти каждый день, а уж сколько раз за поддержку больницы ей предлагали раздвинуть ноги... по пальцам не посчитаешь. Но сейчас это звучало особенно неприятно, потому что госпожа фон Винтерхальтер действительно чувствовала, что не справляется с возложенной на себя ответственностью. Она закончила академию лучше всех, потом познавала медицину со всех ракурсов и возможностей, поглощала различные её разделы и отчаянно рвалась вперед, пытаясь стать самой умной, самой лучшей, чтобы уметь справиться с любой болезнью. Как известно, многие болезни, что были вызваны не травмами, бра-

ли своё происхождение именно из магии. Её ядовитые осадки обитали везде и запросто могли коснуться особенно ослабевшего существа. Но данная болезнь будто бы не подчинялась логике. Иветта испробовала всевозможные методы лечения и начала уже придумывать свои, но болезнь не отступала. Фея даже не могла понять, где находится корень проблемы, все было слишком странным.

Она чувствовала себя такой глупой, такой никчемной, будто бы все слова о том, что она всего лишь девица, умеющая правильно раздвигать ноги, оказались чистой правдой — и все узнали об этом.

— Я тоже думаю, что дело исключительно в её чудесной внешности. Она как куколка. Я верю, что даже сам король не смог устоять, — похотливо усмехнулся мужчина. — Кстати, о целителях. А я тут украдкой слышал, что какой-то целитель все-таки смог обуздать страшную болезнь. Говорят, из бедного района. Представляете? Какой-то человечиска смог, а наша куколка — нет. Это все-таки многое говорит о дамском уме.

Иветта нахмурила светлые брови и прислушалась ещё более усерднее. Если в этом мире существовал кто-то, кто смог бы помочь ей одолеть болезнь, ей нужно было найти его. Ради пациентов, ради несчастных дам, от которых пришлось спрятать все зеркала в больнице, потому что они постоянно рыдали.

— Первый раз слышу. Что вы говорите?! — заинтере-

сованно воскликнул другой господин. — Никогда в жизни не поверю, что люди на такое способны. Думаю, тут что-то определенно не так.

Если честно, то Иветте уже надоело слушать эти бесполезные сплетни, так что она, придерживая своё прекрасное платье, ловко перелезла через перила балкона и на крыльях медленно опустилась вниз, к тем двум господам, которые теперь шокировано и пристыженно смотрели на госпожу фон Винтерхальтер.

— Господа, сплетни вас совсем не красят, уж поверьте, — присев в реверансе, произнесла Иветта. — Мои уши почти свернулись в трубочку от грязных слов, которыми вы обменивались. Такое поведение ничем не отличает вас от грязных людей, погрязших в разврате и слухах, — на самом деле, сама она ничего против людей не имела, но фраза колко ударила по самолюбию мужчин.

— Г-госпожа, как много вы слышали? — промямлил один из них.

— Достаточно, — холодно отозвалась Иветта. — Но меня ваши грязные сплетни не волнуют. Однако же, если в этом мире действительно появился целитель, что лечит новую болезнь, я бы хотела узнать больше. Кто он? Где живёт?

— Госпожа, все-таки подслушивать чужие разговоры — дурной тон, — с усмешкой заключил другой мужчина.

— Дурной тон — говорить, что запросто откажетесь от своей жены, если она заболит! Дурной тон — это вы, вы хо-

дичее его олицетворение! Мужчины! — взмахнув руками, раздраженно бросила она. Где-то вдали прогремел гром. — Вы отвратительные и гнусные фейри, весь ваш мир — похоть и грязь, и я бы предпочла в это не лезть. Мне нужно имя и адрес. И все. Тратить на вас время я не хочу, так что, если вы вдруг решите продолжить эту игру, мне придется применить иные методы, — она вытянула вперед руку, демонстрируя, как по ладони, укрытой белой перчаткой, скачут молнии. Маленькие, сливаясь, постепенно становились все больше и больше.

— Госпожа, оставьте! — с легким испугом произнёс один из мужчин. — Кажется, фамилия его Лю. Больше не знаю, клянусь!

— Благодарю, — холодно отозвалась Иветта, тут же разворачиваясь, чтобы уйти из зала. Находиться здесь было настоящей мукой.

— Какой нрав! — прошептал один из господ за спиной, но фея ушла ещё недостаточно далеко, чтобы не услышать. — Укротить бы ее хорошенько. Клянусь, я знаю столько методов по укрощению таких непослушных девочек...

Иветта раздраженно закатила глаза и поспешила прочь.

— Господин Лю, а это...это точно поможет? — испуганно произнёс получеловек, нервно ерзая на кушетке и с опаской поглядывая на высокого мужчину, который возился с баночками и прибором, чем-то напоминающим сосуд для благо-

воний, что-то насвистывая себе под нос. — В прошлый раз после этих... ингаляций, мне так дурно было, что думал умру вовсе! Думал, наизнанку вывернусь — так плохо было... может, я уже все? Здоров? А то, что осталось это, ну.. может, что-то другое? Может, больше не надо?

— Господин Меттерних, я же говорил, что ещё минимум три ингаляции, — усмехнулся целитель, косо взглянув на больного. — Ваша жена уже перенесла столько же, сколько и вы, при этом думая, что это модная в стране великанов процедура для омоложения и борьбы с проблемами кожи... может, мне все-таки стоит рассказать, откуда и почему на её теле появились такие страшные язвы? Почему они не проходят? Раз уж вам так не хочется заканчивать курс и быть здоровым, то чего ж терять? — в его взгляде было только раздражение. За последний месяц ему уж слишком часто приходится сталкиваться с аристократами, ещё и не просто с какими-то, а с полулюдьми и фейри, которые с порога заявляли, что он им всем обязан. — Я целитель, не могу насильно заставлять вас лечиться, но ради жены, которая подарила вам сына, побудьте хоть немного настоящим мужчиной, а не скулящей перед кобелём сучкой.

— Да как да как ты смеешь?! — возмущённо воскликнул получеловек. — Знаешь, что я с тобой сделаю за такие слова?! Знаешь, на что я способен?!

— Засунуть член в проститутку, а потом принести в дом страшную болезнь — вот на что, — тяжело вздохнул мужчи-

на, словно не обращая внимания на вопли и претензии больного. Он закончил все приготовления и протянул Меттерних прибор для ингаляции, из которого уже начинал идти пар. — Либо вы лечитесь, либо я вас выгоняю. Разговор прост.

— Если бы вы не были единственным, кто лечит эту напасть... то вы бы уже были мертвы, — злобно прошипел получеловек, принимая в руки прибор и с недовольным лицом начиная дышать паром.

— Вы пятый за день, кто так говорит, — усмехнулся мужчина, пока вокруг него начинал образовываться едва заметный круг из алых тонких нитей. Хотя он и использует ртуть для лечения больных, самому попадать под раздачу не хотелось. Как же было прекрасно, что его удивительная магия крови могла отлично защитить даже от паров ртути.

И всё-таки он определённо устал от всего происходящего. Его жизнь почти стала той самой сказкой, к которой он стремился! Уютный домик-кабинет, любимая работа, которая стала в разы интереснее с магией и особенностями этого мира, у него даже уже были пациенты, но в разумном количестве и в разумное время. Все было превосходно, пока на столицу не обрушилась скрытая от глаз большей части народа эпидемия.

По слухам, все началось неожиданно. Жену одного известного аристократа поразили страшные язвы, и её состояние становилось только хуже, потом ещё одна аристократка слегла, и ещё, и ещё... даже страшилки ходить стали: мол,

только знатных дам берет эта зараза, но Агата, будучи врачом, из бедного района, прекрасно знал, что берет эта зараза всех и началось это далеко не с жён аристократов. А ещё он знал, что эта болезнь слишком уж похожа на ту, с которой боролись в его родном мире. На сифилис. Вот только откуда ему взяться в этой розовой сказке, мире, наполненном магией? И пусть первыми болеть стали проститутки и их бедные клиенты, все равно болезнь не могла взяться из неоткуда.

По началу ему просто было любопытно узнать, точно ли это сифилис. Потом к нему стали приходить больные, глядя на которых страшно становилось даже ему. Но оставить людей без помощи он как врач просто не мог, поэтому стал экспериментировать... и доэкспериментировался до того, что каким-то чудом про него и его успехе в лечении новой страшной заразы узнали аристократы, которые не могли держать свой член в штанах, и его милый маленький домик превратился в проходной двор! Нет, ему не сложно помочь, он искренне переживает за каждую женщину, которую могли заразить эти тупые мужланы, но он же тоже человек! Он устаёт... особенно когда последние дни совершенно не удавалось выпастся. Ночью походы в бордели, чтобы хоть как-то помочь несчастным девушкам. Проститутки страдали не только от болезни, но и от клиентов, что после обнаружения первых симптомов старались выместить всю злость на девушках, от чего Агате работы в двое больше было. А днем он принимал всех этих несчастных аристократов и иногда их

жён, которых было, разумеется, жаль больше всего во всей этой ситуации. И в таком ритме мужчина буквально не находил времени просто отдохнуть, что отражалось в его синяках под глазами, и в том, что стоило ему присесть за свой стол, пока больной дышал ртутью, как он тут же начинал клевать носом.

— Всё! Эта штука перестала работать! — заявил получеловек, отставляя от себя в сторону ингалятор и слезая с кушетки.

— Ну наконец-то, — выдохнул Агата. — Вот, возьмите это для жены, пусть мажет язвы два раза в день. Жду её завтра! — он кинул баночку с мазью аристократу, а сам поднялся с места, чтобы выпроводить его и закрыть уже дверь до утра.

— Ах... спасибо, господин Лю, вы это... простите... сами понимаете... — речь получеловека прервал стук в дверь. — Ох, у вас уже ещё один пациент?

На лице Агаты отразилась всемирная боль и усталость, стоило ему услышать этот заявляющий о многом стук.

— Да-да, так что валите уже скорее, — буркнул мужчина и, распахнув дверь, буквально выпихнул Меттерних за дверь.

— Чокнутый грубиян! — закричал аристократишка, но потом заметил того, ради кого его так нагло выбросили из неприглядного домика. — Оу, ну ради такой красавицы я бы тоже так же кого-то выкинул за дверь... ой... стоп... — на его

лице отобразился ужас. — Так ты тоже больная! Какой же мерзкий район! — тут же получеловек со всех ног бросился чуть ли не бежать прочь.

— Давай-давай! Беги быстрее! Только больше не трахай никого! — крикнул ему в след Агата и теперь уже посмотрел на того, кто же к нему пожаловал. — Простите пожалуйста, порой больные очень слож-

Голубые глаза широко распахнулись от восторга, а сердце словно пропустило удар.

— Лю Агата? — спросила с раздражением гостя, брезгливо поморщив носик. Пришлось высоко задрать голову, чтобы посмотреть на этого чело... великана! — До меня дошли слухи, что вы умеете лечить новую болезнь. Меня зовут Иветта фон Винтерхальтер, для вас — госпожа фон Винтерхальтер. Я хозяйка главной столичной больницы, я здесь для того, чтобы вы перестали обманывать несчастных существ, которые обращаются к вам за помощью. Это подло и низко. Признайтесь сразу же, каким образом вы дурите их головы и травите их тела. Не признаетесь — я сама докопаюсь до истины и уничтожу вас.

Он смотрел на чудо, на искусство... нет, он смотрел на Богиню, иначе нельзя было сказать. Он не мог пошевелиться, не мог дышать, даже моргать не мог. Он просто смотрел на неё, слушал удивительный голос, а по итогу, кажется, умер. Что такая красавица забыла в его больнице? Ах, она что-то говорит про болезнь... боги, она тоже целитель, такая пре-

красная и юная, а уже борется со злом всего мира и спасает жизни. Что за удивительная девушка?! И она пришла к нему?! Боги, если это подарок за то, что он переживал последний месяц, то самый лучший!

— Госпожа фон Винтерхальтер, не нужно так переживать. Хотя, если вы в стрессе, я легко помогу вам его снять вместе с вашей одеждой! — игриво усмехнулся мужчина, подмигивая сказочной красавице. — Но ваши обвинения совершенно беспочвенны. Вы только что видели, как убежал больной. Думаете, он с таким обращением приходит сюда, чтобы просто быть обманутым? Явно же за пользой. Но ладно, ради ваших голубых глаз, я раскрою вам все секреты. Проходите! — мужчина отошёл в сторону, пропуская женщину в свой дом. Он всеми силами старался держать невозмутимое лицо, но от одного взгляда на неё хотелось улыбаться. А ведь она пришла сразу с вопросами про болезнь, точно за каким-то делом с ней связанным, а не позвать его на свидание, значит точно нужно быть серьёзным.

— Свои омерзительные высказывания при себе оставьте, — раздраженно бросила Иветта. — И мне недостаточно одних ваших жалких убеждений, чтобы поверить вам. Мне нужны доказательства.

Фея неуверенно проходит в дом, с нескрываемым ужасом оглядываясь по сторонам.

— И ничего мои высказывания не омерзительные, просто я, как настоящий мужчина, не мог не выразить свое искренне

восхищение вами, моя дорогая гостья, — усмехнулся Агата, с интересом глядя на свою гостью. — Вы если что почувствуйте себя как дома. В моей маленькой обители всегда рады красивым искренним гостям. Присаживайтесь на кушеточку, эта болячка только через секс передаётся, а вряд ли нам с вами это в ближайшее время грозит, — смеётся Агата поправляя очки, которые немного сползли на нос. — Радует, что великая больница заинтересовалась наконец-то этой болезнью, а то я уже со всем высшим светом познакомился, пока лечил аристократов. Знали, кстати, что у мужчин от этой болячки член отвалится может? Не знали? Ну, теперь знаете, — смеётся мужчина, закрывая за женщиной дверь и возвращаясь в свое кресло за столом.

— «Наконец-то»?! — вспыхивает Иветта, так и не присаживаясь на кушетку, словно специально проигнорировав великодушное предложение. — Столичная больница занимается поиском лекарства уже долгие недели, я лично делаю все, чтобы сохранить жизни несчастных женщин — и пока что у меня вышло только стабилизировать их состояние, не позволяя болезни прогрессировать. На меня работают лучшие целители страны, и вы думаете, что я поверю, что какой-то высокомерный придурок просто взял и победил эту страшную болезнь?!

И всё-таки его гостья была удивительной. Невысокая, с хрупкой фигуркой, большими голубыми глазами, которые смотрят словно в самую душу. Ну просто ангел воплоти, и

точно не из простого рода. По одежде, по тому, как она держала осанку, да даже по тому, как именно были заплетены в косу её длинные волосы можно было сразу понять, что эта дама из аристократии, которая минимум хоть раз лично видела короля. И если это и правда хозяйка той самой больницы, то она вроде бы княжна. Эх, Агата раньше вообще почти на девушек не заглядывался, а тут сразу на княжну... нет, переутомление точно плохо сказывается на работе мозга. Он же кто? Обычный целитель из подворотни, а она... ох, как же красиво она ругается! И ведь ругается на самого Агату, на его слова, но для мужчины это звучит словно музыка, и он с беззаботной ухмылкой смотрит на прекрасную Иветту фон Винтерхальтер, словно она только что не втоптала в грязь все его заслуги и деяния.

— Головы я, кстати, никому не дурю, мои лекарства реально работают, и я уже вылечил значительное количеством фейри и не только. Просто если в известную больницу идут жены, то мужья все тут... там, где нет официальных бумаг и лишних глаз. Этим лечу, кстати, — Агата подхватил со стола пузырёк с блестящей жидкостью и кинул гостю в руки. — Я зову это ртутью. Да, побочные реакции сильные и страшные, но зато точно лечит. А вообще лучше всего бы лечила принудительная кастрация изменщиков и фанатов борделей!

Она ловит баночку с лекарством и с искренним недоверием крутит в руках.

— При чем тут бордели? При чем тут измены? — она мор-

щится, словно пытаясь успокоиться, но злость и раздражение с каждой минутой становятся только сильнее и сильнее. — Какие у этого вещества побочные эффекты? Мне плевать на каждого мужчину, который страдает этим заболеванием, но несчастных женщин, брошенных этими мужчинами на произвол судьбы, я спасу любым путем, даже если мне придется терпеть вас еще несколько ближайших минут.

— То, что вы стабилизировали больных — это хорошо, но как же вы так работаете и боритесь, что до сих пор не попытались выяснить, откуда взялась эта болячка? Надо же понять, как она распространяется, чтобы для начала просто притормозить это распространение, а уже потом врываться в дом к честному целителю и ругаться на него,

— Не учите меня лечить, Агата! — раздраженно бросила Иветта в ответ на колкое замечание.

— Я не учу вас лечить, — смеётся мужчина. — Лечить вы точно умеете и даже лучше, чем я, в этом я уверен на сто процентов. Просто вы именно целитель, вы спасаете жизни, для вас важно вылечить болезнь, а понять — это уже вторично, видимо. А я просто любопытный, — он поправляет свои волосы и внимательно смотрит на женщину. По ней видно, что она явно все ещё не лучшего о нем мнения. В дивном, похожем на музыку голосе, слышится раздражение, а во взгляде все ещё холодные и колкие искры, но даже так она была похожа на удивительную богиню. Ещё эти её крылышки за спиной они очень отличались от крыльев фейри,

которые ему доводилось видеть, и были ещё одним подтверждением того, насколько же сильно эта женщина особенная. Так что не удивительно, что именно от неё он не мог оторвать глаз, именно её хотелось изучить и узнать, именно от её ледяных речей сердце пропускало удар. Не важно, что княжна, в первую очередь она самая прекрасная женщина в двух мирах, а уже потом носительница солидного титула.

Агата скорчил страдальческую рожицу, но потом вздохнул и вытянул руку в сторону одной из многочисленных полок, заваленных тетрадями и книгами. От его руки к полке устремились несколько алых нитей, которые обхватили одну из тетрадей и поднесли её к Иветте.

— А вот бордель и измены тут при том, что именно оттуда все и началось. Как я выяснил, сначала начали болеть проститутки из-за плохого обращения и условий. Первые симптомы не заметили, и проститутки стали заражать клиентов, а те нести эту дрянь в дом к верным жёнам, — мужчина тяжело вздохнул. — В этой тетрадке я записал разговоры с пациентами, которые рассказывали о своих похождениях. Я не уважаю тех, кто прячет факт своей измены и вообще изменяет, так что там есть и имена, и фамилии... если они не выдуманные, может, найдёте какие-то совпадения с вашими пациентками.

— Болезнь передаётся через половые сношения? — со скептицизмом спросила Иветта, листая тетрадь. На магические трюки Агаты она не обратила совершенно никакого

внимания. Среди списка имён действительно были те, кто мог быть мужьями пациенток в больнице. — Вы утверждаете, что болезнь передаётся через половые сношения. Но что именно её вызывает? Я лучше всех в стране специализируюсь на магических болезнях, но этот случай... заставляет меня думать о том, что магия тут не при чем, — тяжело вздохнула Иветта, впервые позволив себе показать, насколько сильно ситуация заставляет её волноваться.

— Ну вот, о чем я и говорил! Работали бы вы в таких же свободных условиях, как и я, точно бы уже сами нашли лекарство! — весело улыбнулся Агата, хотя от вида того, как же всё-таки сильно волнуется женщина, сердце больно кольнуло. — Это и есть немагическая болезнь. Всему виной бактерии, такие маленькие организмы, которым очень нравится жить внутри организмов побольше. Я бы сравнил их с паразитами, но от этих труднее избавиться. И собственно поэтому и лекарство такое ядреное. Вы же вряд ли если бы хотели отравить человека, делали бы это фруктовым соком? Вот и с бактериями так же, чтобы они сдохли нужно целенаправленно их убить без жалости. Опять-таки в стране, откуда я родом, об этих товарищах узнали исключительно благодаря тому, что там не было магии тут же все слишком на ней завязано, и я понимаю, что даже предположить, что во всем виноваты какие-то там микросущества, наверное, страшно и сложно... но это жизнь, и она меняется.

Слова Агаты заставляют фею нервно дернуться и широко-

ко распахнуть глаза. Нет, мир, конечно, огромен, каждый день происходили разные события, трудно было отрицать, что многое ещё было неизученным, ведь оставались совершенно никем не изученные земли, вот только... мужчина буквально рассказывал о новой расе, которая якобы селилась внутри существ и вызывала страшную болезнь. Почти паразиты, только нечто другое.

— Вы же понимаете, что ваше заявление может быть весьма значительным и весомым для всей медицины? Вы же понимаете, что нельзя такое заявлять без оснований и доказательств? Это почти как сказать, что нас создали не Боги, а какие-то инопланетные существа ради экспериментов. Вас могут принять за сумасшедшего, если будете так смело разбрасываться столь громкими заявлениями. Какие у вас есть исследования, прямые доказательства? Я хочу видеть и знать все, чтобы понять, что вы не опасны. Пока что, к сожалению, картина вырисовывается печальная. Вы просто-напросто одинокий странный мужчина, который за просто так лечит пациентов, хотя на деле травит их организмы ядом, и рассказывает очень странные сказки.

Видимо, как бы он не старался произвести приятное впечатление, как бы не пытался быть честным и искренним, пробить лед сомнений этой удивительной женщины было сложно. Это, конечно, было понятно, её статус и положение в обществе конечно же не позволяли ей доверять любому дураку, даже если он безумно обаятелен и загадочен, это печаль-

лило. За последние десятки лет, да что там — за всю жизнь! — Агату впервые так сильно заинтересовала женщина, она отличалась от всех этих нежных барышень, которые ходят по балам и стоят там с самым грустным видом, строя из себя скромниц; от бунтарок, которые пытаются идти против системы, ругаясь с мамой и папой на том же балу, она тоже отличается. Он вообще ни разу не видел женщины такого типажа как Иветта фон Винтерхальтер! А неизвестность всегда привлекает, особенно когда ещё и обладает такими прекрасными глазами, в которых порой словно молнии сверкали.

— Ну вот зачем так жестоко, — наигранно надувает губу Агата. — Как только человек хочет жить спокойную жизнь и использовать силы и знания так, как хочется ему, но на минутку все равно с благими побуждениями, так он сразу трус, — он поправил очки. — Хотя вам, наверное, можно называть меня трусом, всё-таки в отличии от кучи других целителей, вы сорвались с места, стоило вам только услышать о возможности вылечить эту болезнь, в то время как остальные сто процентов даже бы не подумали сунуться в этот прекрасный райончик. Так что да, вы в отличии от них и меня точно смелая! — он мягко улыбнулся, глядя на прекрасную женщину.

— Ладно, мне не интересны ваши скучные исповеди и причины, — закатывает глаза фон Винтерхальтер. — Хотели сидеть и не высовываться, словно последний трус — ваше право. Мне все равно. И оснований доверять вам у меня все

ещё нет. Вы так и не сказали ничего про побочные эффекты вашего хвалёного лекарства. Неужели боитесь, потому как как они настолько сильные, что вас обязательно осудят за его применение? — она издевательски улыбнулась.

Агата, впрочем, не обратил внимания на её язвительный тон. Вопросы женщина задавала не мало, но это и было ожидаемо: всё-таки она пришла именно за тем, чтобы получить ответы. Да и как не рассказать все этой прекрасной богине? От одного взгляда на неё хочется уже наизнанку душу вывернуть, чтобы она все рассмотрела и потрогала, а тут всего-то какие-то медицинские знания.

Ещё парочка нитей направилось от руки мужчине к полке и преподнесла другую тетрадь Иветте.

— Лекарство вызывает слабость, бледность, снижение веса, дрожь, зубы выпадать могут. Все симптомы отравления от бледности до рвоты и всего далее по списку... это только из того, что я уже заметил. Но честно говорю, несмотря на все это, польза есть, да и с целительной магией все это не сложно убрать, когда главная болезнь отступит, — Агата серьёзно посмотрел на Иветту. — Господин, которого я выкинул у вас на глазах, один из немногих, кто привёл ко мне ещё и свою жену. Конечно, под предлогом, что я смешной шаман с интересными рецептами красоты, ведь её начинали волновать появляющиеся язвы... мы остановили распространение за пару применений. Её болезнь была ещё не в самом разгаре, но все-таки согласитесь, что результат совсем не плох.

С помощью уже своей магии я не дал побочкам испортить ей жизнь, и вот уже одна душа точно спасена, сделал ей еще мазь на основе этой же ртути, надеюсь, что теперь язвы еще быстрее уйдут. Здорово же, правда? Или мне на ваших глазах больную исцелить надо, чтобы вы поверили, прекрасная госпожа фон Винтерхальтер?

— Выходит, вы намеренно травите пациентов отравой, которую называете ртутью, а затем целительной магией убираете побочки? — если его слова правда и если этот метод и впрямь помогает, то он весьма интересный, хоть и звучит очень опасно, только воистину хорошему целителю можно было доверять пойти на такой риск. — Это очень опасно и почти что безумно, — вопреки своему истинному мнению, надменно кинула Иветта. — Конечно, я вам не верю. Вы не сможете впечатлить меня глупыми рассказами о том, как героически чудом спасли кучу существ. Если уж вы такой гениальный, то, зная обстановку, происходящую в городе, могли бы заявить о своем гениальном изобретении, это спасло бы кучу жизней. Вы этого не сделали, и я не верю в ваше благородство. Куда больше вы напоминаете мне чудовищного экспериментатора, что не стесняется ставить опыты на живых существах.

— А разве поиск истины всегда безопасен и разумен? В стране откуда я, были похожие болячки, и чем их только не лечили, из-за чего побочки перекрывали весь полезный эффект, а все потому что люди глупы и не умеют колдовать. Я

же обладаю и полезной магией, и знаниями, и опытом. Что мне мешает, пользуясь всем этим, решать проблему, которая может угрожать чуть ли не всей столице? Я уверен, будь вы на моем месте, сделали бы так же, если, конечно, даже не безумнее, — он мягко усмехнулся, покачиваясь на стуле. — Боги, и опять вы про гениальность, захвалите же меня, а это ещё даже не наше первое свидание! Я не пошёл рассказывать об этом всему миру, потому что не хочу проблем, все просто. Сами подумайте, человек с магией — это уже ничего себе, а тут он ещё и заявляет, что может вылечить страшную болезнь, да меня бы лично вы первой закидали камнями. Таким, как я, не верят, и я знаю почему. Так что лучше я буду тут в тени потихоньку делать то, что в моих силах, чем бегать у всех на виду и не приносить никакой пользы. Для целителя же самое страшное — это не суметь помочь, мы же хотим спасти всех и сразу... а когда на тебя смотрит весь высший свет — это тяжело.

— Как благородно! Но это всё пустые отмазки, — скрестила руки на груди Иветта. — С каждым мгновением я верю вам всё меньше и меньше. Я должна знать абсолютно все, чтобы понять, что вы из себя представляете на самом деле, — почти что приказала она.

— Ну раз вы хотите видеть и знать все... — Агата тяжело вздохнул, задумавшись на пару мгновений. Тяга Иветты выяснить все, разобраться в лекарстве и, возможно, ещё и всех вылечить восхищала, вот только и немного пугала. Она вы-

глядела решительной и смелой, ещё очень сильной и храброй, но вот только что-то очень сильно волновало Агату... не повредят ли все эти качества Иветте, когда он ей все расскажет? Не попадёт ли она в беду из-за этого? Ведь как бы то ни было, она остаётся прекрасной женщиной, хрупким и милым сознанием. Что бы там ни было в её силах... грязных и мерзких трюков у многих хватает, особенно если она сунется на самое дно, чтобы и там всех спасти. А он очень не хочет, чтобы эта удивительная женщина пострадала! Он только её узнал! Ему хочется узнать её больше и стать ей ближе, а не прийти на похороны героически погибшей в трущобах целительницы! — Я не расскажу вам все, что я знаю, — неожиданно серьёзно произнёс Агата. — Вы же, все узнав, кинетесь бороться со всем одна, даже если сделаете вид, что не верили и правда сочли меня за странного одинокого больного умом мужчину. Так что если хотите увидеть все так, как оно есть, узнать часть того, как я работаю и лично увидеть работу лекарства в деле, то приходите завтра ранним утром, покажу вам, как готовлю лекарство, а потом вместе сходим в бордель. Увидите, где все началось и как я работаю, а главное убедитесь, что моё лечение действует. Иначе я вам ничего не скажу, — строго закончил он, глядя в глаза самой удивительной женщине из всех.

— В бордель?! С вами?! — возмущенно ахает Иветта, округляя глаза. Ну да, конечно, затащить княжну в бордель — вот самая лучшая идея, что могла прийти в голову этому

бездарному лекарю! — Да идите вы знаете куда?! На дно к морскому богу. Я жалею, что пришла! Вы самый обычный высокомерный хам! — она фыркает и тут же покидает дом, на прощание оскорблённо хлопнув дверью.

На все возмущения и оскорбления от Иветты Агата отвечал лишь спокойной улыбкой. Конечно, прекрасная аристократка будет недовольна тем, что какой-то, как она выразилась, мужлан зовёт её в бордель. Да в целом любая девушка была бы, минимум, удивлена такому приглашению, а тут аристократка, ещё и такая... но Агата был готов к такой реакции. Его целью было именно напугать, смутить, сбить с желания лезть во все происходящее с головой. Болезни, передающиеся половым путем и берущие свое начало из обителей проституток и изменщиков, не так страшны, как те, кто ими болеет. По опыту Агата представлял, с какими элементами прекрасная Иветта могла бы столкнуться, окунись она в весь этот ужас с головой. Поэтому лучше уж пусть он в два раза чаще сходит в бордель, начнёт активнее лечить больных и вообще вылезет из своего уютного домика и заявит о своих возможностях миру, только бы защитить эту чудесную фею от опасности и ужаса.

Когда дверь хлопнула, мужчина вздрогнул, но тут же расслабился, шумно выдыхая и сползая вниз по стулу. Это была слишком эмоциональная и неожиданная встреча. За все время пребывания в этом удивительном мире он ни разу ни с кем так не разговаривал, ни на кого не смотрел, как на Ивет-

ту фон Винтерхальтер. Даже сейчас, когда женщина уже покинула его дома, он не мог выкинуть её из головы. В его маленьком домике словно темнее стало, как-то по-особенному холодно и пусто, лишь едва ощутимый за запахом трав и пыли аромат её парфюма напоминал о том, что это страшное грязное место недавно посетила не меньше чем богиня.

И пускай он специально хотел напугать Иветту, что-то очень глубоко в груди неприятно ныло от мысли, что он может больше никогда не увидеть чудесных голубых глаз и не услышать мелодичный голосок, в мягкости которого слышится раскат грома. Ну вот как такое возможно? Что это вообще такое? Очередная неизвестная и непонятная болезнь этого мира? Как ещё можно объяснить то, что образ Иветты так чётко и ярко отпечатался в памяти, настолько, что он может пересказать в мельчайших деталях, как были уложены её волосы и каким бисером расшито платье... а ещё сердце бьётся как бешенное, и в жар кидает... ну точно заболел! Он шумно выдохнул, закрывая глаза. Всё-таки раз болезнь такая странная, то почему бы не воспользоваться ей и не встретить удивительную Иветту ещё раз, пускай и только в своей голове. Он сам не заметил, как заснул. Перед глазами менялись картинки и сюжеты, в которых единственной постоянной частью была Иветта. Боги, это были самые прекрасные сны за всю его жизнь! Но гром среди ясного неба заставляет дёрнуться, буквально упасть на пол со стула, на котором он так удобно устроился.

— Я даю вам последний шанс, — громко и холодно произносит женский голосок. — Если не впечатлите меня своими методами работы и окажется, что вы просто лжец и в крайней степени идиот, то я уничтожу вас и вашу карьеру. Однако же, — цедит Иветта уже сквозь зубы, — если вы окажетесь правы, то я буду безмерно вам благодарна за помощь в борьбе с болезнью.

— И Вам, доброе утро, — растерянно моргает Агата, сидя на полу и глядя на Иветту снизу-вверх. Она всё-таки пришла. Такая же прекрасная, как вчера. Ну точно удивительная женщина! Другой такой точно нет во всех мирах, а значит Агата обязан сделать все, чтобы впечатлить её и завоевать её сердце! — Рад, что вы всё-таки решились прийти и отправиться со мной в такое страшное путешествие, — мягко улыбается мужчина и поднимается с пола, отряхиваясь от пыли. — Обещаю, что вы не пожалеете о том, что согласились пойти со мной, и верю, что в будущем мы вместе сможем остановить эту страшную болезнь, — он достал свою сумку, с которой обычно ходил в бордель и стал складывать в неё все необходимое, порой поглядывая на женщину. — Только несмотря на то, что вы крайне смелая и сильная, я попрошу вас внимательно меня сейчас выслушать и отнестись к моей дальнейшей просьбе серьёзно. Мы идём в опасное место, место, где многие жизни сломали и ломают до сих пор, где от каждого можно ожидать подставы и каждый представляет опасность, поэтому прошу вас: будьте всегда рядом со мной,

не пытайтесь убежать вперёд и слушайтесь во всем меня, — он серьёзно посмотрел на Иветту. — В борделях не любят странных гостей, а мы именно такие. Да, я давно для многих домов утех стал личным доктором, но даже ко мне все еще относятся с подозрением, а вы вообще новое лицо. Проститутки будут к вам скорее всего очень добры, но все остальные... поэтому, пожалуйста, опять-таки будьте рядом и всем говорите, что вы моя ученица. Только если вы согласны на такие условия, я возьму вас с собой, а не сбегу сейчас же через телепортацию один. Вы согласны? — он не сводил с женщины серьёзного взгляда. На его лице не было привычной весёлой и беззаботной улыбки, даже в глазах был только холодный блеск. Мужчина точно был уверен в своих словах, а не просто бросался страшилками и угрозами. Да, ему хотелось побыть с Иветтой подольше, но, если она не согласится соблюдать хоть какие-то правила для её же безопасности, он уйдёт один.

— Как скажете, — безразлично бросила Иветта. — Хватит разговаривать со мной, словно с ребенком, я поняла с первого раза. Ведите уже, мои дамы ждут меня в больнице.

— Благодарю за понимание, — мягко улыбнулся мужчина. Конечно, искренне он никогда не поверит, что Иветта будет его спокойно слушаться и не попытается что-то самостоятельно сделать или разузнать. Всё-таки в этой женщине бунтарство и желание все сделать самостоятельно чувствовалось за километр, бесспорно оно очаровывало и привлекало,

но сейчас Агата больше начинал волноваться. — Ну что ж, отправляемся, — он закрыл сумку и, закинув её ремень себе на плечо, подошёл ближе к Иветте. — В бордели даже утром пешком ходить опасно, так что позвольте... — Агата взмахнул рукой, и его с прекрасной дамой окутал алый туман, а когда он рассеялся, они оказались возле входа в здание, украшенное тканями, фонарями и искусственными цветами.

Это был двухэтажный дом, с виду из-за обилия украшений даже не сильно старый, но стоило к нему приглядеться и принюхаться, то все становилось понятно. За пестрыми украшениями пряталось старое даже уже покосившееся здание, двери которого давно не закрывались. В окнах то и дело мелькали девушки, с опаской поглядывающие на появившихся у входа гостей, а в воздухе даже на улице уже чувствовался запах масел, специй и ядреных духов. Людей вокруг уже почти не было, кроме парочки пьяных тел. Агата тяжело вздохнул и посмотрел на свою спутницу, которая выглядела немного взволнованной и даже расстроенной.

— Мы на месте, советую ничего лишнего раз не трогать, но это на ваше усмотрение, а теперь за мной, — Агата уверенно направился к входу в здание.

Но вдруг на встречу им выбежала женщина. Она была одета в короткое розовое платье, на голове были остатки вчерашней укладки, на лице немного смазанный макияж, и она явно была очень уставшей.

— Господин Лю, боги, вы наконец-то пришли... Лили ей

совсем плохо, мы... мы боялись, что она не дожждётся! — она схватила Агату под руку и потащила его за собой в здание, даже не смотря на Иветту. — Пожалуйста, помогите ей первой! Спасите её, она же ещё совсем малышка... только... только недавно к нам пришла, — голос проститутку задрожал, но она старалась держаться, хотя когда привела целителей к нужной комнате, то уже не могла спрятать ни волнения, ни страха во взгляде. — Ну-ка брысь! — крикнула женщина толпившимся возле входа в комнату проституткам. — Я привела врача и... — она кинула быстрый взгляд на только попавшую ей на глаза Иветту, наверное, в любой другой ситуации она бы напряглась, увидев тут её, но сейчас она была слишком взволнована для этого.

— Это моя ученица, все хорошо. Иветта, за мной, а вы, дамы, правда не мешайтесь, — скомандовал уже Агата, проходя в комнату с самым серьёзным видом.

Картина, которая открывалась, стоило зайти в комнату, была ужасна. На огромной кровати, застеленной простынями из дешёвого подобию шёлка, лежала девушка. Истощенная, покрытая множеством язв и высыпаний, она почти не двигалась, лишь порой тихо стонала от боли. Дышать в комнате было тяжело из-за смеси запахов от девушки и благовоний. Агата с невозмутимым видом подошёл к постели больной.

— Почему так долго ждали? — обратился он к проститутке, которая привела их.

— Она... она не выходила из комнаты, говорила, что просто простыла и ей надо отлежаться... а мы... мы не думали, что это может быть этот ужас... она же совсем недавно только... — виновато лепетала женщина, стараясь не заплакать.

— Ясно, — коротко бросил Агата, открывая свою сумку, и быстро начал доставать оттуда все необходимое. — Все, кроме Иветты, вон отсюда! Соберите остальных больных, я осмотрю их после! Всех, даже тех, у кого якобы просто простуда! — мужчина был зол. Больше всего на свете он ненавидел именно такие ситуации.

Когда в комнате никого не осталось, кроме больной и двух целителей, Агата шумно выдохнул. На постели рядом с проституткой уже лежали необходимые лекарства и приборы для их применения.

— Просто простуда... ага... ненавижу, когда в моменты страшной опасности кто-то строит из себя героя или скрывает что-то... но лечить же надо всех, — он посмотрел на Иветту.

— Бедное дитя! — вспыхивает Иветта. Девушка выглядит просто ужасно, сердце обливается кровью. Фон Винтерхальтер никогда не могла быть бесчувственной к чужому горю. — Ей столько пришлось пережить, а вы и сейчас смеете ругаться?! Я посмотрела бы на вас, если бы вам приходилось каждый день терпеть надругательства из-за банального желания просто жить! — она подходит к кровати и бережно убирает растрепавшиеся локоны со вспотевшего лба. Деву опре-

деленно лихорадит, ужасные язвы изувечили её нежную по-
бледневшую от болезни кожу. — Они ведь все даже не верят,
что кто-то добровольно захочет им помочь, их же считают
низшим слоем, просто товаром, — с печальной нежностью в
голосе произносит Иветта, поправляя постель больной и за-
тем отходя в сторону, чтобы не мешать мужчине лечить.

Было мило слушать как госпожа фон Винтерхальтер пе-
реживает за проститутку, как ругает его за то, что он ворчит.
Все это лишний раз показывало то, как она отличается от
всех остальных существ. Будучи аристократкой, спустилась
на дно ради истины, не испугалась пойти в бордель с неиз-
вестным мужчиной, жалела проституток так, что в момент
лечения Агата буквально чувствовал на себе её взгляд, ка-
залось вот-вот женщина сорвётся с места и остановит его,
лишь бы тот не сделал хуже девушке. Но сам Агата в момен-
те не разделял её переживаний. На его плечах была огром-
ная ответственность, от чего дать волю эмоциям значило бы
точно не дойти до нужного результата. За время, пока он за-
нимался лечением этой жуткой болезни, он уже понял, что
стоит ему пожалеть больного или больную, постараться од-
новременно и лечить, и снимать боль, уменьшать вред ртути,
все сразу приходило к краху, так что больше он не реагиро-
вал на слезы и стоны боли. Лучше уж больная помучается
десять минут, а потом будет здорова, чем погибнет из-за жа-
лости. Он делал свою работу хладнокровно и чётко, каждое
движение было уже отточено, лекарство разведено и приме-

нено быстро, он словно отключался от мира, отдавая все свое внимание процессу.

— Я буду использовать окуривание с огромной дозой ртути и мазь с ней же. Как вы помните, эта штука ядовита, но нас с вами я смогу защитить от всех рисков. Моя магия будет работать как фильтр... грубо говоря, — Агата закатал рукава ханьфу, на его предплечьях выступили алые рисунки, от которых протянулись кровавые нити к Иветте и окружили ее. Сам мужчина с невозмутимым видом приступил к своей работе. Пускай было трудно защищать двоих и одновременно разгонять эффект от лечения для больной, но мужчина старался изо всех сил сделать так, чтобы каждое из этих действий было идеальным. Комнату окутал пар от прибора для окуриваний. Больная застонала громче, на её лице отразилась боль, которую она испытывала, но мужчина невозмутимо начал наносить на язвы и сыпь мазь, крепко держа девушку и не давая той вырваться в моменты, когда, даже несмотря на истощенность от боли, она пыталась дёргаться. Агата представлял, как эта ужасная сцена выглядит со стороны. Он, огромный мужчина, буквально мучает тяжело больную. Но что поделать, если лечение есть только такое? Своей магией он усиливал влияние ртути, буквально травил девушку, но постепенно больная стала затихать.

Мужчина отошёл от постели, наблюдая как бедняжка просто обмякла, даже уже не пытаясь дёргаться или стонать. Прибор для окуривания перестал работать, и постепенно

комната вернулась к своему прежнему виду.

— Смотрите внимательно... — обратился Агата к Иветте.
— Я вывожу ртуть из её организма...

Больная какое-то время просто лежала, почти не подавая признаков жизни, но вскоре открыла глаза и с трудом села на постели. Она была все так же бледна, но язвы на теле затянулись, на их месте остались лишь шрамы, а сыпь полностью пропала. Девушка подняла глаза на стоящих перед ней целителей и тяжело вздохнула.

— Я очень сильно хочу пить... — произнесла она, устало посмотрев на Иветту.

Иветта неверующим взглядом уставилась на Агату. В ней смешалось сразу несколько эмоций. Сомнение, непонимание, даже легкий страх, а ещё, что ужаснее всего, восхищение. Этот упрямый ишак спас умирающее от болезни дитя.

— Что вы такое?! — громко спросила фон Винтерхальтер, схватив лекаря за руку. — Что это за магия? Это не обычная целительная. Это с её помощью вы вывели из её крови яд? Ртуть убивает болезнь, а вы — убиваете ртуть

И хотя фее хотелось расспросить Агату вдоль и поперек, слабый голос проститутки тут же её отвлек. Она отпустила мужчину и ринулась к постели, присела на ее край и слабо улыбнулась девушке. Дева определенно была жива, ей точно стало легче. Может, болезнь и не отступила полностью, но её жизнь спасена. Иветта магией призвала одну из стоящих на столе кружек и наполнила её водой, воссоздав над посудой

небольшую изливающуюся дождем тучку.

— Пей, милая, — ласково произнесла фон Винтерхальтер, протягивая кружку девушке и помогая ей выпить воды. — Теперь с тобой всё будет в порядке.

Агата шумно выдохнул, невольно потянулся рукой к своей голове, которая начала немного болеть. Магия крови прекрасна и удивительна, но своего владельца она не жалеет, а Агата тут разом и себя, и Иветту от паров защищал, так бонусом ещё и девушку вылечил, так что головная боль была чем-то ожидаемым. Неожиданным было море вопросов и то, что Иветта схватила его за руку. Мужчина растерянно моргает, глядя на женщину, он все ещё не отошёл от работы, а тут сразу и так много, это сбивает с толку, а ещё почему-то греет душу. Приятно видеть, что, кажется, он смог все-таки впечатлить госпожу фон Винтерхальтер, хоть она и почти сразу кинулась к девушке.

— Да, теперь все будет хорошо, — устало у Агата, глядя на только что вылеченную девушку и обращаясь к ней. — Лили, я попрошу Стеллу приглядеть за тобой ближайшие дни и помочь прийти окончательно в себя. Сам тоже буду заглядывать и проверять все ли в норме.

— Спасибо вам, господин Лю! И вам, незнакомая красавица, — слабо улыбнулась девушка, посмотрев сперва на Агату, а потом на Иветту. — Но простите, что пришлось тратить время и лекарства на меня, а не на кого-то из старших, кто болеет, — она виновато опустила голову, отставляя пу-

стую кружку в сторону.

— Лили, твоя жизнь тоже очень важна, — грустно улыбнулся мужчина, а потом аккуратно коснулся головы девушки, мягко погладив её по волосам, пока под его ладонью мелькнул зелёный свет. — Не думай о таких глупостях... тебе сейчас нужно набраться сил и поспать...

— Хорошо, господин Лю, я как раз... что-то... спать захотела, — мягко улыбнулась девушка и почти моментально уснула. Агата легонько поймал её за плечи и уложил на подушки, а сам снова тяжело вздохнул, потирая пальцами свои виски и садясь на край постели. Вид у мужчины стал совсем уставший.

Иветта мягко улыбается, глядя, как девица засыпает.

— Если что она проснётся часа через два, — предупредил Агата свою спутницу и посмотрел на неё — Если возвращаться к вашим вопросам, то я простой человек, но с сюрпризом. Я плохо знаю каноничную магию целительства, у меня почти нет к ней способностей, но зато то что вы видели — это магия крови. Вот с ней я справляюсь на ура. Поэтому немного переделал её. Нет, она все так же страшное оружие, но, как видите, с её помощью я могу влиять на кровь, на её состав, добавлять или наоборот извлекать что-то из неё... так я и вывел ртуть. Надеюсь, теперь вы мне... верите? Верите в то, что я что-то могу?

Сидя на краю постели больной, Агата старался собрать все свои силы. Ему ещё необходимо осмотреть всех остальных

девушек, провести тех, кто проходил лечение не экстренным методом, раздать мазь, но голова гудела. Недосып и использование огромного количества сил за раз было худшим сочетанием. Он это прекрасно понял ещё давно, когда в первый раз рухнул в обморок после оттачивания определённых заклинаний. Правда сейчас падать в обморок очень не хотелось, всё-таки рядом была Иветта, и женщине точно не нужно видеть мужчину в плохом состоянии. Он вообще-то впечатлить её хотел, а не разжалобить. Убрав руки от висков и поправив волосы, он тяжело вздохнул и посмотрел серьёзным взглядом на женщину.

— Интересное применение магии крови, — задумчиво произнесла фея. — Да, я вам верю. Это было похоже на правду, — спокойно отозвалась фон Винтерхальтер. — Да и то, что вы не владеете целительной магией, добавляет искренности вашим словам. Феи бы не стали обучать человека, я уверена. Что ж, господин Лю, я ошиблась насчет вас. Не во всём, конечно, я все еще считаю вас хамом, упрямым и очень несовершенным мужчиной, но теперь вижу, что вы на многое способны. Как хозяйка Центральной столичной больницы, я хотела бы пригласить вас к себе на консультацию после того, как мы с вами поможем остальным девушкам. Если я прошу не слишком многого, то не могли бы мы с вами помочь и тем знатным дамам, что лежат в моих палатах? Разумеется, я щедро вознагражу вас.

То, с какой мягкой улыбкой она смотрела на проститут-

ку и как спокойно с ним говорила, настораживало. Он ещё очень мало знал об этой удивительной женщине, но что-то подсказывало, что в её голове стали рождаться странные мысли. Все время с их знакомства она язвила, злилась и всячески его унижала, а тут такая спокойная, говорит почти как с равным. Что-то тут точно было не так.

— Не нужно мне наград, — тяжело вздохнул Агата, поднимаясь на ноги и потягиваясь до хруста в спине. — Я принципиально не беру плату с больных, думаете, с коллеги возьму? Ещё и за то, что помогу в страшную минуту, когда по столице вот-вот может разойтись страшная болезнь? Госпожа фон Винтерхальтер, ну уж настолько плохо обо мне думать не надо, — устало улыбнулся мужчина, подходя к своей сумке, чтобы сложить в неё все, что только что использовалось в лечении, и достать небольшие баночки с мазью для проституток, чья болезнь пока остановилась только на сыпи и язвах.

И всё-таки он был более чем уверен в том, что Иветта что-то задумала. Он даже в бордель же её позвал, чтобы напугать, а она в итоге пришла, значит на многое готова, проституток жалеет, мужчин, видимо, недолюбливает... сильная и уверенная в себе женщина, умна и сообразительна, точно же решит во что-то влезть или изучать все начнёт, не жалея себя. Агата вновь вздохнул, поднимая голубые глаза на свою спутницу.

— Благодарю, господин Лю, — мягко произнесла Ивет-

та. Будь он её целителем, то определённо бы настаивала на том, чтобы щедро вознаградить, но это чужой и фактически незнакомый человек, о таких тонкостях можно будет, если что, поговорить и позднее, куда важнее его согласие помочь несчастным дамам.

— Но в любом случае я конечно же вам помогу с лечение знатных дам. Если позволите сделать это завтра, то даже приготовлю мази для тех, кто только-только к вам обратится. Они помогут вылечить язвы и сыпь. Но, а пока нам нужно помочь девушкам тут, так что прошу, — он снова закинул сумку на плечо и подошёл к Иветте протягивая ей баночки с мазью. — Можете пока раздать эти баночки девушкам с первичными признаками, пока я осмотрю тех, что в изоляции от клиентов? Простите, что прошу о таком, но я теперь не в лучшей форме, как вы видите, — он неловко улыбнулся фее.

Да девицы из публичного дома заслуживали того, чтобы к ним отнеслись с пониманием и заботой. Иветта кивает головой в ответ на просьбу раздать баночки, это поможет ей и узнать немного об этом загадочном Агате, пока он занимается своими очень важными делами и поднимает себе эго тем, что самую легкую задачу оставил маленькой глупой ученице. Фон Винтерхальтер было всё равно, что о ней думает мужчина, самое важное — помочь девушкам.

За дверями собрались уже все девушки, что работали в этом борделе, кроме разумеется тех, кого болезнь приковала к постели или заперла в комнатах. Каждая была ужасно

взволнована, многие тревожно перешептывались между собой, отчего зал наполнил лёгкий гул, но стоило Агате распахнуть дверь, как все притихли. Только та девушка, что привела их к больной, вышла вперёд и с надеждой посмотрела на целителя.

— С Лили, все будет хорошо, не волнуйся, Стелла, — мягко произносит мужчина, аккуратно положив руку на плечо девушке, которая облегчённо выдохнула. — Ей нужен покой минимум неделю, я буду заходить и проверять, как она, по процедурам все так же, как и с остальными. Справишься? Или может ещё кого обучить базе в помощь тебе? — взволнованно произнёс он.

— Да, я справлюсь, господин Лю, все будет хорошо, спасибо, что не бросаете нас, — Стелла коротко улыбнулась.

— Это просто моя работа, — улыбнулся Агата. — Так, а теперь. Все, кто чувствует себя хорошо, разойдитесь по комнатам, у кого есть недомогания — со Стеллой в главный зал. И к тем, и к тем подойду после осмотра остро болеющих. Те, у кого остались сыпь и язвы, подойдите к госпоже Иветте, она выдаст вам мазь. А теперь все по местам, а я к старшим, — громко скомандовал Агата, и девушки тут же разошлись в разные стороны. Сам мужчина посмотрел на Иветту, — Минут тридцать, и я вернусь к вам, побудьте пока с девочками. Только прошу, будьте к ним помягче, — улыбнулся он, и поспешил на второй этаж здания.

К Иветте же тут же подбежали девушки. Когда Иветта

и Агата только пришли, все они смотрели на незнакомку с опаской, но сейчас без стеснения с интересом разглядывали.

— Госпожа Иветта, а вы же помощница, господина Лю? Вы тоже умеете лечить этот ужас? — с интересом начала задавать вопросы одна из девушек.

— Спасибо вам, что вы помогли господину Лю вылечить нашу маленькую Лили! — подхватила вторая.

— Ой, а ещё вы такая хорошенькая! Словно принцесса, вы тоже из бедного района? А почему к господину Лю пошли работать, а не к нам? Он хорошо вам платит? — зашебетала третья, пока остальные, окружив Иветту, все так же её рассматривали. Несмотря на то, что на каждой из девушек можно было заметить следы страшной болезни, все они сейчас выглядели гораздо живее, чем когда целители только-только вошли в бордель, и словно с какой-то надеждой и детским любопытством смотрели на Иветту.

Девицы явно взволнованны, даже страшно представить то истинное число заболевших проституток хотя бы в этом публичном доме. Болезнь прогрессировала со страшной силой и, видимо, именно в данных местах для плотских утех находились самые настоящие рассадники. Только откуда заболевание взялось изначально? Даже в бордель кто-то должен был его притащить, а так как через проституток проходили очень многие, то угадать было фактически невозможно. Иветта насмешливо хмыкает, наблюдая за тем, как Агата командует девицами — наверное, ему это приносит ужасное

удовольствие, но решает не язвить, все-таки она ему всего лишь глупая послушная ученица, которая по определению должна побаиваться своего гениального учителя.

— Пока умею только останавливать прогрессирование заболевания, но мой гениальный учитель пообещал обучить освоить лечение полностью, — невинно хлопая глазами, отозвалась Иветта, подходя к девушкам и осматривая их с помощью своей целительной магией на предмет подозрительной сыпи. — Не думаю, конечно, что смогу хотя бы немного приблизиться к его таланту. Да-да, он очень хорошо мне платит, а ещё я всегда им восхищалась, ещё с давних пор, когда маменька привела меня к нему, когда я тяжело заболела. Только он смог меня вылечить, — сочиняя на ходу, болтала Иветта, осматривая сыпь и тут же протягивая мазь тем, кому она действительно была нужна. — Мне так хотелось работать именно с ним — и представляете, он позволил! Скажите, милые девицы, а он часто вам помогает? Я знаю его совсем недолго, а вы наверняка знаете о нём куда больше. Расскажите, какой он, — корча из себя глупую едва-едва совершеннолетнюю ученицу, попросила Иветта, хлопая глазками и смущенно вытащив из-за спины косу и накручивая на пальчик самый кончик длиннющих волос. Проститутки, раз решили, что фон Винтерхальтер из бедного района, видимо, плохо знали о том, кем в обществе принято считать фей.

— Ой, ну это же уже так много! Вы такая юная, а уже так много всего знаете и умеете, удивительно! — ахнула одна из

девушек принимая из рук Иветты баночку с мазью. — Уверенна, господин Лю вас хорошо обучит, и вы, как и он, сможете творить такие чудеса! Эх, хотела бы и я обладать целительной магией, я бы тогда...

— Только не бросайте бедный район! — вклинилась в разговор ещё одна девушка. — Тут и так врачей нет, многие учатся, тут начинают, а потом нас бросают. У меня братишка маленький так помер, не долечили. Так что не уходите в центр, пожалуйста, — с мольбой во взгляде лепетала девушка.

Она с интересом слушает проституток, но сердце до боли цепляет история про братишку, который умер, потому что не долечили. Несправедливо это, ребенок ж маленький, ещё даже не повидал жизни. Иветта считала, что труд врачей ценить нужно, поэтому бесплатной медицины не понимала — как целитель хорошо лечить может, если он голодает и жить ему негде? Но некоторые ситуации исключения требовали, особенно такие, когда жизнь на кону стояла. Несмотря на то, что фея буквально сейчас под прикрытием была, ей очень захотелось сказать, что помощь есть, рядом она.

— Девочки, послушайте, — серьезно произнесла Иветта. — Если дело срочное, если болезнь серьезная, если идти совсем некуда, если о жизни и смерти разговор идет, то в столичную больницу идите. Да, они плату просят, да, обычно к ним аристократы ходят, но, — фея запнулась, — Но хозяйка больницы добрая очень, я ее знаю хорошо. Если кто-то

умирает, если идти некуда, то идите туда и позовите госпожу фон Винтерхальтер. Я вам Богиней клянусь, она точно поможет и спасет. С несчастных и отчаянных денег не возьмет. Главное, скажите, что вам именно она нужна и сообщите, с чем именно придут. Пожалуйста, запомните мои слова.

Она понимала, что вряд ли бедняки станут аристократам доверять, столичным избалованным феям, но Иветта была из тех, кто всех и сразу спасти пыталась, поэтому слышать про то, как дети умирали просто из-за неопытности докторов, из-за того, что те, кто реально помог мог, просто не хотели браться за такое дело, зная, что не получают ничего. Пускай в сердцах этих девушек хоть какая-то надежда будет, пускай, может, своими словами фон Винтерхальтер хотя бы пару жизней спасти и уберечь сможет.

— Да не грузи ты госпожу Иветту! — крикнула на болтливую девицу проститутка, что выглядела постарше остальных. — Простите их глупых, они просто все малявки ещё, вот и любят лишний раз поболтать не о деле, — виновато улыбнулась она женщине. — Вы про господина Лю спрашивали? Он с нами уже давно. Клиентом ни разу не был ни у нас, ни у соседей, мы уж думаем, может, женат или не интересны женщины ему, но не важно. К нам его Стелла притащила — та, что вас встретила, — у нас тогда уже умерло двое девочек, и несколько слегли, да и она сама сыпью покрылась, ну и видимо от собственного страха пошла к лекарю, о котором молва хорошая ходила...

— Дада, про господина Лю многие в бедном районе знают, он тут уже как год живёт и лечит бесплатно!

— Сказала же: замолкни! — вновь недовольно произнесла старшая. — Опять же, простите, пожалуйста, госпожа Иветта, ну так вот. Стелла и сама у него вылечилась, и его к нам притащила, он быстро всех на ноги поставил и стал стабильно раз в несколько дней заходить. Болезнь-то никуда не делась, одних вылечили — другие заболели. Но он хороший, никогда на нас не ругается, помогает бесплатно, хотя Стелла всегда ему деньги сунуть пытается. А главное — как к нормальным относится, а не как к товару, ну вы сами понимаете, как обычно мужчины на женщину красивую смотрят... вот он не такой... порой даже приносит лекарства просто так, а если кого клиент побил, то тоже лечит, так что повезло вам с учителем, — улыбнулась проститутка женщине.

— Повезло-повезло! Но если мало платить станет, то к нам приходите! У нас самый дружный коллектив! — снова вставила свои пару слов самая говорливая проститутка.

Она коротко улыбается в ответ на рассказ об Агате. Что ж, может, и не самый плохой он человек, раз хоть кто-то о нем хорошо отзывается. Но Иветта понимала, что проститутки порой наивными бывают, да и для них любое добро — подарок судьбы, ей же самой этого мужчину понять придется, изучить, чтобы уверенной быть, что зла не сотворит. Хотя его талант и мастерство определенно восхищали, никто в стране с болезнью справиться не мог, а у него выходило,

хоть и странные методы выбирал и замалчивал, что спасти может. Правда, талант его хоть и восхищал, но тем и раздражал. Иветта не могла смириться с тем, что Агата смог спасти других, а она — не могла, не додумалась, как это сделать. А ведь это важно, это так важно, но фея не справилась. И все же, теперь она уже не оступится, все сделает, чтобы знанием завладеть и организовать полноценную помощь.

— О чем болтаете? — раздался неожиданно весёлый, хоть и усталый голос Агаты. Мужчина уже успел осмотреть тяжело больных и провести процедуры. На его радость новых заражённых не было, а те, что были уже в терапии, показывали только улучшения, так что со всем он сумел справиться быстрее, чем думал. Да и вернуться он спешил, понимая, что оставил прекрасную аристократку в сомнительной компании. Но когда вернулся и увидел, как проститутки окружили женщину и просто с ней болтали, от сердца сразу все тревоги отпали. Так что он подошёл ближе и окинул всех девушек усталым взглядом. — Ну-ка, пташки, летите к Стелле, она вам расскажет о том, как правильно мазью пользоваться, да и заодно и накормит, а мне с моей ученицей пора уже, — девушки тут же засуетились, на перебой прощаясь с целителями и желая им всего самого лучшего, парочка даже на эмоциях мягко обняла Иветту, также её благодаря, но когда вся эта пестрая команда убежала к своей старшей подруге по ремеслу, Агата вымученно выдохнул, опираясь плечом о стену. — Ну как вы, госпожа фон Винтерхальтер? И прости-

те, что назвал вас ученицей. Первое что в голову пришло... — устало улыбнулся мужчина.

Она убрала сочувствие и мягкость с лица, как только вернулся Агата. Вновь превратилась в холодную аристократку, хотя все же незаметно обняла тех девиц, что сами к ней с объятиями прильнули. Их оттолкнуть не могла, да и сердце за проституток все-таки болело очень.

— Было бы хуже, если бы по фамилии обратились, — спокойно произнесла Иветта. — Сегодняшний день был показательным и очень значимым. Я была рада и увидеть ваши реальные способности, и помочь девушкам. Что ж, теперь же я просто обязана пригласить вас завтра в свою больницу. Я буду очень ждать вас, Агата. Когда придёте, свяжитесь со мной, — она вынула из сумочки кусок пергамента и призвала своё личное гравированное перо, начала что-то выводить витиеватым подчерком.

Агата, несмотря на усталость, мягко улыбался. Иветта была правда безумно прекрасной женщиной, о такой только и можно говорить, что она девушка мечты. Умная, безумно красивая, из аристократии, а ещё безмерно добрая, хоть почему-то и старается спрятать свою доброту под маской холода и дерзости. Пускай с ним она и ведёт себя грубо, с недоверием, но с другими... от взгляда мужчины не мог спрятаться момент того, как прекрасная аристократка в навверняка безумно дорогушем платье мягко обнимает проститутку на прощание. И пускай девушки сами к ней тянулись, она не

оттолкнула их, не скривила лица, а мягко обняла в ответ, и это говорило о ней больше, чем любые слова. Да и в целом, мужчина все ещё был в восторге от того, что она вообще решилась пойти с ним в это мрачное место, так что сейчас, пусть и будучи ужасно усталым и желающим просто упасть и уснуть часов на десять, он никак не мог оторвать от Иветты фон Винтерхальтер взгляда, полного восторга.

— А я рад, что вы пошли со мной, знаете, в вашей компании даже бордель похож на дворец, — усмехнулся м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.